

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

1965

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи изучения великого ленинского наследия . . .	3
<i>М. А. Бирман.</i> В. И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг. . . .	6
<i>Феликс Тых</i> (ИНР). Ленинизм и польская социал-демократия	21
<i>Е. Д. Воробьева.</i> Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925—1927)	33

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>А. И. Журавский.</i> Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературных языков	44
<i>Б. Флоря.</i> Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского	55
<i>В. Г. Карасев.</i> Неопубликованное письмо В. Пелагича	62

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. М. Орехов.</i> Книги о пребывании В. И. Ленина в Польше и Чехословакии	66
<i>Л. В.</i> «Социально-экономическое развитие Болгарии (1944—1964)»	67
<i>А. И. Недорезов, V. Kotyk.</i> O zahraniční politice socialistických států	68
<i>Д. Песчаный, Веселин Хаджиниколов.</i> Интернационалистические традиции на Българската Комунистическа партия	70
<i>В. Д. Вознесенский, В. К. Волков, Л. Б. Валев.</i> Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны)	71
<i>Г. М. Славин.</i> Об освещении истории СССР в некоторых югославских учебниках	73
<i>Р. П. Гришина, Д. Мичев.</i> Четническото движение в България. 1924—1925	78

<i>Н. Ратнер.</i> Jiří Kořalka. Všeněmčcky svaz a česka otázka koncem 19 století	79
<i>В. А. Дьяков.</i> Zb. Świek. Przywódcy powstania styczniowego	81
<i>И. В. Социн.</i> Ryszard Orłowski. Położenie i walka klasowa chłorów w Ordynacji Zamojskiej w drugiej połowie XVIII wieku	83
<i>В. Д. Королюк.</i> Vojtech Ondrouch. Nálezky keltských, antických a byzantských minci na Slovensku	84
<i>Т. А. Водвиженская.</i> «Wissenschaft am Scheidewege»	85
<i>С. В. Никольский.</i> Dějiny česke literatury, d. II	87
<i>А. П. Соловьева, Л. С. Кушкин.</i> Dějiny česke literatury, d. III	90
<i>В. И. Злыднев.</i> Исследование о болгарской литературной газете	94
<i>Г. Я. Ильина.</i> Vice Zaninovič. August Cesarec (Život i rad)	96
<i>Л. К. Antonin Macek.</i> Stati o kultuře, umění a literatuře	98
<i>Е. П. Львова.</i> Книга о болгарском изобразительном искусстве	98
<i>Л. А. Козырева.</i> Новая книга о Сметане	100
<i>А. И. Рогов.</i> Две книги о болгарской миниатюре XIV века	102
<i>Л. И. Забаинова.</i> Лингвистический сборник в честь проф. Т. Эра-Силавицкого	103
<i>В. В. Усачева.</i> Словарь языка Т. Г. Шевченко	103
<i>Е. В. Михайлов.</i> «Развитие мировой социалистической системы хозяйства и экономическое сотрудничество европейских социалистических стран — участниц СЭВ»	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. П. Наумов.</i> Вопросы славяноведения на общем собрании Отделения истории АН СССР	105
<i>Г. Н. Сапожникова.</i> В секторе истории стран народной демократии Института истории АН СССР	106
<i>Н. К. Боголюбова.</i> На кафедре истории западных и южных славян МГУ	107
<i>А. Р. Волков.</i> Шестая украинская славистическая конференция	108
<i>В. К. Соколова.</i> Вопросы славистики на Международном конгрессе этнографов	113
<i>М. И. Лекомцева.</i> Конференция по индоевропейскому языкознанию	117

В Институте славяноведения АН СССР

<i>М. И. Копашева.</i> Сектор истории зарубежных славянских народов в эпоху социализма	119
<i>А. С.</i> Сектор славянских литератур	119
<i>Н. Прокофьева.</i> Группа истории культуры зарубежных славянских стран	120
<i>М. К.</i> Встреча с лекторской группой ЦК КПЧ	121

Научная жизнь за рубежом

<i>Горан Тодоров</i> (НРБ). Научная деятельность Института истории Болгарской академии наук	121
<i>Тадеуш Цесляк</i> (ПНР). Состояние и направление развития в ПНР исследовательских работ в области истории польско-советских отношений	124
<i>И. И. Удальцов.</i> Памяти Вацлава Гусы	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. Н. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), М. Н. ТИХОМИРОВ,
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНСКОГО НАСЛЕДИЯ

Все, созданное мыслью и делом В. И. Ленина, организатора и вождя КПСС, основателя Советского государства, является величайшим вкладом в марксистскую теорию и практику мирового революционного движения. Ленинские идеи получили всемирное распространение и успешно осуществляются в борьбе народов за свое счастливое будущее. Коммунистическая партия Советского Союза, претворяя в жизнь решения XX, XXI и XXII съездов, постоянно обращается к тем непреходящим ценностям, которые оставлены ей В. И. Лениным, и творчески использует их в деле коммунистического строительства.

Наша партия придает большое значение изучению ленинского наследия. Весьма значительны уже результаты изучения всего круга вопросов, связанных с деятельностью В. И. Ленина, его идейным наследием. Завершается предпринятое по решению ЦК КПСС издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Это издание — итог длительной и большой работы по разысканию, сбору и расшифровке многих доныне неизвестных ленинских документов; оно содержит и превосходный научно-справочный аппарат, во многом облегчающий изучение произведений В. И. Ленина. Изданные в последние годы воспоминания близких и друзей, соратников и учеников великого вождя обогатили нас новыми сведениями о жизни и деятельности Ильича. Большим событием в научной и общественной жизни является издание биографии В. И. Ленина и подготовка многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», первый том которой уже вышел в свет.

Все это создает необходимые и благоприятные предпосылки для дальнейшей разработки проблематики, связанной с деятельностью В. И. Ленина. Перед работниками общественных наук стоит почетная и ответственная задача — глубоко и всесторонне изучить богатое ленинское наследие, создать новые труды, достойные ленинской темы. В решении этой задачи должны принять активное участие и советские слависты.

Одной из важных проблем, связанных с изучением ленинского наследия, является проблема «В. И. Ленин и революционное движение в зарубежных славянских странах до Великой Октябрьской социалистической революции». Исследуя ее, советские ученые и наши зарубежные коллеги уже проделали значительную работу. Однако отдельные аспекты этой проблемы не получили пока еще должного освещения.

Вполне очевидна необходимость дальнейшего глубокого и всестороннего изучения ленинских теоретических положений, обобщающих опыт международного рабочего движения и оказавших огромное влияние на развитие революционной борьбы во всех, и в частности в славянских странах.

Определяя стратегию и тактику революционной борьбы пролетариата, формулируя положения по крестьянскому и национальному вопросам, В. И. Ленин учитывал опыт революционного движения в зарубежных

славянских странах и неоднократно ссылался на него. Изучение освободительного движения в этих странах и его место в разработке марксистско-ленинской теории представляет большой интерес.

В трудах В. И. Ленина рассматриваются многие вопросы рабочего и национально-освободительного движения в зарубежных славянских странах. Отношение В. И. Ленина к этим вопросам, его анализ политического развития, его оценки явлений общественной борьбы в этих странах заслуживают пристального внимания исследователей. При изучении ленинских положений необходимо учитывать общие задачи и условия освободительного движения, конкретные факты революционной борьбы народных масс.

Находясь в эмиграции, В. И. Ленин поддерживал широкие контакты с участниками рабочего движения и прогрессивными деятелями зарубежных славянских стран. Не все эти связи выявлены и достаточно изучены.

Важное значение имеет проблема распространения и утверждения идей ленинизма в рабочем движении. Как известно, в дооктябрьский период рабочие партии зарубежных славянских стран (как впрочем и других стран) не были еще партиями ленинского типа. С конца XIX века и в особенности со времени революции 1905—1907 гг. у трудящихся зарубежных стран возрастает интерес к русскому рабочему движению, опыту нашей партии, к ленинским идеям. Ленинизм оказал воздействие на развитие революционной мысли, способствовал идеологическому созреванию левых сил в международном социал-демократическом движении. В годы первой мировой войны и краха II Интернационала еще более усилился процесс радикализации рабочего движения и усвоения им ленинского учения. В борьбе с оппортунизмом, национализмом, ревизионизмом и догматизмом формировалось революционное направление в рабочем движении в зарубежных славянских странах. Исследование этих вопросов на широком фоне международного рабочего движения является насущной задачей.

Весьма важна и актуальна проблематика, связанная с ролью В. И. Ленина и ленинизма в исторических судьбах славянских народов в послеоктябрьский период.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции означала новый этап в развитии революционной теории, в распространении марксистско-ленинских идей во всем мире. При изучении этого вопроса необходимо раскрыть формы и пути проникновения марксистско-ленинского учения в международное рабочее движение, определить значение опыта КПСС, показать, как преодолевались оппортунизм, национализм и ультралевые тенденции, осветить исторический процесс во всей его сложности и многообразии!

Освещая революционный подъем в молодых независимых славянских государствах, большое внимание следует уделить вопросу распространения идей пролетарского интернационализма, ставших могучим оружием в борьбе с национализмом, который широко использовался буржуазией для укрепления своего политического господства. Особый интерес представляет тема участия трудящихся зарубежных стран в борьбе за победу советской власти и движения солидарности с Советской Россией в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии. При рассмотрении идейного и организационного развития коммунистических партий в славянских странах особое внимание должно быть обращено на усвоение и творческую разработку ими ленинских идей о роли рабочего класса и его партии, о соотношении демократических и социалистических задач, мирных и немирных форм борьбы за победу над эксплуататорами. Важным вопросом этой проблемы является политика руководимого В. И. Лениным первого в

мире социалистического государства по отношению к зарубежным славянским странам.

По всем этим вопросам имеется уже немало исследований, выполненных в СССР и в зарубежных социалистических странах, но задача всестороннего, полноценного раскрытия деятельности В. И. Ленина в этой области, его контактов с деятелями коммунистического движения зарубежных славянских стран, его внимания к процессам развития этих стран на крупном историческом повороте еще требует большой и систематической работы исследователей.

На протяжении всей жизни В. И. Ленин неоднократно обращался и к другим вопросам исторического развития зарубежных славянских народов. Его труды содержат ценные для исторической науки мысли об особенностях социально-экономических и политических процессов в славянских странах, о характере и значении тех или иных событий, об отдельных исторических деятелях и т. д. Эти мысли и оценки В. И. Ленина также должны стать предметом изучения.

Процесс восприятия ленинских идей рабочим и коммунистическим движением в зарубежных славянских странах связан с развитием в этих странах новой, социалистической культуры. Ленинское учение о партийности и народности литературы нашло свое отражение в формировании литературы и искусства социалистического реализма в зарубежных славянских странах. Оно способствовало осознанию закономерности этого процесса, служило стимулом и теоретической основой развития социалистического реализма. Влияние трудов В. И. Ленина на формирование коммунистического мировоззрения передовых деятелей литературы и искусства славянских стран было весьма значительно, что подтверждается как их собственными высказываниями, так и анализом их творчества. Исследование этих вопросов уже начато и в дальнейшем должно быть расширено. Наконец, говоря о проблемах культуры, следует отметить, что образ В. И. Ленина нашел творческое воплощение во многих произведениях литературы и искусства славянских стран. Анализ вклада зарубежных славянских народов во всемирную «лениниану» — благодарная тема исследования для специалистов в этой области.

С именем Ленина, его идеями неразрывно связаны все важнейшие революционные преобразования и свершения нашей эпохи. Великий исторический процесс движения человечества из мира капитализма в мир коммунизма представляет собою объективную историческую закономерность, но важнейшей его чертой является сознательная и целеустремленная деятельность авангарда международного рабочего движения, вооруженного марксистско-ленинской теорией. Глубокое и всестороннее изучение и осмысление процессов претворения в жизнь великого ленинского наследия — чрезвычайно важная и почетная задача всей советской общественной науки. Советские слависты могут и должны внести свой вклад в решение этой задачи.

В. И. ЛЕНИН И БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ БАЛКАНСКИХ СТРАН ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В 1914—1915 гг.

Интерес В. И. Ленина и большевиков к Балканам и балканской социал-демократии определялся в первую очередь растущим в предвоенные годы удельным весом балканских проблем в мировой политике¹. Этот интерес особенно возрос в 1912—1913 гг., в период Балканских войн.

В ряде статей, написанных в конце 1912 — начале 1913 г., В. И. Ленин дал глубокую марксистскую оценку характера Балканских войн и значения событий на Балканах в мировой политике. В. И. Ленин отметил, что в результате освобождения балканских народов от военно-феодального ига султанской Турции сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья и развитию капитализма на востоке Европы². Поскольку «...насущные вопросы Балкан решались, — как отмечал В. И. Ленин, — войной, руководимой буржуазными и династическими интересами...», эти вопросы были решены лишь частично³. Он подчеркивал, что «...балканская революция стоила бы во сто раз менее жертв, чем балканская война, и дала бы в тысячу раз более широкие и прочные демократические результаты»⁴.

Против войны на Балканах выступили болгарские тесняки и сербские социал-демократы. На собраниях и в рабочей печати, в сербской скупщине (где было 2 депутата от социал-демократической партии) и на конгрессе II Интернационала в ноябре 1912 г. в Базеле (где присутствовал представитель тесняков) они решительно осуждали войну и призывали к созданию федерации балканских республик⁵. Они разоблачали захватнические планы буржуазно-шовинистических балканских правительств и интриги империалистической дипломатии великих держав на Балканах и пророчески предупреждали, что война против Турции с целью раздела ее балканских владений приведет к войне между союзниками⁶.

Антивоенную, хотя и не столь четкую позицию заняла социал-демократическая партия Румынии, а также отдельные социалистические груп-

¹ О роли балканских проблем в политике европейских держав см. И. С. Г а л к и н. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905—1912 гг. М., 1960.

² См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 156, 187—188; т. 23, стр. 38.

³ См. В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 23, стр. 38.

⁴ В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 22, стр. 214.

⁵ Еще 7—9 января 1910 г. состоявшаяся в Белграде I Балканская социал-демократическая конференция высказалась за решение балканских проблем путем объединения балканских народов в рамках Балканской федерации демократических республик (см. «Радничке новине», 5—14 I 1910, № 2—6). Таким образом, лозунг Балканской федерации демократических республик или, как его еще иначе формулировали, Федеративной балканской республики стал главным общим лозунгом революционных балканских социал-демократов.

⁶ См. «Работнически вестник», 21 II, 17 и 18 IV, 22 и 23 V 1913; Х. К а б а к ч и е в. Спомени. София, 1955, стр. 70—71; Д. Л а п ч е в и ћ. Рат и српска социјална демократија. Београд, 1925, стр. 33—111.

пы Греции и Турции (в частности, члены Салоникской социалистической федерации)⁷. Партия же болгарских оппортунистов — широких социалистов не выступила против предоставления военных кредитов правительству и фактически поддержала националистическую программу, прикрывая на Базельском конгрессе II Интернационала свою позицию псевдосоциалистической пацифистской фразеологией⁸.

Революционные балканские социал-демократы не смогли в должной мере, как это сделал В. И. Ленин, оценить характер и значение Балканских войн. Им не удалось выработать последовательно марксистскую программу и тактику борьбы за демократизацию стран Балканского полуострова. Пропагандируя лозунг Балканской федерации, они нечетко, а подчас ошибочно представляли пути и средства осуществления этого лозунга, призывая посредством «самостоятельной классовой борьбы пролетариата» оказать давление на буржуазию, чтобы заставить ее пойти на создание Балканской федерации. При этом балканские социал-демократы ограничивались лишь легальной агитацией^{8а}.

Однако они выполнили свой пролетарский долг. Главной задачей в то время было отстоять самостоятельность рабочего движения, противодействовать развращающему влиянию поднявшегося с войной буржуазного национализма. Эту задачу они осуществили. В. И. Ленин одобрил их интернационалистическую позицию и антивоенную деятельность, выдвигание ими в условиях националистического угара лозунга Балканской федерации. «Сознательные рабочие балканских стран, — писал В. И. Ленин, — первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Этот лозунг: федеративная балканская республика»⁹.

Внимательно изучая балканские проблемы и опыт рабочего и социалистического движения на Балканах, В. И. Ленин наметил пути решения назревших на Балканах исторических задач¹⁰. Он связывал осуществление лозунга Балканской федерации с демократической революцией рабочих и крестьян, подчеркивал роль крестьянства как демократической силы на Балканах и отмечал значение руководящей силы, авангарда (сознательных рабочих) в демократической революции¹¹.

Антивоенная деятельность в период Балканских войн 1912—1913 гг. обогатила революционную балканскую социал-демократию опытом борьбы.

⁷ N. C o r o i u. Poziția clasei muncitoare din România față de războaiele balcanice. «Analele...». București, 1956, № 2; Г. А б а ц и е в. Балканские войны и Македония. Скопье, 1958, стр. 220, 226—228. В то же время некоторые деятели рабочего движения Греции заняли националистическую позицию (см. «Работнически вестник», 8 V 1913).

⁸ См. «Ausserordentlicher Internationaler Sozialisten-Kongress zu Basel um 24. und 25. November 1912». Berlin, 1912, S. 16—17; «Дневники (стенографски) на XV обикновено Народно събрание. II редовна сесия», кн. 1, стр. 13—14.

^{8а} См. «Работнически вестник», 17 IV 1913; X. К а б а к ч и е в. Спомени, стр. 109.

⁹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

¹⁰ Об этом свидетельствуют его статьи и заметки, относящиеся к 1912—1913 гг. и более позднему времени (см. В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 22, стр. 135—249 и выписки В. И. Ленина из статьи левого голландского социал-демократа В. Равестейна «Балканские проблемы», относящиеся к 1915 г.— «Тетради по империализму», М., 1939, стр. 4).

¹¹ См. В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 22, стр. 155, 187. Несколько позднее, в январе 1914 г., В. И. Ленин в беседе с одним из тесняков, находившихся в Швейцарии (С. Л. Гольдштейном), как вспоминает его собеседник, отмечал, что осуществить лозунг Балканской федерации одной агитацией и пропагандой нельзя, что предстоит борьба. Критически оценивая отношение тесняков к крестьянству (в той или иной мере характерное для всей балканской социал-демократии), В. И. Ленин говорил: «Ваше самоотделение от крестьянства не соответствует вашей революционности». См. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в дальнейшем ЦПА ИМЛ), ф. 71, оп. 15, д. 317, л. 3.

Ее позиция, поддержанная Базельским конгрессом II Интернационала, содействовала укреплению на Балканах интернационалистических традиций. Все это в немалой степени способствовало тому, что, когда вспыхнула первая мировая война, революционные социал-демократы Балкан заняли антивоенные позиции.

Первыми из балканских социал-демократов должны были в силу обстоятельств определить свою позицию социал-демократы Сербии. Понимая, что австро-сербский конфликт есть только увертюра к мировой войне, которая, как писал член Главной управы ССДП Д. Попович¹², «...не могла иметь никакого иного, кроме резко выраженного империалистического характера...», сербские социал-демократы (за исключением нескольких человек во главе с С. Музикравичем, призвавших партию к обороне страны)¹³ выступили против войны.

25(12) июля 1914 г. состоялось заседание Главной управы Сербской социал-демократической партии (ССДП), на котором Д. Туцович^{13а} и Д. Попович выступили с критикой националистической политики правящих кругов Сербии, тесно связанных с империалистами Антанты. Руководство ССДП единогласно заявило о своей интернационалистической позиции в обстановке надвигающейся войны¹⁴.

Сербские социал-демократы не поддались поднявшемуся с начала войны националистическому угару и сохранили верность интернационалистическому знамени¹⁵. Два депутата от социал-демократии в скупщине отказались вотировать военные кредиты и высказались за солидарность с рабочим классом Австро-Венгрии и балканских стран, за Балканскую федерацию¹⁶.

Не занимая четкой и последовательной позиции в вопросах войны, мира и революции, сербские социал-демократы правильно поняли главную задачу пролетарской партии. Эта задача, по словам В. И. Ленина, заключалась в том, чтобы «...бороться в первую голову с шовинизмом „своей“ буржуазии...»¹⁷, отстоять «... свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма „патриотической“ буржуазной клики всех стран...»¹⁸.

Принимая во внимание, что (в общем потоке первой мировой империалистической войны) в войне Сербии против Австро-Венгрии был, как отмечал В. И. Ленин, и «национальный элемент»¹⁹, антивоенная позиция сербских социал-демократов тем более свидетельствовала, что они поставили на первый план интересы международного рабочего движения.

Интернационалистская позиция сербской социал-демократии была одобрена В. И. Лениным²⁰. Он отмечал, что сербские социал-демократы являют лучший пример выполненного долга²¹. Соратник В. И. Ленина

¹² См. «Наше слово», 1915, 5 сентября.

¹³ «Le populaire de Paris», 8 X 1918 (см. М. М. Сумарокова. «Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 121).

^{13а} Вскоре после этого (в ноябре 1914 г.) он был убит на фронте.

¹⁴ См. Д. Попович. Избранные списы. Београд, 1951, стр. 437; Д. Лапчевич. Указ. соч., стр. 119—121.

¹⁵ Позднее, после поражения Сербии, часть сербских социал-демократов, деморализованных и потерявших связь с массами, перешла на националистические позиции.

¹⁶ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. III. Београд, 1955, стр. 283—287.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 40.

¹⁸ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 17.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 162, а также стр. 16, 363.

²⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 25, 367; Т. Кацлерович. Цимервальдска конференција. Београд, 1951, стр. 10, 17—18.

²¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 25.

известный грузинский революционер С. Г. Буачидзе («Ной»), живший с конца 1914 г. в Болгарии, в статье, посланной из Софии в июле 1915 г. для публикации в журнале «Коммунист» (вместе с письмом к В. И. Ленину), писал: «Сербская социал-демократия и из военного огня сумела крикнуть миру свое революционное и пролетарское слово»²².

Тесняки, так же как и сербские социал-демократы, с начала войны выступили с позиций интернационализма и классовой борьбы. Они проводили митинги и собрания протеста, в ходе которых разоблачали империалистический характер войны, осуждали политику втягивания Болгарии в войну и отстаивали лозунг Балканской федерации²³.

Руководство партии тесняков решительно отклонило попытки пользовавшегося до этого большим авторитетом в болгарском рабочем движении Г. В. Плеханова повлиять на позицию тесняков. В ответ на письмо Плеханова, в котором он пытался убедить болгарских социал-демократов, что царская Россия ведет справедливую войну и что все славяне должны встать на ее сторону²⁴, Д. Благоев от имени ЦК БРСДП тесняков решительно осудил предложение Плеханова. Он писал, что поражение царской России даст «...вспышку революции, которая может привести к революции в других европейских странах»²⁵. Не победа России или Германии, подчеркивал Благоев, а «...революция, которая вспыхнет в результате нынешней небывалой по своим размерам войны, — в этом мы убеждены, — поможет балканской социал-демократии в ее революционной борьбе»²⁶.

Руководство тесняков отмежевалось также от германского социал-шовиниста А. Парвуса, когда тот выступил на митинге 24(11) января 1915 г. в Софии перед болгарскими рабочими, призывая Болгарию присоединиться к австро-германскому блоку. Секретарь ЦК тесняков Г. Кирков в ответ заявил, что для балканских народов одинаково опасны союзы как с империалистами Антанты, так и с империалистами центральных держав²⁷. Это выступление Г. Киркова поддержали и сербские социал-демократы²⁸.

В феврале 1915 г. Г. Кирков от имени ЦК тесняков направил в Международное Социалистическое Бюро заявление, в котором осуждалась шовинистическая позиция партий II Интернационала²⁹. Тогда же в теоретическом журнале тесняков «Ново Време» была опубликована статья Д. Благоева «Интернационал и война», в которой он разоблачил предательство германских и иных социал-шовинистов, осудив их за «современные пакости Интернационалу»³⁰. Признав, что II Интернационал фактически уже не существует, Д. Благоев подчеркнул, что «восстановление Интернационала в его старом виде абсолютно невозможно» и что новый

²² См. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 80. Статья Буачидзе не была опубликована, так как вышел лишь один номер журнала «Коммунист».

²³ О позиции тесняков в период войны см.: Д. Благоев. Съчинения, т. 16—18; Г. К и р к о в. Избрани произведения, т. 1. София, 1950; Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 4—5, 14; В. И. В л а д и м и р с к а я. Борьба Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) против империалистической войны. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XIV. М., 1956; Й. Й о т о в. Тесните социалисти в борба за нов пролетарски Интернационал в периода на Първата световна война. — «Известия на Института по история на БКП», кн. 1—2, София, 1957; А. Т о д о р о в. Историческото место на БРСДП (т. с.) в международна социал-демократия. 1914—1917 гг. София, 1962.

²⁴ См. «Ново време», 1914, кн. XXIII—XXIV.

²⁵ Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 16, стр. 494.

²⁶ Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 16, стр. 497.

²⁷ «Работнически вестник», 13 I 1915.

²⁸ «Работнически вестник», 13 I, 7 II 1915.

²⁹ «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК», т. 1. София, 1957, стр. 434—440.

³⁰ «Ново време», 1915, кн. III, стр. 65; см. также Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 17, стр. 18.

«Интернационал может существовать только на основе революционного социализма»³¹. Это выступление тесняков было одобрено В. И. Лениным. В работе «Крах II Интернационала» он писал: «В Болгарии противники оппортунизма, „тесняки“, печатно обвиняют германских социал-демократов в своем органе („Новом Времени“) в „сотворении пакости“»³².

В Народном собрании фракция тесняков, состоявшая из 11 депутатов (Д. Благоев, Г. Кирков, Х. Кабакчиев, В. Коларов, Г. Димитров и др.), систематически и последовательно разоблачала милитаристскую шовинистическую политику правящих кругов Болгарии, голосовала против военных кредитов и против заключения кабального займа у Германии, объективно направленного на втягивание страны в войну на стороне центральных держав. Депутаты-тесняки предупреждали, что этот курс приведет страну к катастрофе³³. Деятельность парламентской фракции тесняков была отмечена В. И. Лениным в качестве примера парламентарной борьбы революционных марксистов³⁴.

Сохранив верность принципам интернационализма, тесняки добились укрепления связей болгарского пролетариата с передовыми рабочими других балканских стран. Они стремились к сплочению революционных социал-демократов Балкан. В то же время тесняки заняли позицию решительных противников социал-шовинизма на Балканах. Они разоблачали лидеров болгарских оппортунистов — широких социалистов, которые в своем подавляющем большинстве фактически помогали болгарской буржуазии (преимущественно ее антантофильской группировке, — до вступления Болгарии в войну) маскировать империалистические цели разговорами о «национальном объединении» и т. п.³⁵. Оценка тесняками политической линии широких социалистов по существу совпадала с оценкой В. И. Ленина, квалифицировавшего в своей работе «Оппортунизм и крах II Интернационала» партию широких социалистов как партию социал-шовинистов³⁶.

В отличие от болгарских тесняков и сербских социал-демократов в Румынской социал-демократической партии большое влияние имели реформистские деятели — К. Доброджану-Геря (старший) и другие³⁷. Один из зачинателей пропаганды социализма в Румынии, теоретик и идеолог партии, К. Доброджану-Геря в начале войны писал, что время для социальной революции не наступило³⁸, и высказывался против решительного осуждения социал-шовинизма и разрыва с социал-патриотами из II Интернационала, в частности с широкими социалистами³⁹.

Активную роль в Румынской социал-демократии играли и центристы, возглавляемые Х. Раковским, представлявшим румынскую партию в МСБ и на конгрессах II Интернационала. С начала мировой войны Раковский выдвинул лозунг «активного пацифизма», провозгласил войну оппортунизму, как виновнику краха II Интернационала, но, как отмечал В. И. Ленин, одновременно готов был признать и законность идеи защиты

³¹ Д. Благоев. Съчинения, т. 17, стр. 22

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 251.

³³ Г. Кирков. Избрани произведения, т. 1. София, 1950, стр. 280—328.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 335.

³⁵ «Ново време», 1915, кн. XV, стр. 453; Д. Благоев, Съчинения, т. 17, стр. 92, 127—129.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 120.

³⁷ См. В. Н. Виноградов. Внутриполитическая борьба в Румынии накануне ее вступления в первую мировую войну. — «Новая и новейшая история», 1962, № 6; N. S. P. o. i. u. Lupta clasei muncitoare impotriva intrării României în primul război mondial (1914—1916). «Studii...», București, 1960, № 6.

³⁸ В. Н. Виноградов. Там же, стр. 107.

³⁹ «Работнически вестник», 14 VII 1915.

отечества⁴⁰. Его отказ от интернационалистской тактики и революционных методов борьбы, от революционного воспитания масс были, по словам В. И. Ленина, проявлением «... того зла, которое голландские марксисты (Гортер, Паннекук) назвали „пассивным радикализмом“ и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к работе или бессилию перед оппортунизмом на практике»⁴¹. В. И. Ленин квалифицировал позицию Раковского (летом 1915 г.) как «каутскианскую»⁴².

В то же время в румынском рабочем и социалистическом движении имелось и революционное крыло во главе с членами Исполкома социал-демократической партии Д. Маринеску, Е. Арборе-Ралли и А. Константинеску. Отмечая преданность Д. Маринеску и Е. Арборе интересам пролетариата, С. Г. Буачидзе в письме из Софии к В. И. Ленину от 12 VII 1915 г. писал: «...на Благоева, Димитрова, дочь Арборе и Маринеску можем всегда и везде вполне рассчитывать»⁴³. А. Константинеску на одном из массовых рабочих митингов в феврале 1915 г. заявил, что на насилie буржуазии, расправлявшейся с движением за мир, нужно ответить насилieм⁴⁴.

Революционные социал-демократы Румынии критиковали (правда, часто с анархо-синдикалистских позиций) К. Доброджану-Геря и его сторонников за примиренческое отношение к социал-шовинистам⁴⁵. В румынской рабочей печати (в газете «Lupta zilnică») публиковались материалы об интернационалистской позиции революционных социал-демократов зарубежных стран — в частности, о К. Либкнехте и Р. Люксембург, о русских большевиках и В. И. Ленине⁴⁶. Существенное значение для определения позиции румынской социал-демократической партии имели и ее контакты с болгарскими тесняками и сербскими социал-демократами. Румынская социал-демократическая партия (за исключением отдельных социал-шовинистских элементов) в начале империалистической войны в основном заняла антивоенную, интернационалистскую (хотя и не вполне последовательную) позицию. Руководство партии осудило социал-шовинизм, выступило против войны, за нейтралитет Румынии.

В Греции ввиду общей слабости социалистического движения к началу войны не было еще социалистической партии⁴⁷. Попытка создать такую партию, предпринятая на конференции в апреле 1915 г., по существу успеха не имела⁴⁸.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 324; т. 49, стр. 117—118.

⁴¹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 26, стр. 324.

⁴² В. И. Ленин. Указ. соч., т. 49, стр. 117—118.

⁴³ «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 79; Е. З. Арборе — дочь З. К. Арборе-Ралли (русского эмигранта-народовольца, проживавшего в Румынии). Позднее, в 1917—1919 гг., выступала в рядах группы румынских интернационалистов в защиту Октябрьской революции, а затем стала членом РКП (б). Д. Маринеску умер в 1916 г.

⁴⁴ V. Liveanu. 1918. Din istoria luptelor revolutionare din România, Bucureşti, 1960, p. 116. А. Константинеску позже был одним из основателей Коммунистической партии Румынии.

⁴⁵ V. Liveanu. Op. cit., p. 116; N. Soroiu. Op. cit., p. 13—14.

⁴⁶ N. Soroiu. Op. cit., p. 17.

⁴⁷ Социалистическое движение в Греции было представлено несколькими социалистическими организациями и группами (в Афинах и Салониках). Между лидерами этих организаций шла борьба за руководство греческим социалистическим движением, носившая в значительной мере непринципиальный характер. См. Я. Кордато. История греческого рабочего движения. Афины, 1956, гл. 16—19 (на новогреческом языке). Ознакомиться с книгой Я. Кордатоса нам помогла Т. В. Цивьян, за что мы выражаем ей свою признательность.

⁴⁸ «Рабочий вестник», 7 V 1915. Социалистическая партия в Греции была основана в ноябре 1918 г.

Греческие социалисты не проявили активности в начале войны. Часть их занимала позицию мелкобуржуазного пацифизма. Некоторые социалисты сочувствовали националистическим планам греческой буржуазии (германофильской ее группировке или антантофилам — «венизелистам»). Сильное реформистское влияние привело к тому, что часть греческих социалистов сблокировалась с германофильской буржуазной группировкой и добилась избрания двух депутатов-социалистов в парламент на выборах 31 мая 1915 г.⁴⁹

Ар. Сидерис, депутат-социалист, во время поездок в Болгарию и Румынию в качестве представителя греческого рабочего и социалистического движения выступал с антивоенными речами, с поддержкой популярного среди сознательных пролетариев Греции лозунга Балканской федеративной республики. Эти выступления и были наиболее значительным проявлением антивоенной деятельности греческих социалистов в 1914—1915 гг.⁵⁰

* * *

Для утверждения интернационалистских позиций в балканской социал-демократии большое значение имел опыт всего международного рабочего движения, позиция его революционного крыла в других европейских странах (большевиков в России, левых в германской социал-демократии, СДКПиЛ, голландских «трибунистов», левых социал-демократов Италии, Англии, Скандинавии, Франции, Швейцарии). В настоящей статье мы рассмотрим вопрос о роли большевиков и В. И. Ленина в укреплении интернационалистских позиций среди социал-демократии на Балканах.

Мужественная, последовательно революционная и интернационалистская позиция большевиков, занятая ими с самого начала империалистической войны, имела особенно большое значение для судеб международного рабочего и социалистического движения. Высоко подняв знамя решительной борьбы против грабительской войны, выработав тактику этой борьбы, выдвинув лозунги превращения войны империалистической в войну гражданскую и поражения своего правительства, В. И. Ленин и большевики тем самым помогали лучшим силам международного пролетариата выбрать единственно правильный в тех условиях путь борьбы против империализма и войны. Эта тактика активной революционной борьбы против войны снискала симпатии и уважение тесняков и интернационалистов из других балканских стран к большевикам и содействовала их сближению.

В начале мировой войны руководители партии тесняков и партии большевиков установили непосредственные контакты: между Д. Благоевым и В. И. Лениным (находившимся в Швейцарии) велась переписка, в которой обсуждались актуальные политические вопросы, тактика рабочих партий и т. п.⁵¹ У В. И. Ленина и большевиков установились личные кон-

⁴⁹ Я. К о р д а т о с. История греческого рабочего движения, стр. 273—275. Вследствии два депутата-социалиста, поддавшись националистическим настроениям, поддержали в парламенте «венизелистов», за что и были исключены на год из социалистической организации, но затем приняты вновь.

⁵⁰ Я. К о р д а т о с. Там же, стр. 275—277.

⁵¹ К настоящему времени из этой переписки обнаружено только письмо Д. Благоева В. И. Ленину от 28 (15) VIII 1915. Оригинал этого письма на русском языке находится в Москве, в ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 18, д. 27410 (см. также Д. Б л а г о е в. Сьчинения, т. 17, стр. 122—123). Письма В. И. Ленина Д. Благоеву (о них имеются свидетельства в письме Д. Благоева и в переписке В. И. Ленина с другими лицами) сгорели вместе со значительной частью архива ЦК тесняков во время пожара в здании ЦК БКП 24 V 1921.

такты с болгарскими тесняками, проживавшими в то время в Швейцарии (С. Минев, С. Гольдштейн и др.) и Франции⁵².

Большевистская литература проникала в Болгарию в этот период разными путями. До вступления Болгарии в войну на стороне Германии в октябре 1915 г. она провозилась легально и в большом количестве⁵³. Издававшийся в Швейцарии под редакцией В. И. Ленина «Социал-демократ» и другие большевистские издания пользовались большой популярностью у передовых болгарских рабочих⁵⁴. «„Социал-демократ“ не читают, а глотают тут — в Софии...», — писал В. И. Ленину 2 июля 1915 г. из Болгарии С. Г. Буачидзе. «„Социал-демократ“, — отмечал он, — является для болгарских товарищей „путеводной звездой“»⁵⁵. В письме от 12 июля 1915 г. из Софии В. И. Ленину С. Г. Буачидзе, спрашивая о причинах задержки посылки с «Социал-Демократом», сообщал: «Тут его („Социал-демократ“. — М. В.) ожидают, как манну...»⁵⁶.

Внимательно следя за позицией большевиков, тесняки систематически информировали о ней болгарских рабочих через свой центральный орган «Работнически вестник». Газета приветствовала депутатов большевистской фракции IV Государственной думы, отказавшихся вотировать военные кредиты и сосланных за это на каторгу⁵⁷. Газета тесняков сообщала о критике большевиками социал-шовинистов из II Интернационала (в частности, опубликовала извлечения из письма — ответа большевиков бельгийскому социал-шовинисту Э. Вандервельде)⁵⁸, о выступлении представителя большевиков М. М. Литвинова с декларацией ЦК РСДРП(б), написанной В. И. Лениным, на Лондонской конференции социал-демократов стран Антанты⁵⁹. Иногда тесняки перепечатывали (полностью, частично или в пересказе) материалы из газеты «Социал-демократ»⁶⁰. Излагались и отдельные выступления В. И. Ленина, например прочитанный в октябре 1914 г. реферат «Война и социал-демократия»⁶¹. Тесняки опубликовали также материалы о росте революционного движения в России и отмечали, «...что рост этот связан с тем, что пролетариат России имеет ясную политическую цель, а это, без сомнения, есть результат той решительной

⁵² См. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 27414; д. 18419; см. также «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 71—73; И. С а м у и л о в. Врзкните между болшевиките и партията на тесните социалисти. «Известия на ВПШ при ЦК на БКП», София, 1961, № 12, стр. 211, 216.

⁵³ Х. Х а л а ч е в. Бунтът в 28 пехотен полк. София, 1949, стр. 95.

⁵⁴ С конца 1914 г. и до середины 1915 г. в № 33—42 «Социал-демократа» были опубликованы такие важные работы В. И. Ленина, как «Война и российская социал-демократия», «Положение и задачи Социалистического Интернационала», «Один немецкий голос о войне», «Мертвый шовинизм и живой социализм (Как восстанавливать Интернационал)», «Что же дальше? (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму)», «Русские Зюдекумы», «О Лондонской конференции», «К иллюстрации лозунга гражданской войны», «Софизмы социал-шовинистов», «Вопрос об объединении интернационалистов», «Крах платонического интернационализма», «О борьбе с социал-шовинизмом» и др.

⁵⁵ «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 76.

⁵⁶ Там же, стр. 79. Ответные письма В. И. Ленина С. Г. Буачидзе пока не разысканы.

⁵⁷ См. «Работнически вестник», 14 IX, 8 X, 18 и 19 XI, 25 XII 1914 и 24 II, 4 III, 18 IV, 5 VIII 1915. В помощь семьям сосланных депутатов-большевиков тесняки организовали сбор средств (см. «Работнически вестник», 22 II 1915). Собранные деньги были пересланы в Швейцарию и поступили в распоряжение ЦК РСДРП (б). (См. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 27459, л. 1; «Социал-демократ», 1915, № 54, 55.)

⁵⁸ «Работнически вестник», 19 X 1914.

⁵⁹ «Работнически вестник», 21 II 1915; В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 571.

⁶⁰ См. «Работнически вестник», 24 и 26 II 1915.

⁶¹ См. «Работнически вестник», 30 X 1914; В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 564.

позиции, которую русские социал-демократы большевики занимают с самого начала войны»⁶².

Большое значение для идейного и организационного сплочения интернационалистских элементов в международном рабочем движении, в том числе и в балканских странах, имела деятельность В. И. Ленина и руководимых им большевистских секций в Швейцарии по подготовке и проведению в Берне весной 1915 г. международных (женской и молодежной) социалистических конференций⁶³. Подготавливая под руководством В. И. Ленина конференцию женщин — левых социалисток, русские социал-демократки, члены партии большевиков (Инесса Арманд и др.) написали письмо к руководителю Центральной комиссии группы женщин — социал-демократок при ЦК партии тесняков. Но это письмо с приглашением участвовать в конференции пришло в Болгарию, как видно из текста ответа, с большим опозданием⁶⁴. Поэтому, как мы предполагаем, болгарские представительницы и не смогли прибыть на состоявшуюся в Берне 26—28 марта 1915 г. конференцию женщины левых социал-демократок. Ответное письмо секретаря Центральной женской комиссии при ЦК партии тесняков Тины Кирковой от 20(7) марта 1915 г. с одобрением идеи созыва конференции прибыло в Берн уже в апреле 1915 г., т. е. после ее окончания⁶⁵. В этом письме Т. Киркова горячо приветствовала инициативу русских социал-демократок и высказывала свои соображения по поводу целей конференции. Они состояли в следующем: «...1) прежде всего поднять и поднять высоко знамя социализма против капитализма; 2) действовать в целях скорейшего прекращения войны и 3) продолжать работать для восстановления единства пролетарских сил и возрождения Интернационала на базе революционного социализма»⁶⁶. После окончания конференции в Берне информация о ней и большевистский проект резолюции были пересланы в Болгарию и напечатаны в газете «Работнически вестник»⁶⁷.

Более тесные контакты с тесняками завязались у В. И. Ленина и проживавших в Швейцарии большевиков в связи с международной конференцией представителей социалистической молодежи по вопросу об отношении к войне, состоявшейся 4—6 апреля 1915 г. в Берне. Не имея возможности послать специальных делегатов из Болгарии, ЦК тесняков уполномочил находившегося с 1914 г. в Женеве члена партии тесняков С. Минева представлять на конференции Болгарский союз рабочей социал-демократической молодежи⁶⁸. С. Минева с самого начала войны интересовался позицией большевиков, слушал реферат В. И. Ленина в Женеве от 15(2) октября 1914 г. на тему «Европейская война и социализм»⁶⁹. Выступление С. Минева на конференции, в котором он осуждал социал-шовинизм и призывал к созданию революционного Интернационала и к революции, было одобрено большинством делегатов конференции, включая больше-

⁶² «Работнически вестник», 24 XI 1915.

⁶³ См. А. П. С м и р н о в а. Из истории борьбы В. И. Ленина за сплочение левых социал-демократов в годы первой мировой войны. — «Вопросы истории», 1959, № 1; Я. Г. Т е м к и н. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918). М., 1957.

⁶⁴ См. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 72.

⁶⁵ На конверте письма, посланного Т. Кирковой Инессе Арманд, стоит штемпель Бернского почтамта с датами 1 IV—15 IV 1915 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 456, оп. 1, д. 29372).

⁶⁶ См. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 72.

⁶⁷ «Работнически вестник», 1 IV 1915.

⁶⁸ «Работнически вестник», 1 VII 1915.

⁶⁹ Об этом свидетельствует сохранившаяся в ЦПА ИМЛ записка, посланная С. Миневым В. И. Ленину во время его выступления (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 18, д. 18419 и «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 71).

виков⁷⁰. Хотя С. Минев проголосовал за компромиссный проект резолюции, он отослал текст большевистского проекта резолюции вместе с подробным отчетом о конференции в Болгарию. Эти материалы были опубликованы в нескольких номерах газеты «Работнически вестник»⁷¹.

В годы войны, во время пребывания В. И. Ленина в Швейцарии, ему нередко приходилось общаться с учащейся молодежью и деятелями рабочего движения (в том числе и из балканских стран) и выступать перед ними⁷². Большое впечатление на всех слушателей производили, в частности, яркие антивоенные рефераты В. И. Ленина осенью 1914 г., в которых он защищал интернационалистскую позицию большевистской партии.

Ознакомлению тесняков с позицией партии большевиков способствовали также тесно связанные с болгарским рабочим движением русские революционеры, проживавшие накануне и в начале войны в Болгарии,—С. Г. Буачидзе, И. П. Хонявко (С. Цанев), Е. Т. Никош и другие⁷³. В своих письмах В. И. Ленину они информировали его о важнейших событиях рабочего и социалистического движения на Балканах⁷⁴.

В румынской рабочей печати (в газете «Lupta zilnică») также публиковались материалы об антивоенной деятельности большевиков — в частности, об отказе большевистских депутатов IV Государственной думы вотировать военные кредиты, о борьбе В. И. Ленина и большевиков с социал-шовинизмом, о нарастании революционного движения в России⁷⁵. В целом можно согласиться с выводом румынского историка Н. Копою, что публикация в румынской печати материалов о деятельности В. И. Ленина и русских большевиков «...несомненно сыграла особо важную роль в укреплении левого крыла румынской социал-демократической партии»⁷⁶.

В сербскую социал-демократию, очевидно, также проникали сведения о позиции большевиков и В. И. Ленина, хотя трудности военного положения страны препятствовали деятельности социал-демократов и их контактам с зарубежным рабочим движением. В нашем распоряжении нет, к сожалению, данных о их прямых связях с большевиками. Можно лишь предположить, что традиции русско-сербских марксистских связей не были совершенно прерваны. Некоторую информацию о позиции большевиков сербские социал-демократы получали, вероятно, от большевиков, находившихся в это время в Сербии. В частности, с лета 1913 г. там проживал соратник В. И. Ленина Н. А. Семашко. Как отмечал сам Н. А. Семашко, он вел в Сербии революционную пропаганду, участвовал в сербском социал-демократическом движении и имел контакты с Д. Поповичем и Ф. Филиповичем⁷⁷. По-видимому, он поддерживал связь с В. И. Лениным и

⁷⁰ «Работнически вестник», 1 VII 1915.

⁷¹ «Работнически вестник», 23, 24, 25 VI и 1 VII 1915.

⁷² См. ЦПА при ЦК БКП (София), фонд «Спомени», д. 382; «Ленин в спомени на българин», София, 1957, стр. 42—49; «Пролетарская революция», 1928, № 10, стр. 105—107.

⁷³ См. ЦПА при ЦК БКП (София), фонд «Спомени», д. 829; ЦПА ИМЛ, книга поступлений № 3729; «Исторический архив», 1959, № 3; «Димитър Благоев. Сборник от документи», София, 1956, стр. 309, 321; М. А. Б и р м а н. Ной Буачидзе в Болгарии.— «Новая и новейшая история», 1960, № 2; П. С. С о х а н ь. Російско-Болгарські революційні зв'язки в роки першої світової війни, в сб. «Історичні зв'язки слов'янських народів», Київ, 1963; И. П. Х о н я в к о. В подиолье и эмиграции.— «Пролетарская революция», 1923, № 4.

⁷⁴ См. «Исторический архив», 1959, № 3. В этих письмах была дана положительная оценка позиции «тесняков» и других революционных балканских социал-демократов в начале первой мировой войны.

⁷⁵ N. C o p o i u. Afirmarea aripii de stînga din Partidul Social-democrat din România în anii 1914—1916. «Analele...», 1964, № 7, p. 55—57.

⁷⁶ Ibid., p. 5 (приложение).

⁷⁷ См. ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1733, л. 47; Н. А. С е м а ш к о. Ключки воспоминайвий. М., 1930, стр. 90. Ф. Филипович — член руководства ССДП, ранее (в

Н. К. Крупской; во всяком случае, его адрес в Сербии зафиксирован в адресной книжке ЦК РСДРП(б) за 1912—1917 гг.⁷⁸ В качестве экспедитора редакции газеты «Радничке новине» в период 1914—1915 гг., когда она издавалась в г. Нише, работал большевик А. А. Вербов⁷⁹.

* * *

В пропаганде интернационалистских лозунгов, в том числе и большевистских, в укреплении антивоенных интернационалистских позиций среди балканской социал-демократии немаловажную роль играли контакты балканских социал-демократов между собою и их совместные действия. Первым из таких выступлений балканских социал-демократов с начала мировой войны был большой рабочий митинг в Софии 7 марта (22 февраля) 1915 г. На митинге в присутствии нескольких тысяч рабочих антивоенные речи произнесли представители румынских (Е. Арборе) и сербских (Д. Лапчевич) социал-демократов⁸⁰. Выступивший вслед за ними Г. Кирков призвал содействовать превращению этой грабительской войны «...в войну за освобождение народов, за братство и мир»⁸¹. Резолюция, зачитанная Г. Димитровым, требовала, чтобы правительства и парламенты балканских стран и нейтральных государств содействовали немедленному заключению мира. Она осуждала войну, призывала балканские народы к миру и братскому взаимопониманию. Председательствующий на митинге Д. Благоев подчеркнул верность балканских социал-демократов революционным принципам социализма и выразил солидарность с большевистскими депутатами Государственной думы, с братскими социал-демократическими партиями Сербии и Румынии⁸². На митинг по настоянию тесняков — его инициаторов и организаторов — не были приглашены представители широких социалистов.

Правда, центристские и оппортунистические элементы из румынской и сербской социал-демократии делали попытки привлечь широких к общевосточным выступлениям⁸³. В частности, по инициативе центристов из румынской социал-демократии на первомайский митинг 1915 г. в Бухарест были приглашены и широкие, в связи с чем тесняки отказались посылать туда своего представителя⁸⁴.

Решительная позиция тесняков, отказавшихся сотрудничать с лидерами широких социалистов (последние отстаивали социал-шовинистическую платформу и оправдывали измену социализму Г. В. Плеханова, Ж. Гэда, Э. Вандервельде и других), оказывала свое воздействие на социал-демократов других балканских стран⁸⁵. Эту позицию одобряли, между

1899—1912) жил в России и участвовал в русском революционном движении (F. F i l i p o v i ć. Izabrani Spisi, 1 kn., Beograd, 1962, s. VIII—IX).

⁷⁸ См. ЦПА ИМЛ, ф. 2, д. 23767; «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 36. В октябре 1916 г. Н. К. Крупская писала В. Карпинскому: «Сегодня я узнала, что Н. А. Семашко вместе с женой и детьми в болгарском плену в гор[оде] Пещера» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 2701). См. также В. Хаджиниколов. Н. А. Семашко и България. — «Исторически преглед», 1961, кн. 4.

⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 17, л. 6—7, 11. А. А. Вербов — большевик, до войны живший в Болгарии и связанный с тесняками. После оккупации Сербии австро-болгарскими войсками он содействовал установлению контактов между сербскими социал-демократами и болгарскими тесняками (там же).

⁸⁰ Греческие социалисты не прислали своего делегата на митинг, но солидаризировались с ним («Работнически вестник», 24 II и 3 III 1915).

⁸¹ «Работнически вестник», 24 II 1915.

⁸² См. Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 4, стр. 492; Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 17, стр. 25—26.

⁸³ V. S t r u g a r. Jugoslavenske Socijaldemokratske stranke 1914—1918. Zagreb, 1963, s. 28, 30; «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 78.

⁸⁴ Д. Б л а г о е в. Съчинения, т. 17, стр. 62—68.

⁸⁵ Несколько позднее, осенью 1915 г., когда парламентская фракция тесняков в связи со вступлением Болгарии в войну опубликовала антивоенный призыв, а затем

прочим, в своих письмах к В. И. Ленину и большевики С. Г. Буачидзе и И. П. Хонявко ⁸⁶.

В конце мая 1915 г. в связи с 40-летием начала социалистической пропаганды в Румынии, в Бухаресте гостила делегация тесняков во главе с Д. Благоевым. Выступая на юбилейном вечере, последний выразил удовлетворение по поводу роста контактов румынских и болгарских революционеров. Благоев отметил, что «все балканские государства многим обязаны русскому социализму и русской революции» ⁸⁷. Между делегацией тесняков и исполкомом Румынской социал-демократической партии состоялся обмен мнениями. Руководство румынской партии встало перед необходимостью определить свое принципиальное отношение к партии широких. Позднее, 6 июня 1915 г., на совместном заседании исполкома Румынской социал-демократической партии и Генеральной комиссии профсоюзов 9-ю голосами против 2-х было принято решение «...впредь по вопросам совместных межбалканских акций иметь дело только с партией тесняков» ⁸⁸. Это решение было победой революционного крыла румынской социал-демократии.

Вслед за этим решением балканские социал-демократы начали подготовку к новым совместным антивоенным выступлениям ⁸⁹. В начале июля 1915 г. одновременно во всех балканских странах по инициативе тесняков был опубликован «Манифест к рабочему классу и к народам Балкан». Манифест, подписанный членами ЦК партии тесняков, Главной управы ССДП, Исполкома Румынской с.-д. партии и представителем греческих социалистов, осуждал империалистическую войну, призывал балканский пролетариат выступить против губительной политики господствующих классов, выдвинуть лозунг Балканской федерации и взять дело спасения Балкан в свои руки ⁹⁰.

С 19 по 21 июля 1915 г. в Бухаресте проходила II Балканская социал-демократическая конференция. На конференции присутствовали, кроме румынских социал-демократов (К. Доброджану-Геря, Х. Раковский, Д. Маринеску, Г. Кристеску, Е. Арборе и др.), делегация тесняков (Д. Благоев, Г. Кирков, В. Коларов, Г. Димитров и др.) и представитель греческих социалистов (А. Сидерис). Сербским делегатам из-за запрета властей выехать не удалось ⁹¹, и Д. Попович послал от имени руководства ССДП приветственную телеграмму в адрес конференции ⁹².

На конференции обсуждался вопрос об отношении ко II Интернационалу. Выступивший первым по этому вопросу Д. Благоев подчеркнул, что «...восстановление нового Интернационала ныне возможно только на базе непримиримой классовой борьбы, пролетарского интернационализма и революционного социализма и путем повсеместной и беспощадной борьбы против оппортунизма, социал-империализма и всех других ревизионистских тенденций в Интернационале» ⁹³.

отказалась вотировать военные кредиты, газета румынских социал-демократов «Lupta» указывала, что тесняки, не побоявшись опасности, показали пример интернационалистской антиповиннистической позиции (см. «Studii...», București, 1945, № 4, p. 38).

⁸⁶ См. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 74—75, 78.

⁸⁷ Д. Благоев. Съчинения, т. 17, стр. 78.

⁸⁸ «Documente din mișcarea muncitorească (1872—1916)». București, 1957, p. 627.

⁸⁹ Д. Благоев. Съчинения, т. 17, стр. 79.

⁹⁰ V. S t r u g a r. Op. cit., s. 29—30.

⁹¹ Ibid., p. 31. Накануне конференции для обмена мнениями с сербскими социал-демократами в Сербии побывал Г. Димитров. Будучи в Сербии, он опубликовал в газете «Радничке новине» статью «Балканская федерация и мир», в которой популяризовал идеи Манифеста (см. V. S t r u g a r. Op. cit., s. 30).

⁹² См. «Српски социјалистички покрет за време првог светског рата». Београд, 1958, стр. 365—366; «Работнически вестник», 14 VII 1915.

⁹³ Д. Благоев. Съчинения, т. 17, стр. 108—110.

Точку зрения тесняков попытались оспорить К. Доброджану-Геря, заявивший, что конференция якобы не компетентна решать вопрос об Интернационале, а также Г. Кристеску и А. Сидерис, призывавшие к умеренности в оценке позиций зарубежных социал-демократов. В конце концов по настоянию тесняков и революционных румынских социал-демократов (Е. Арборе и Д. Маринеску) конференция осудила социал-шовинизм и политику классового мира; она решила послать приветствия большевикам—депутатам Государственной думы и заключенным в тюрьму Р. Люксембург и К. Либкнехту. Конференция заявила, что «... восстановление Интернационала возможно только на основе революционного социализма и пролетарского интернационализма»⁹⁴.

Конференция постановила объединить социал-демократов и профсоюзы Болгарии, Сербии, Румынии и Греции в Балканскую рабочую социал-демократическую федерацию. Она приняла «Декларацию принципов Балканской рабочей социал-демократической федерации», а также специальное решение «Против провокаций, за мир и федерацию»⁹⁵. Создав Балканскую социал-демократическую федерацию, конференция постановила учредить бюро федерации с секретариатом в Бухаресте и рекомендовала балканским социал-демократическим партиям выступать на международных совещаниях совместно⁹⁶.

Объединение передового пролетариата Балкан под знаменем Балканской социал-демократической федерации, основанной на принципах интернационализма и непримиримой классовой борьбы (в период, когда II Интернационал вследствие измены социал-шовинистов распался и интернациональные связи между социал-демократами были нарушены), явилось важным этапом в развитии революционного движения на Балканах. Хотя балканские социал-демократы, как справедливо отмечалось в болгарской литературе⁹⁷, не поднялись до восприятия ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую, тем не менее конференция была значительной вехой в истории рабочего движения на Балканах и имела международный резонанс. Подробно информируя В. И. Ленина об этих событиях в своем письме от 25 (12) июля 1915 г., С. Г. Буачидзе оценил конференцию как шаг балканского пролетариата на пути «... к революционному социализму через непримиримую борьбу с оппортунизмом и организацию революционного социалистического международного Интернационала»⁹⁸.

Решения II Балканской конференции и особенно интернационалистская позиция тесняков на ней были положительно оценены В. И. Лениным в письме к левому голландскому социал-демократу Д. Вайнкопу в середине августа 1915 г.⁹⁹

Летом 1915 г. у В. И. Ленина и большевиков сложилось твердое убеждение, что и на Балканах, как показали итоги II Балканской конференции, в лице тесняков и других левых социал-демократов имеются интернационалисты, готовые поддержать платформу революционных левых социал-демократов¹⁰⁰.

В этот период группа швейцарских и итальянских социал-демократов (Р. Гримм и др.), побуждаемая большевиками, начала подготовку международной конференции левых социал-демократов. В. И. Ленин и больше-

⁹⁴ Г. Димитров. Съчинения, т. 4, стр. 110.

⁹⁵ См. «Рабочнически вестник», 14—16 VII 1915.

⁹⁶ Д. Благоев. Съчинения, т. 17, стр. 122—123.

⁹⁷ Й. Йотов. Там же, стр. 91—92.

⁹⁸ «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 81.

⁹⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 121; «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Berlin, 1959, № 2, S. 319.

¹⁰⁰ Ibid.

вики были горячо заинтересованы, чтобы на конференции были представлены как можно полнее все истинные интернационалисты. Ввиду этого В. И. Ленин написал специальное письмо Д. Благоеву, настоятельно приглашая тесняков участвовать в конференции¹⁰¹. Готовясь к конференции, В. И. Ленин установил контакты и обменивался мнениями с революционными социал-демократами разных стран (тесняками, голландскими «трибунистами», польскими социал-демократами и др.)¹⁰². Он послал теснякам и другим левым социал-демократам написанный им проект резолюции, который большевики вынесли позднее на обсуждение самой конференции¹⁰³.

I международная конференция социалистов-интернационалистов состоялась 5—8 сентября 1915 г. в Циммервальде. В ней участвовало 38 делегатов от 11 стран, в том числе тесняки (В. Коларов) и румынские социал-демократы (Х. Раковский).

Делегат тесняков В. Коларов охарактеризовал антивоенную деятельность тесняков и других балканских социал-демократов во время Балканских войн 1912—1913 гг., рассказав о волнениях среди солдат болгарской армии. По воспоминаниям В. П. Коларова, В. И. Ленин слушал докладчика с большим интересом и послал ему записку, в которой спрашивал его мнение о возможности агитации в окопах¹⁰⁴. На записку В. И. Ленин получил ответ В. Коларова¹⁰⁵.

Огромный интерес В. И. Ленина к опыту Балканских социал-демократов подтверждается и его заметками периода Циммервальдской конференции. В. И. Ленин наметил план статьи, в которой он собирался осветить опыт балканских социал-демократов и солдатские волнения периода Балканских войн 1912—1913 гг. Во втором пункте плана значилось: «...2. Доклад болгарина: Восст[ание] солдат 1912 в балк[анской] в[ойне]»¹⁰⁶.

Интерес В. И. Ленина к антивоенной деятельности балканских социал-демократов и к революционной инициативе солдат болгарской армии был свидетельством того величайшего внимания, которое он всегда проявлял ко всем событиям и явлениям революционного творчества масс. С начала империалистической войны В. И. Ленин обратил особое внимание на выработку форм и методов революционной агитации и борьбы против войны. В. И. Ленин и большевики положительно оценили факты антивоенной агитации в окопах и братания солдат и пропагандировали этот опыт в газете «Социал-демократ»^{106а}.

В ходе конференции в Циммервальде вопрос о целесообразности агитации в окопах и братания солдат стал предметом дискуссии. Центрист-

¹⁰¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 92, 470; Д. Благоев. Сьчинения, т. 17, стр. 122—123.

¹⁰² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 74—137.

¹⁰³ См. Д. Благоев. Сьчинения, т. 17, стр. 122—123; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 282—285.

¹⁰⁴ «Из спомените на В. Коларов». — «Известия на Института по история на БКП», София, 1960, № 7, стр. 11.

¹⁰⁵ В зарубежной литературе о международном рабочем движении в годы войны и о Циммервальдской конференции выступление В. Коларова с изложением опыта антивоенной деятельности балканских социал-демократов не освещалось (см. M. F a i n s o d. International Socialism and the World war. Cambridge, 1935; O. G a n k i n, H. F i s c h e r. The Bolsheviki and world war. The origin of the Third International. Stanford, 1940). В советской литературе выступление В. Коларова было отмечено (см. А. М. Ш н и т м а н. Большевицкая газета «Правда» и болгарское рабочее движение. Мурманск, 1962, стр. 28—32).

¹⁰⁶ «Ленинский сборник», т. XIV, стр. 188. После окончания конференции В. И. Ленин, намечая темы и статьи для освещения конференции в отдельном номере «Социал-демократа», снова специально выделил опыт балканских социал-демократов («... 2. Отчеты (Балканы о с о б о)»). См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 139.

^{106а} См. «Социал-демократ», 1 II и 29 III 1915, № 37, 40.

ские делегаты (Ледебур и др.) выступили с критикой ленинского «Манифеста против войны», осудив призывы к антивоенной агитации и братанию¹⁰⁷. По-знакомившись с опытом антивоенной деятельности балканских социал-демократов периода Балканских войн, В. И. Ленин и большевики еще более утвердились в своем прежнем мнении и после окончания конференции сочли необходимым популяризировать этот опыт в газете «Социал-демократ»¹⁰⁸. Так опыт болгарских тесняков и других революционных балканских социал-демократов был использован В. И. Лениным и большевиками для выработки тактики революционной борьбы против империалистической войны.

При обсуждении на конференции проекта резолюции В. Коларов (как и Х. Раковский, они вдвоем представляли Балканскую с.-д. федерацию) поддержал компромиссную резолюцию большинства¹⁰⁹.

Тем не менее участие представителя тесняков в конференции имело большое значение. Объективно, призывая рабочих к борьбе против войны и к разрыву с социал-шовинистами из II Интернационала, тесняки были близки к Циммервальдской левой и большевикам. «С Циммервальдской конференции, — как утверждал В. Коларов, — начинается непосредственное воздействие Ленина на болгарских тесняков»¹¹⁰.

Манифест Циммервальдской конференции, осудивший империалистическую войну и позицию социал-патриотов, призвал рабочих к борьбе против войны, за мир без аннексий и контрибуций, поставил задачу «будить революционный дух в международном пролетариате». Он был, по словам В. И. Ленина, первым шагом «... к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом»¹¹¹.

* * *

События начала первой мировой империалистической войны и антивоенная позиция революционных балканских социал-демократов содействовали их идейному сближению с большевиками и В. И. Лениным.

Интернационалистская позиция партий Балканской с.-д. федерации была заметным явлением в международном рабочем движении на фоне разгула социал-шовинизма в большинстве партий II Интернационала.

Высоко оценив интернационалистскую позицию революционной балканской социал-демократии (в первую очередь тесняков, а также сербских социал-демократов) в начале империалистической войны, В. И. Ленин и большевики стремились идейно сплотить и организационно объединить революционную социал-демократию. Первым шагом к этому сплочению интернационалистов явилась Циммервальдская конференция, в которой приняла участие и представители Балканской с.-д. федерации.

В дальнейшем (в 1916—1917 гг.) болгарские тесняки и революционные сербские социал-демократы фактически присоединились к левому крылу циммервальдского движения, а еще позже — представитель Балканской с.-д. принял участие в основании III Коммунистического Интернационала.

¹⁰⁷ «Социал-демократ», 11 X 1915, № 45—46.

¹⁰⁸ См. «Социал-демократ», 11 X 1915, № 45—46. В болгарской печати тесняки не смогли опубликовать или хотя бы частично осветить доклад В. Коларова в Циммервальде из-за цензурных условий (см. C. V a s s i l e v. Le parti marxiste-revolutionnaire Bulgare des Socialistes intransigeant et le mouvement de Zimmerwald. «Etudes Historiques...», Sofia, 1960, p. 388).

¹⁰⁹ Впоследствии В. Коларов объяснял это тем, что он был обязан в соответствии с решением II Балканской конференции согласовать свою точку зрения с Раковским; последний же твердо занимал тогда центристскую позицию (см. «Из спомените на В. Коларов», стр. 9; И. Й о т о в. Указ. статья, стр. 95—96).

¹¹⁰ «Из спомените на В. Коларов», стр. 12.

¹¹¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 38.

ЛЕНИНИЗМ И ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

В этой статье мы касаемся только некоторых вопросов богатой политическим содержанием и фактами темы, указанной в заглавии. Она представляет собой попытку общей характеристики отношения к ленинизму со стороны Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), т. е. той партии в польском рабочем революционном движении, вся деятельность которой (1893—1918) проходила в период жизни и политического творчества В. И. Ленина]

* * *

СДКПиЛ, как известно, возникла и действовала в самой большой из трех частей, на которые были расчленены польские земли, — на территории, присоединенной к России. И это не случайно. В Королевстве Польском проживало больше населения, чем в других польских землях; здесь рабочий класс был самым многочисленным и политически наиболее сознательным, здесь сосредоточивалась духовная жизнь и возникали главные политические направления в польском обществе.

В 1893 г., когда польские социал-демократы начинали свою деятельность, организованное рабочее движение в Королевстве Польском имело всего лишь 17-летнюю историю, со времени приезда в 1876 г. в Варшаву Людвика Варынского, который возглавил возникавшие здесь первые социалистические кружки.

СДКПиЛ возникла в период бурного развития капитализма в Польше и России. Однако переплетение развивающихся элементов империализма с большими остатками средневековья как в экономике с ее крупной помещичьей собственностью, так и в политической структуре с ее антидемократической самодержавной царской системой, варварским национальным гнетом и отсутствием всяких гражданских свобод, выдвигало на первый план вопрос буржуазно-демократических преобразований. Поэтому-то СДКПиЛ, наряду с программой борьбы за свержение капитализма в будущем, выдвинула на первый план в политической области программу свержения царизма и установления демократической республики, чтобы таким образом расчистить путь для борьбы за победу социалистической революции и диктатуры пролетариата. Вместе с тем она была организатором экономической борьбы рабочих против капиталистов за ослабление эксплуатации, за повышение заработной платы и лучшие условия труда, за введение демократического фабричного законодательства и социального обеспечения, за права рабочего на образование, культурные, человеческие условия жизни. Для СДКПиЛ борьба против царизма была неразрывно связана с борьбой против польской буржуазии.

Провозглашавшийся СДКПиЛ принцип тесного союза пролетариата Королевства Польского с русским рабочим классом в борьбе за свержение царизма вытекал из ее верности пролетарскому интернационализму и четкого стратегическо-тактического плана пар-

т и и, из понимания того, что завоевание свободы польским народом невозможно без свержения царизма; царизм же можно было свергнуть только тогда, когда против него выступит его самый многочисленный и самый сильный противник — русский народ. О политической прозорливости СДКПиЛ, о ее глубоком марксистском понимании исторического процесса свидетельствует то, что она еще в первой половине 90-х годов, т. е., когда рабочее движение в России было еще сравнительно слабым, уверенно заявляла о неизбежности революционного взрыва и победы революции в России.

В то же время некоторые польские социалистические и радикально-демократические деятели, ссылаясь на слабость русского движения, выдвигали отчаянные и утопические планы антирусского восстания, считая его единственным способом освобождения польского народа от гнета царизма. И позднее, когда русское революционное движение стало могучей силой и потрясло устои самодержавия в 1905 г., правое крыло ППС, возглавляемое Ю. Пилсудским, продолжало настаивать на необходимости отделения польского движения от русской революции. Эта позиция в конечном итоге означала не неверие в русскую революцию, а страх перед нею. С такого рода теориями СДКПиЛ решительно боролась как с проявлениями национализма и чуждой делу пролетарской революции идеологии.

Верная принципам интернационализма СДКПиЛ резко выступила против правого националистического крыла ППС, рассчитывавшего на освобождение польских земель из-под власти царизма при помощи какой-нибудь из враждебных России империалистических держав (Австрии или Германии) в назревавшем европейском конфликте. СДКПиЛ указывала, что пролетариат не может связывать свою политику ни с империалистическими правительствами, ни с расчетами на военный конфликт. Все это определяло близость СДКПиЛ к ленинизму, ее восприимчивость к революционному влиянию идей В. И. Ленина. Однако позиция СДКПиЛ по отношению к ленинизму была полна внутренних противоречий. Ее можно охарактеризовать лишь показав, что объединяло и что разделяло СДКПиЛ и ленинизм.

Ленинизм был новым явлением в международном рабочем движении и не мог быть усвоен сразу и безболезненно даже теми партиями, которые, как СДКПиЛ, решительно боролись с оппортунизмом, усилившимся во II Интернационале. Понадобились десятилетия исторического развития, полные драматических конфликтов, чтобы то новое, что нес с собой ленинизм, можно было принять и применить в практике польского рабочего движения. Не надо забывать, что два основных течения в польском рабочем движении: классово-революционное (СДКПиЛ) и оппортунистически-националистическое (ППС), сформировались в Королевстве Польском за 10 лет до возникновения большевистской партии. Таким образом, основные черты идеологии СДКПиЛ — партии, которая является главным объектом нашего рассмотрения, в принципе были уже определены ко времени II съезда РСДРП. В течение этих 10 лет СДКПиЛ не смогла еще завоевать широкого и разностороннего влияния в массах, в то же время она была вовлечена в духовную атмосферу международного социалистического движения II Интернационала и его самой сильной и ведущей партии — германской социал-демократии.

При характеристике взаимоотношений ленинизма и польского рабочего революционного движения мы должны исходить из того факта, что при существовавшей тогда расстановке политических сил (в том числе и в польских землях) характер данной политической партии определялся ее отношением к трем узловым историческим событиям. Такими событиями были: революция 1905—1907 гг., мировая война и Великая Октябрьская

социалистическая революция. На всех этих трех поворотах истории позиция СДКПиЛ и ее тактика были близки к большевистским, и, хотя они совпадали неполностью, различие между ними было практически столь невелико, что партии эти всегда находились в одном политическом лагере.

Напомним кратко основные политические проблемы этих событий.

Р е в о л ю ц и я 1905—1907 гг. Революция буржуазно-демократическая. Но кто должен быть ее гегемоном? Либеральная буржуазия, как считали меньшевики, или революционный пролетариат, как утверждали большевики? Для польского движения — дополнительная проблема: быть до конца вместе с антицарской русской революцией или изолированно от нее вести борьбу с царизмом за отрыв польских земель?

СДКПиЛ не колеблется ни минуты и определенно заявляет, что не позиция меньшевиков, а позиция большевиков представляет подлинные интересы революционного пролетариата. Именно в этом духе высказываются представители СДКПиЛ на IV и V съездах РСДРП. Такую же антименьшевистскую позицию занимает заседавший в июне 1906 г. V съезд СДКПиЛ, который констатирует, что меньшевистские лозунги являются «в сущности не чем иным, как наихудшего рода оппортунизмом»¹. И в вопросе: вместе с русской революцией или нет — позиция СДКПиЛ не оставляет ни малейшего сомнения. Решительно осуждая позицию правницы ППС, СДКПиЛ видела тогда (как, впрочем, и потом) единственную гарантию победы польского народа в его союзе с русской революцией.

М и р о в а я в о й н а. Та ли это война, в которой народные массы должны защищать свою, находящуюся в опасности родину, или же это война, которая ведется вопреки интересам и за счет народа, война империалистическая, несправедливая с обеих сторон, выход из которой следует искать в пролетарской революции? Следует ли восстанавливать как оружие борьбы с войной II Интернационал, который с самого ее начала предал интересы международного пролетариата, или бороться за создание совершенно нового, свободного от оппортунизма международного органа, координирующего борьбу пролетариата? На все эти вопросы СДКПиЛ отвечает так же, как В. И. Ленин и большевики: война является со стороны обеих воюющих группировок империалистической, чуждой интересам народных масс; II Интернационал не способен далее представлять интересы пролетариата и следует бороться не за его восстановление, а за создание нового, III Интернационала.

Деятельность СДКПиЛ в Польше, а также участие в Циммервальдском движении, связи с В. И. Лениным, вхождение части СДКПиЛ в Циммервальдскую левую убедительно свидетельствуют о ее позиции. В Циммервальдской левой у В. И. Ленина не было более близких сотрудников, чем польские социал-демократы. СДКПиЛ утверждала, что рабочий класс не должен поддерживать ни один из воюющих империалистических блоков, ни одну из «ориентаций»: эндеков на Антанту, ППС-фракции на центральные государства. Она разъясняла рабочему классу, что в этом драматическом столкновении двух империалистических группировок пролетариат обязан защищать свою самостоятельную политическую позицию и, если он не мог предотвратить войну, то должен использовать вызванный ею политический кризис, выступить против власти империалистической буржуазии и совершить революцию.

О к т я б р с к а я р е в о л ю ц и я. Возможна ли в крестьянской России победа пролетарской революции и диктатура пролетариата? Сумеет ли удержаться власть пролетариата в России без одновременной победы революции на Западе? Правильной ли была тактика большевиков

¹ «Sprawozdanie z V zjazdu SDKPiL». Warszawa, 1906, s. 45.

в Октябрьской революции? На все эти вопросы СДКПиЛ отвечает утвердительно. Отвечает не только словами, но и делами, отдавая в распоряжение социалистической революции в России и Советской власти значительную часть своих испытанных руководящих кадров: Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского, Б. Весоловского, Ю. Уншлихта, С. Тарватского, Я. Ганецкого, Ю. Лещинского, С. Бобинского, С. Будзинского, В. Матушевского и других деятелей, работавших на самых высоких и ответственных постах в стране победившей революции. Это были люди, близко сотрудничавшие с В. И. Лениным и полностью преданные делу, за которое он боролся.

Во все переломные моменты истории — в 1905, 1914 и 1917—1918 гг. члены СДКПиЛ находились в едином строю борьбы вместе с В. И. Лениным и большевиками. Но и в другие периоды было немало совместных политических выступлений как на форуме РСДРП, так и, прежде всего, на международной арене, в которых проявлялась тесная связь СДКПиЛ и ее руководителей с В. И. Лениным. Напомним здесь известные выступления В. И. Ленина и Р. Люксембург по вопросу милитаризма на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте в 1907 г. В борьбе против международного оппортунизма и всяких форм псевдореволюционной ультралевизны вместе с большевиками активно участвовала СДКПиЛ и ее идейный руководитель Р. Люксембург.

В повседневной революционной борьбе, поскольку ее условия были общими для пролетариата всей царской России, СДКПиЛ, может быть, более, чем какая бы то ни было иная партия, приближалась к большевистской практике руководства текущей экономической и политической борьбой рабочего класса. В этой совместной борьбе, в острых порою спорах и дискуссиях и прежде всего в общей революционной практике реализовалось влияние ленинизма на польское рабочее движение в период до 1918 г. Опыт общей борьбы в рамках единого государства и участие во внутренней жизни РСДРП побуждали СДКПиЛ определять свою позицию по отношению к тактическим вопросам, выдвигавшимся В. И. Лениным и большевистской партией.

Ленинизм оказал неизгладимое влияние на взгляды СДКПиЛ по основным проблемам революции 1905 — 1907 гг., революционного пути выхода пролетариата из первой мировой войны и проблемам Октябрьской революции.

В. И. Ленин ценил в СДКПиЛ ее верность идее социальной революции, ее непримиримую, полную политического динамизма борьбу за классовые интересы и идеологическую самостоятельность пролетариата, за ограждение его от влияния буржуазии, лозунгов классового соглашательства и национализма. В. И. Ленин ценил упорную борьбу СДКПиЛ за единство политических действий русского и польского пролетариата против царского гнета и капиталистической эксплуатации. Эти два вопроса В. И. Ленин считал решающими в своей оценке СДКПиЛ как партии, близкой к большевикам; применение тех же самых критериев к ППС позволило В. И. Ленину увидеть в ней оппортунистическое, находящееся под влиянием мелкой буржуазии и несвободное от национализма направление в рабочем движении.

Никто лучше, чем сама история, не подтвердил правильности позиции СДКПиЛ в этих основных вопросах. История подтвердила и данную СДКПиЛ оценку ППС. Уступив в 1918 г. добровольно власть польской буржуазии, ППС наглядно показала, что цель ее борьбы — не социальная революция и власть рабочего класса. Правильными оказались и расчеты СДКПиЛ на русскую революцию как классового и политического союзника польского пролетариата. Две самые мощные волны социально-поли-

тического движения пролетариата в Польше — в 1905—1907 гг. и в 1918 г. — самым тесным образом были связаны с русскими революциями. В результате третьей волны общественного движения в 1944—1945 гг. народные массы Польши одержали победу только благодаря сотрудничеству польских революционных сил с КПСС и социалистическим государством, возникшим на развалинах царской империи. Вместе с двумя предыдущими вопросами эти факторы имеют решающее значение в оценке этой партии и ее вклада в историю польского рабочего движения.

Разделяя воззрения большевиков или сближаясь с ними, СДКПиЛ по некоторым вопросам занимала особую позицию. Эти расхождения во многом обуславливались тем социально-политическим анализом польского общества и выводами из него, которые делались польскими социал-демократами.

Почти с самого начала своей революционной деятельности В. И. Ленин занялся изучением общества тогдашней России, чтобы выяснить, какими силами можно нанести удар существующему строю. Он понимал, что сил одного пролетариата не хватит, хотя только его руководящая роль в борьбе и гарантирует победу. Глубокий и всесторонний анализ русской действительности позволил В. И. Ленину правильно определить тактику партии в революции 1905—1907 гг., а позднее разработать победоносно осуществленный стратегический план Великой Октябрьской социалистической революции.

Произведенный СДКПиЛ социал-политический анализ польского общества по сравнению с ленинским был недостаточным. Правда, этот анализ выявил и безошибочно идентифицировал (что навсегда останется заслугой СДКПиЛ) основной классовый конфликт в обществе — между пролетариатом и буржуазией. Однако он не охватывал одновременно все конфликты польского общества и, прежде всего, его сложной социальной структуры, не отражал истинные стремления и чаяния польской деревни. Именно односторонность социологического анализа лишала в концепциях СДКПиЛ пролетариат союзников и превращала его в якобы единственную революционную силу, а не передовую, как это было в действительности.

Социально-политический анализ общества того времени позволил В. И. Ленину увидеть в национально-освободительном движении мощный антиимпериалистический фактор и обратить внимание на то, что пролетариат, будучи гегемоном этого движения, мог превратить его в своего могучего союзника. И в этой области взгляды СДКПиЛ кардинально отличались от воззрений В. И. Ленина.

Если систематизировать основные расхождения между В. И. Лениным и польским революционным рабочим движением, то их можно было бы в общем разделить на две группы: 1) по вопросам, связанным с социально-политическим анализом собственного общества, и выводам, вытекавшим из него для революционной тактики — это были расхождения по национальному и крестьянскому вопросам; 2) по проблемам, связанным с организационной подготовкой партии к революции, с ее боеспособностью как организатора революционного выступления масс.

Соприкосновение СДКПиЛ с В. И. Лениным и ленинизмом в 1903 г. в период II съезда РСДРП привело к возникновению первого разногласия между ними, связанного с пониманием национального вопроса и лозунгов партии в этой области. Расхождения по этому вопросу продолжались 20 лет, почти до смерти В. И. Ленина, и только в 1923 г., на II съезде КРПП они были преодолены. Здесь впервые была предпринята более широкая попытка применить к польскому революционному рабочему движению выводы, следующие из ленинского учения по национальному вопросу.

Выдвигая лозунг единства рабочего движения в Российской империи, СДКПиЛ немного могла сделать до II съезда РСДРП для организационного вошлощения его в жизнь. Поэтому, казалось бы, что в 1903 г. СДКПиЛ, которая приняла предложение участвовать во II съезде РСДРП, воспользуется возможностью для реализации своего постулата и вступит в состав партии, координирующей борьбу пролетариата всех народов царской империи. Между тем, как известно, СДКПиЛ этого не сделала, и ее делегация покинула съезд. Для СДКПиЛ препятствием на пути к объединению являлась позиция ее в национальном вопросе.

В. И. Ленин предложил включить в программу РСДРП положение, принятое еще лондонским Международным социалистическим конгрессом в 1896 г., о праве каждой нации на самоопределение, вплоть до отделения, отвечавшее интересам всех народов Российской империи. Это положение было не только глубоко демократичным, но и учитывало также возможные политические ситуации, которые могли сложиться в связи с национальным вопросом в будущем.

СДКПиЛ считала эту формулировку для себя неприемлемой, так как она якобы затрудняла ее борьбу с национализмом ППС. Вместо этого СДКПиЛ предложила включить в программу требование «учреждений, гарантирующих полную свободу культурного развития всем национальностям, входящим в состав государства». На практике это означало лишь требование национальной автономии для Королевства Польского. В действительности же принятие СДКПиЛ ленинского лозунга о праве наций на самоопределение не только не затруднило бы ее борьбу с оппортунизмом и национализмом ППС, но значительно облегчило бы эту борьбу, позволило бы СДКПиЛ привлечь на свою сторону многих, преданных идее революции рабочих, которые шли в ППС из-за позиции СДКПиЛ в национальном вопросе, не отвечавшей настроениям широких рабочих и крестьянских масс.

В. И. Ленин подчеркивал, что оппортунизм ППС заключался не в выдвигании лозунга независимости Польши, а в отрыве этого лозунга от дела революционного союза с русским пролетариатом, в расчетах ППС на союз с националистической польской буржуазией. «...Забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в ППС действительно рабочей социал-демократической партии»². Итак, не само требование независимости Польши было доказательством национализма правящей ППС, а теоретические предпосылки и практическое осуществление этого требования.

СДКПиЛ этого не поняла и сосредоточила почти всю полемику с ППС на лозунге независимости Польши. Свою позицию в этой полемике она обосновывала э к о н о м и ч е с к и м и соображениями (централизующие тенденции капитализма вообще, связь и зависимость капиталистической экономики Королевства Польского от России — в частности); с о ц и а л ь н ы м и (ни один из основных классов польского общества не заинтересован в экономическом, а следовательно, и в политическом отрыве от России; исключение составляет мелкая буржуазия — прослойка, заведомо обреченная развитием капитализма на гибель; поэтому лозунг независимости определялся как «мелкобуржуазная реакционная утопия») и п о л и т и ч е с к и м и (при данной расстановке политических сил в Европе возникновение независимой Польши может быть осуществлено лишь в результате войны, но на этом пролетариат не может строить свои расчеты).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 240.

СДКПиЛ рассуждала следующим образом. Польские имущие классы отказались от лозунга независимости страны, польский же пролетариат, стремясь создать польское государство, должен был бы с этой целью свергнуть сначала их господство. Однако, свергнув господство буржуазии, пролетариат не может построить новое классовое государство, поскольку его исторической задачей является ликвидация государства как классового института вообще. Поэтому требование независимости в данный период утопично, а в будущем — с момента уничтожения всякого гнета — не нужно.

Ни один из этих аргументов в своей основе не был неправильным, каждый основывался на определенных сторонах действительности, однако все они отражали только часть действительности. Ленинский анализ национального вопроса, проведенный в полемике с СДКПиЛ, отличался всесторонним подходом к действительности и вскрывал все возможные тенденции политического и национального развития³. Исчерпывающей ленинской аргументации не сумели, однако, понять вожди СДКПиЛ. «Краковский горизонт», — как называл его В. И. Ленин, — борьбы с ППС не позволял СДКПиЛ правильно оценить национальный вопрос.

Позиция части руководства СДКПиЛ во главе с Р. Люксембург не одобрялась некоторыми членами партии. Выдающаяся деятельница польского рабочего движения Цезарина Войнаровская решительно протестовала против отказа СДКПиЛ от объединения с РСДРП, считая это величайшей ошибкой, выражала свое несогласие с концепцией СДКПиЛ по национальному вопросу.

Уделяя сравнительно много внимания полемике с СДКПиЛ по национальному вопросу, В. И. Ленин никогда не считал ее ошибочные взгляды в этом вопросе препятствием для близкого сотрудничества с СДКПиЛ — революционной, марксистской партией, представлявшей наиболее жизненные интересы польских трудящихся.

СДКПиЛ отказалась от абсурдного требования, чтобы РСДРП сняла свой лозунг по национальному вопросу, и в 1906 г. объединилась с РСДРП между прочим и потому, что опыт революции 1905 г. выдвинул как настоятельную необходимость массовой борьбы вопрос единства революционных действий и, следовательно, организационного единства польского и русского пролетариата. Потребовались, однако, еще многие годы тяжелых испытаний, чтобы революционное рабочее движение в Польше в полной мере оценило и усвоило ленинский подход к национальному вопросу.

Вторым объектом разногласий между СДКПиЛ и ленинизмом, также связанным с односторонностью социально-политического анализа общества, сделанного СДКПиЛ, был крестьянский вопрос. Под влиянием господствовавшей во II Интернационале теории СДКПиЛ выдвигает тезис о социальной реакционности крестьянина как мелкого собственника. СДКПиЛ полагала, что крестьянин постольку воспринимает революцию, поскольку он является пролетарием, батраком, безземельным и должен продавать свою рабочую силу. Это социологическое суждение. Было еще историко-политическое: масса польского крестьянства не встала в революции 1905 г. на сторону революционных партий —

³ В. И. Ленин. Национальный вопрос в нашей программе.— Полн. собр. соч., т. 7, стр. 233—242; О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25, стр. 255—320; Социалистическая революция и право наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 27, стр. 252—266; Итоги дискуссии о самоопределении.— Полн. собр. соч., т. 30, стр. 17—58

на лозунги партий отозвались мощным забастовочным движением только сельскохозяйственные рабочие.

Известно, что в 1905 г. в Королевстве Польском в отличие от России не было массового крестьянского движения за раздел помещичьей земли. Это зачаточное состояние пробуждения крестьянского самосознания — этап, представлявший лишь начало трудного пути освобождения крестьянских масс от идеологического влияния имущих классов, СДКПиЛ считала состоянием постоянным, свойственным крестьянству.

Под впечатлением развития крестьянского движения в России, под влиянием ленинской теории СДКПиЛ частично изменяет свой взгляд на крестьянство, но лишь на русское крестьянство. Она считает, что отношение пролетарской партии к крестьянству в Польше должно быть иным, чем в России. Позиция эта нашла свое выражение в различии взглядов В. И. Ленина и СДКПиЛ на классовое содержание власти в случае победы революции 1905—1907 гг. В то время как большевики выдвигали лозунг «диктатура пролетариата и крестьянства», СДКПиЛ противопоставила ему свои лозунги: «диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство» для России и «диктатура пролетариата» для польских земель, мотивируя это тем, что вследствие большей степени развития капитализма в Польше крестьянство якобы утратило свою революционность. Отрицая аграрные требования крестьянства, СДКПиЛ видела союзника рабочего класса в деревне лишь в классовой борьбе пролетарских и полупролетарских элементов против помещика — как капиталистического эксплуататора. Необходимо при этом иметь в виду, что СДКПиЛ считала большинство польского крестьянства потенциально революционным, так как преобладающую его часть составляли безземельные и малоземельные, батраки и полубатраки⁴.

Однако различие между В. И. Лениным и СДКПиЛ заключалось не только в том, что на этапе буржуазно-демократической революции В. И. Ленин считал все крестьянство потенциальным союзником пролетариата, но и в том, что В. И. Ленин видел эту революционность в надежде крестьянства на получение помещичьей земли, в его аграрных требованиях; СДКПиЛ же полагала, что эта революционность состояла лишь в борьбе пролетарского и полупролетарского большинства деревни за пролетарские лозунги, с капиталистической эксплуатацией помещиков, но не за раздел помещичьей земли. Поэтому она не выдвигала аграрных требований и обращалась к крестьянам лишь с лозунгом борьбы против политического гнета царизма.

Правильная, ленинская позиция в крестьянском вопросе позволила бы СДКПиЛ расширить ее социальную базу, успешнее помогла бы забитым и темным малоземельным крестьянским массам, живущим в страшной нужде и «опутанным тысячью идеологических, организационных и экономических сетей», выбраться из этих пут⁵.

Несомненно, в позиции СДКПиЛ мы наблюдаем многое из того, что принято называть с е к т а н т с т в о м. Результатом ошибочных взглядов СДКПиЛ было сужение социальной базы, на которую простиралось ее идейно-политическое воздействие. Нельзя, однако, рассматривать этот вопрос неисторически. Процесс идеологического обособления и освобождения польского рабочего класса от влияния имущих классов и от их идеоло-

⁴ См. доклад Ю. Мархлевского по аграрному вопросу на VI съезде СДКПиЛ. «Sprawozdanie z VI zjazdu SDKPiL». Kraków, 1910, s. 166—175.

⁵ W. K o s t r z e w a (Maria Koszutska). Położenie i rozwój chłopów małopolskich w Polsce i stosunek do nich partii komunistycznej. «Nowy Przegląd», 1922, s. 180.

гической гегемонии над народом находился в период деятельности СДКПиЛ все еще в зачаточной стадии. Формируя самостоятельное классовое самосознание пролетариата и стремясь провести четкую грань между интересами пролетариата и буржуазии, партия особенно подчеркивала то, что отличало пролетариат от других слоев общества, а не то, что его с ними связывало.

Кроме национального и крестьянского вопросов политические разногласия СДКПиЛ с В. И. Лениным сосредоточивались вокруг группы организационных проблем. Перед революцией 1905 г. Р. Люксембург в статье «Организационные вопросы русской социал-демократии», опубликованной в политическом органе немецкой социал-демократии «*Нейе Цейт*»⁶ и в меньшевистской «*Искре*»⁷, выступила против организационных принципов большевизма, изложенных в работе В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Она обвиняла большевиков в якобы слишком централистических склонностях, которые будто бы нарушают не только внутрипартийную демократию, но и вредят нуждам массового движения пролетариата. На это выступление В. И. Ленин ответил Р. Люксембург самым решительным образом⁸. Больше к этой стороне организационного вопроса СДКПиЛ официально не возвращалась.

Однако пятью годами позже, в годы послереволюционной реакции она поставила на обсуждение другой аспект того же вопроса — идеологическое единство РСДРП. Большевики считали, что ни одна партия не может быть подготовлена для руководящей роли в пролетарской революции, если она сама не является сплоченной идейно и организационно. Этого тогда еще не понимали даже наиболее левые, беззаветно преданные идее революционной борьбы элементы II Интернационала во главе с Р. Люксембург. Поэтому только большевики в итоге политических и социальных потрясений, вызванных первой мировой войной, оказались способными провести победоносную революцию пролетариата и удержать эту победу, несмотря на многолетний бешеный натиск сил внутренней и внешней контрреволюции.

На IV Стокгольмском съезде РСДРП СДКПиЛ вместе с другими социалистическими партиями, действовавшими на территории царской империи, вошла в состав общероссийской социал-демократической партии. Выступая против фракционной борьбы, за организационное единство революционного движения, СДКПиЛ полагала, что она призвала выполнять в РСДРП особую миссию: не допускать организационного раскола между большевиками и меньшевиками.

На VI съезде СДКПиЛ в 1908 г. Я. Тышко заявлял, что меньшевизм — «это вреднейший вид оппортунизма, поскольку, в отличие от западноевропейского ревизионизма, он скрывает оппортунизм, жонглируя ортодоксальным марксизмом». Я. Тышко признал также, что только ленинское направление может гарантировать развитие последовательно марксистских принципов в РСДРП. В то же время он считал, что борьба с меньшевиками не может привести к организационному отделению от них и должна происходить в рамках одной партии⁹.

Наиболее лапидарно эта позиция была выражена в официальном отчете краевой партийной конференции СДКПиЛ, состоявшейся в августе 1912 г. В нем о позиции СДКПиЛ по отношению к внутренним

⁶ «*Neue Zeit*», 1903—1904, № 42—43.

⁷ «*Искра*», 1904, 10 июля, № 69.

⁸ См. В. И. Л е н и н. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург. — Полн. собр. соч., т. 9, стр. 38—65.

⁹ «*Sprawozdanie z VI zjazdu SDKPiL*». В. м. i d, s. 144—147.

вопросам РСДРП говорилось: «В целом она состояла в борьбе с оппортунизмом меньшевиков в политике и фракционными стремлениями большевиков в области организации»¹⁰.

В период раскола СДКПиЛ на «зажондовцев» и «розламовцев» (1911—1916) наиболее тесным было сотрудничество между «розламовцами» и большевиками. И в это время отношение СДКПиЛ и большевиков было одинаковым к основным проблемам текущей политики, современного положения и т. д. СДКПиЛ, считая большевиков единственным, истинно революционным крылом в РСДРП, желала победы их тактической линии внутри партии.

Имевшиеся разногласия с большевиками не умаляют большой роли СДКПиЛ, которую она сыграла в истории польского рабочего движения. Следует также подчеркнуть, что решающими для идейного облика этой партии были элементы, объединившие ее с ленинизмом, а не те, которые их разделяли.

Ленинская критика позиции СДКПиЛ была порой очень резкой и решительной, но она всегда была вызвана заботой о том, чтобы близкая ему СДКПиЛ преодолела ошибки, которые мешали ей лучше и успешнее развивать революционную борьбу. Ленинская критика слабых сторон теории и практики СДКПиЛ не может скрыть от нас правильного взгляда Ленина на СДКПиЛ, его высокой оценки этой партии, важной для него своей принадлежностью к РСДРП.

Тот несомненный факт, что у СДКПиЛ было больше точек соприкосновения с ленинизмом, чем противоречий, многократно подтверждал сам В. И. Ленин. «Польской социал-демократии, — подчеркивал В. И. Ленин, — принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше...»¹¹.

СДКПиЛ играла руководящую роль во всех массовых выступлениях, всеобщих забастовках, демонстрациях, крупных экономических кампаниях, создавала первые в стране профсоюзы, была организатором и идеологом проводившейся с большим размахом политической и экономической борьбы пролетариата. Вокруг выдвинутых ею политических лозунгов партия сумела в то время объединить не только широкие массы пролетариата, но и лучшую часть польской интеллигенции, которая, вдохновленная идеями социализма и романтикой революционной борьбы, отдала свои силы и таланты на службу рабочему классу. Все шире партия также начала развешивать работу в деревне.

Доверие, оказанное СДКПиЛ десятками тысяч польских рабочих, было завоевано не только ее безграничной преданностью делу пролетариата, но и тем, что провозглашавшиеся ею с 1893 г. лозунги о неизбежности открытого выступления русского народа против царизма и утверждавшие, что только такое выступление может помочь получить свободу польскому народу, облеклось в плоть и кровь и воплотилось в революции.

Партия указывала в своей агитационной работе, что единственным последовательным защитником польских национальных интересов является пролетариат, потому что только рабочий класс способен поднять знамя освободительной борьбы и только он один может победоносно повести эту борьбу, так как, во-первых, с точки зрения классово-политической он наиболее антагонистичен по отношению к правительствам держав, разделивших Польшу, а во-вторых, имеет в самих этих державах могучего и

¹⁰ Zawiadomienie o konferencji krajowej SDKPiL, odbytej w sierpniu 1912 r. В. м. i d. Wyd. SDKPiL, s. 6.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 294.

все усиливающегося союзника — пролетариат. Рабочий у нас, как и везде, является единственным защитником всякой свободы, утверждала СДКПиЛ.

Без революции в России и революции в Австрии и Германии, связанных с поражением этих государств в войне, Польша не могла бы получить независимость. Именно поэтому расчеты СДКПиЛ на революционный союз с пролетариатом держав — участниц раздела Польши, расчеты на русскую революцию и активная борьба партии за победу этой революции прокладывали польскому народу единственно реальный путь к национальному освобождению, путь, на котором польский народ действительно получил свободу. И поэтому СДКПиЛ для получения независимости Польши и объединения ее земель реально сделала больше своей совместной с пролетариатом России, Австрии и Германии революционной борьбой, чем все другие политические партии Польши, даже тогда, когда они поставили во главу своей программы лозунги борьбы за независимость. Революционные действия СДКПиЛ значили здесь больше, чем политические кампании в отрыве от возможности революционного решения польского вопроса. И это является для нас ныне решающим, когда мы оцениваем позицию СДКПиЛ в национальном вопросе.

Когда началась Февральская революция 1917 г. в России, СДКПиЛ вместе с большевиками поднялась на борьбу за прекращение войны, за диктатуру пролетариата и власть Советов. Деятели СДКПиЛ, находившиеся в то время в России, немедленно высказались за проведение в жизнь программы борьбы за социалистическую революцию, выдвинутую партией большевиков. Когда в октябре 1917 г. пролетарская революция в России стала действительностью, СДКПиЛ без колебаний активно поддержала ее не только политически, отдавая ей свои лучшие кадры. СДКПиЛ сразу увидела в Великой Октябрьской социалистической революции предвестника новой эпохи в исторической борьбе рабочего класса мира с эксплуатацией и гнетом.

Под влиянием укреплявшейся в России власти пролетариата и развития революционной борьбы во всей Европе, в том числе и на польских землях, СДКПиЛ вместе с ППС-левицей осенью 1918 г. уже непосредственно выдвигает лозунг диктатуры пролетариата и взятия власти Советами рабочих депутатов. В атмосфере нараставшего революционного движения в Польше в декабре 1918 г. СДКПиЛ и ППС-левица объединяются и создают КПП — одну из первых коммунистических партий в мире.

* * *

В течение четверти века СДКПиЛ являлась революционным авангардом польского пролетариата. Она пробуждала сознание масс, организовывала и вела польский пролетариат в тесном единстве с русским пролетариатом на революционную борьбу с царизмом и имущими классами, за политическое и экономическое освобождение, за социализм.

Деятели СДКПиЛ осознавали, что они должны быть везде, где идет борьба за революционные принципы и революционную практику, всюду, где решаются судьбы рабочего класса. Вот почему, узнав о революции в России в 1917 г., на помощь большевистской партии спешат не только те деятели СДКПиЛ, которых революция застала в России, но и те, которых вынужденная эмиграция забросила в различные уголки Европы. Они направляются на помощь Ленину и его партии, на передовую линию первой социалистической революции мира. И эта позиция была не только результатом понимания того, что судьбы польского пролетариата тесно

связаны с судьбами революции в России. Она вытекала также из глубокой преданности идее социальной справедливости, идее борьбы за победу социализма.

СДКПиЛ сплотила в своих рядах все подлинно революционные, интернационалистические и социалистические силы рабочего класса Польши. Именно эти, сформированные СДКПиЛ кадры стали ядром Коммунистической партии Польши, непосредственной предшественницы Польской рабочей партии.

Процесс овладения ленинизмом революционным польским рабочим движением был процессом необратимым. Каждый очередной этап развития польского рабочего движения приближал его революционный авангард к этой цели. Начавшийся боевым содружеством СДКПиЛ с партией Ленина и с Лениным лично, этот процесс продолжался, однако, ряд десятилетий, найдя свое наиболее полное и всестороннее выражение лишь в теории и практике Польской рабочей партии и Польской объединенной рабочей партии.

Е. Д. ВОРОБЬЕВА

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЩЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СБЛИЖЕНИЯ С НОВОЙ РОССИЕЙ (1925—1927 гг.)

Прогрессивная общественность Чехословакии восторженно встретила образование первого в мире пролетарского государства и с глубоким вниманием следила за его хозяйственным и культурным развитием. В Чехословакии становилось все больше людей, которые, хотя и не были сторонниками происшедших в России в 1917 г. революционных событий, но считали необходимым развивать экономические и культурные связи с советским народом и хотели знать правду о Советской России.

В первые годы после Октябрьской революции культурные и экономические связи между Чехословакией и СССР почти полностью отсутствовали. Советские издания поступали в Чехословакию в весьма ограниченном количестве и лишь неофициальными путями¹.

Только после заключения Временного торгового договора и учреждения в 1922 г. полномочного представительства РСФСР в Праге в установлении культурных связей с СССР произошел некоторый сдвиг.

Советское государство, пропагандировавшее идею сотрудничества всех народов в развитии мировой науки и культуры, с самых первых дней своего существования последовательно проводило политику укрепления всесторонних связей и дружбы с зарубежными странами. Важную роль здесь сыграла Комиссия заграничной помощи (КЗП) при СНК СССР. С 1923 г. она направляет свою деятельность на укрепление и дальнейшее углубление контактов с прогрессивной зарубежной общественностью. Созданное при КЗП Объединенное бюро информации (ОБИ) занималось непосредственной координацией связей между научными и культурными учреждениями СССР и других стран, в частности Чехословакии. В результате этой работы налаживается книгообмен, устанавливаются первые научные связи советских и чехословацких ученых. Одновременно ОБИ информировало чехословацкую общественность о культурном и экономическом строительстве СССР через редакции ряда чехословацких газет и журналов, по просьбе которых оно направляло многочисленный материал: статистические сведения, иллюстрации и т. п.²

Всей этой работой была заложена определенная база для дальнейшего укрепления чехословацко-советских дружественных контактов. Значительную роль в налаживании таких контактов со стороны чехословацкой общественности сыграла группа передовой интеллигенции во главе с З. Неудлым, выступившая в 1924 г. с инициативой создания общества связи с СССР.

¹ См. Velká říjnová socialistická revoluce v dějinách a kultuře Československa. Praha, 1958, s. 256.

² В 1925 г. редакции 14 газет публиковали на своих страницах материалы об СССР. См. В. А. Ш и ш к и н. Чехословацко-советские отношения в 1918—1925 гг. М., 1962, стр. 246.

В октябре 1924 г. был создан Подготовительный комитет³, опубликовавший обращение к чехословацкой общественности⁴ с предложением создать Общество экономического и культурного сближения с Новой Россией. Задачи будущего Общества состояли в следующем: информация населения Чехословакии о социальном, государственном, правовом, научном и техническом развитии СССР, о состоянии там искусства и образования; получение из СССР информации; взаимный обмен книгами, периодическими изданиями и т. п.; организация поездок различных заинтересованных лиц в СССР, а также информация советской общественности об экономической и культурной жизни Чехословакии.

Обращение Комитета к чехословацкой общественности сразу получило широкий отклик. В его адрес стали поступать многочисленные письма, авторы которых интересовались, каким образом они могли бы работать в Обществе, запрашивали подробные сведения о принципах его деятельности, о правах и обязанностях его членов, а также давали советы, как надо организовать работу⁵.

В феврале 1925 г. Подготовительный комитет издал первый номер ежемесячного журнала «Новая Россия»⁶. В редакционной статье этого номера указывалось, что назначение журнала состоит в том, чтобы «давать самый новый, самый надежный информационный материал о Советской России». Журнал с каждым годом завоевывал симпатии читателей⁷. Из номера в номер в нем помещались статьи об экономике, науке и культуре СССР, о внутренней и внешней политике Советского государства, печатались произведения советских писателей и поэтов. Некоторые номера «Новой России» были тематическими⁸. В журнале был специальный отдел, в котором материал о Чехословацкой республике, предназначенный для советского читателя, публиковали на русском языке. Это обеспечивало ему успех и в Советском Союзе⁹. Авторами многих

³ В составе Комитета были пролетарские писатели и поэты, известные своей прогрессивной общественной и политической деятельностью—И. Ольбрахт, С.К. Нейман, М. Малиржова, Б. Матезиус, И. Секанина, Я. Сейферт и др., видные деятели КПЧ—Л. Ландова-Штыхова, Т. Бартошек, В. Борек и др., известные левые легионеры—писатель Я. Кратохвил и директор легионерского издательства «Чин» Б. Пржикрыл, юрист В. Прохазка и доцент Я. Прохазка, бывший министр здравоохранения Чехословакии, затем известный деятель КПЧ Б. Врбенский, композиторы, ученые, архитекторы и т. д. В составе Комитета были и такие лица, которые впоследствии заняли троцкистскую позицию (Л. Герлих) или проводили деятельность, наносившую вред интересам советского государства (Э. Люстиг). Но в начале работы Общества они осуществляли его программу.

⁴ «*Vag*», гоґ. III, 1924, №11, s. 351—352. «*Vag*» — прогрессивный журнал по общественным вопросам, основан З. Неедлым в декабре 1921 г. Журнал объединял передовую молодежь — студенчество, прогрессивных общественных деятелей, писателей и др. «Народность и прогрессивность» — таково было краткое определение направления журнала, данное З. Неедлым в первом номере. Большое место в журнале всегда занимали вопросы, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией, жизнью Советского государства.

⁵ Например, один книготорговец из Моравии сообщал, что он вообще не любит вести общественную работу, но в данное общество записывается: «Я совершенно убежден,— писал он,— в крайней необходимости нового общества и вступаю в него для того, чтобы работать...» («*Nové Rusko*», гоґ. I, unор 1925, № 1, s. 32).

⁶ «*Nové Rusko. Časopis Společnosti pro hospodářské a kulturní sblížení s Novým Ruskem*». Гоґ. I, unор 1925, № 1.

⁷ Об этом свидетельствует постоянный рост его тиража: в 1925 г.— 300 экз., в 1927 г.— 1200, в 1928 г.— 1500 («Информационный бюллетень ВОКС», № 44—45, 7—17 XI 1927; ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 563, л. 76).

⁸ О советском театре (гоґ. II, № 6), о X-лети Советского государства (III, № 1—2), об УССР (III, № 7), о БССР (III, № 10—12), о высшем образовании в СССР (IV, № 5).

⁹ Поступавшие в СССР номера журнала получали положительный отзыв. В заметке «Информационного бюллетеня ВОКС» отмечалось, что журнал «идеологически выдержан и читается с большим интересом» (№ 30—31, 5 VIII 1927).

статей, публиковавшихся в журнале, были советские государственные и общественные деятели, ученые.

Наряду с изданием журнала члены Подготовительного комитета выступали с лекциями о СССР, организовывали вечера советской музыки, поэзии и т. п.

Юридически Общество не сразу получило право на существование. В связи с тем что задачи Общества противоречили антисоветской политике Чехословацкого правительства и организаторами его были лица, в большей части «очень несимпатичные официальным кругам»¹⁰, чехословацкие власти пытались затормозить деятельность Общества путем введения в состав его руководителей «своих» людей. Ссылаясь на различные формальности, они медлили с утверждением его устава¹¹. Лишь в феврале 1925 г., когда Подготовительный комитет уже развернул свою деятельность, распоряжением МВД ЧСР «Общество культурного и экономического сближения с Новой Россией» с местом пребывания в Праге» было зарегистрировано¹². Согласно утвержденному одновременно уставу оно не имело права участвовать в какой-либо политической деятельности¹³.

Чехословацкие власти рассматривали Общество в качестве «двойника» КПЧ, постоянно следили за его деятельностью, пытались ее ограничить¹⁴. На каждом собрании, организованном обществом, присутствовал полицейский комиссар, который должен был сообщать в полицейское управление, не было ли там чего-либо угрожающего существованию республики.

После официального утверждения устава Общества 2 марта 1925 г. было проведено учредительное собрание членов и избрано Правление¹⁵. В марте 1925 г. начали работать курсы русского языка, каждое воскресенье проводились вечера и лекции о Советском Союзе¹⁶, расширялся книгообмен между советскими и чехословацкими научными и культурными учреждениями. С помощью Советского представительства в Праге была создана библиотека Общества. К концу 1925 г. она имела 526 томов книг, получала 3 газеты, 22 журнала на русском языке¹⁷, которые могли рассылаться по требованию читателей в любые населенные пункты Чехословакии¹⁸. В дальнейшем библиотека постепенно пополнялась новыми книгами. Редакции многих советских газет: «Правды», «Известий», «Экономической жизни», «Крестьянской газеты» и др.— бесплатно снабжали библиотеку своими изданиями¹⁹.

Важным мероприятием, принесшим успех Обществу, явилось участие его членов в организации Выставки советской книги в Праге, инициатором которой было Торговое представительство СССР. На выставке было показано 7000 книг²⁰, изданных в РСФСР, УССР и других союзных

¹⁰ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 525, л. 60.

¹¹ «Nové Rusko», гоґ. I, unor 1925, № 1, s. 32.

¹² Цит. по кн.: I. S e d l á ě k, I. V a v r a. Pro zemi milovanou. Z bojů o československo-sovětské přátelství. Praha, 1960, s. 27.

¹³ Ibid.

¹⁴ См. об этом: Z. N e j e d l ý. Voje o Nové Rusko. Praha, 1954, s. 512, 516.

¹⁵ Председателем Общества был избран З. Неedly. В Правление вошли: Т. Бартошек, В. Прохазка, О. Фишер, Л. Гёрлих, Я. Коутняк, Я. Крадохвал, И. Секанина, Ф. Шальда, Р. Тума.

¹⁶ «Nové Rusko», гоґ. I, unor 1925, № 1, s. 32.

¹⁷ «Информационный бюллетень ВОКС», № 20, 5 XI 1925. К концу 1927 г. библиотека имела 800 томов книг и получила до 60 названий журналов и газет («Nové Rusko», гоґ. III, listopad 1927, № 1—2, s. 62).

¹⁸ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 563, л. 56.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, д. 528, л. 10.

республиках. С 5 по 30 мая 1925 г. с ней ознакомилось 4500 человек²¹. Члены Общества постоянно присутствовали в залах выставки и, наряду с советскими представителями, давали консультации и выступали в качестве экскурсоводов.

Значительную помощь Обществу оказывало организованное в августе 1925 г. в Москве Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС). Представитель ВОКС в Полпредстве СССР в Праге имел самый тесный контакт с Правлением Общества.

К этому периоду относится углубление непосредственных связей советских и чехословацких ученых, осуществлявшихся по линии академий наук, университетов и других высших учебных заведений. Советские ученые избираются действительными членами и членами-корреспондентами Чехословацкой академии наук (Ф. И. Успенский, В. П. Семенов-Тянь-Шанский и др.)²². В научные учреждения СССР в качестве почетных членов также выбираются ученые Чехословакии (например, среди почетных членов Академии наук УССР был профессор Пражского университета Ю. Поливка).

В этот период организуется взаимный обмен делегациями ученых. Так, в октябре 1926 г. в Москву для ознакомления с работой медицинских учреждений приезжал профессор Пражского университета В. Рааб²³. В том же году в Чехословакии с научными докладами выступали советские академики А. Ф. Иоффе²⁴ и С. Ф. Ольденбург²⁵. В декабре 1926 г. в работе конференции по рационализации труда в Праге участвовали украинские ученые²⁶. Летом 1927 г. в научной командировке в Праге находился академик В. М. Бехтерев, выступавший с докладами в научных медицинских учреждениях Чехословакии²⁷. В том же году ректор Белорусского университета В. И. Пичета посетил Прагу и был гостем Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией²⁸. Важное значение в разрывании и активизации деятельности Общества сближения имела поездка в сентябре 1925 г. на празднование 200-летия Академии наук СССР группы чехословацких ученых — профессоров Пражского университета, во главе с Э. Неедлым (Ю. Поливка, М. Мурко, М. Мартини). Делегация вручила Академии наук адрес Общества сближения²⁹. Чехословацкие ученые знакомились в Москве и Ленинграде с научной работой и культурным строительством. По возвращении на родину участники делегации выступали с докладами и лекциями. Во многих городах Чехословакии прочитал лекции Э. Неедлы. Их с интересом посещали представители интеллигенции и торгово-промышленных кругов, студенты, рабочие. На первой лекции, организованной в Праге 5 октября 1925 г., собралось столько слушателей, что их не могла вместить аудитория³⁰.

Разоблачая лживые утверждения буржуазной пропаганды о том, что в СССР «царит полный упадок культуры», «уничтожены все исторические памятники» и т. п., Э. Неедлы, как очевидец, рассказывал о том, что памятники старины не только не уничтожаются, но охраняются за-

²¹ «Nové Rusko», гоґ. I, ґerven-ґervenec 1925, № 5—6, s. 124.

²² «Информационный бюллетень ВОКС», № 39 (66), 1 X 1926; ЦГАОР, ф. 5283, оп. 10, д. 4, л. 12.

²³ «Информационный бюллетень ВОКС», № 41 (68), 15 X 1926.

²⁴ Там же, № 15 (42), 16 IV 1926.

²⁵ Там же, № 51—53, 31 XII 1926.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, № 36—38, 23 IX 1927.

²⁸ Там же.

²⁹ Z. Nejedlý. Boje o Nové Rusko, s. 254.

³⁰ «Rudé právo», 7 X 1925.

коном Советского государства, а советская наука, искусство, просвещение «сделали большой шаг вперед по сравнению с другими странами Европы». Он с особым удовлетворением отмечал успехи в народном образовании в СССР: «всюду и в городе и в деревне много и с азартом читают...»³¹ Говоря о важности изучения жизни Советского государства, его культуры, Неедлы подчеркивал неотложную необходимость нормализации отношений Чехословакии с СССР. Его выступления вызвали интерес не только в Чехословакии. Находясь в конце 1925 г. в Вене, он прочитал там лекцию о культурной жизни Советской России, которая была признана «интересной и поучительной»³².

Учитывая значение докладов очевидцев для привлечения интереса чехословацкой общественности к СССР, а следовательно и к деятельности Общества, Правление его в сентябре 1925 г. послало в Советский Союз специальную делегацию³³.

Делегация чехословацкого Общества сближения была первой делегацией зарубежной интеллигенции в СССР. В связи с этим приезд ее стал в центре внимания советской общественности. Делегаты неоднократно выступали перед трудящимися Москвы и Ленинграда. Правлением ВОКС были организованы встречи членов делегации с учеными, специалистами, деятелями культуры и др. Встречи способствовали расширению взаимной информации и установлению новых контактов. Особенно ярко это проявилось на вечере культурного сближения, организованном ВОКСом в Москве 1 ноября 1925 г. Оценивая завязавшиеся на вечере непосредственные связи между делегатами и москвичами, руководство ВОКСа отмечало, что вечер дал «всем присутствовавшим в смысле ознакомления больше, чем десятки книг», и подчеркнуло целесообразность приезда делегации.

По возвращении на родину делегаты развернули широкую лекционную деятельность. Уже к середине декабря 1925 г. они прочитали более 20 докладов в Праге и других городах: Кралупах, Кутной Горе, М. Болеславе, Пршерове, Влашиме, Иглаве, Ичине, Колине и др. Залы, в которых проходили собрания, «всегда были переполнены»³⁴. Делегатов слушали рабочие, крестьяне, учителя, артисты, художники, архитекторы. Коммунистическая партия Чехословакии привлекала членов делегации для выступлений на рабочих собраниях. Во многих случаях они выступали вместе с членами первой рабочей делегации и молодежной, посетивших СССР в октябре — декабре 1925 г. В начале декабря, например, делегаты выступили на шести окружных митингах рабочих, организованных Общегосударственным рабочим комитетом³⁵ в связи с возвращением из СССР первой рабочей делегации.

В течение трех месяцев делегаты Общества прочитали около 100 докладов о Советском Союзе³⁶ и поместили много статей в печати. В середине 1926 г. ими был издан сборник статей под названием: «СССР»³⁷, привлекавший к себе внимание чехословацкой общественности. Его с одоб-

³¹ Там же.

³² Z. Nejedlý. O lidovou republiku, d. IV. Praha, 1949, s. 284.

³³ В составе делегации были юристы Т. Бартошек и В. Прохазка, писатели Я. Сейферт и Б. Матезиус, поэт Й. Гора, литературный критик К. Тайге, учитель И. Гонзал, режиссер Г. Гарт, профсоюзный работник И. Штольд.

³⁴ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 530, л. 20.

³⁵ Общегосударственный рабочий комитет — руководящий орган фабрично-заводских комитетов и советов, избранный на съезде фабзавкомов в 1924 г. Почти 2/3 его составляли представители красных профсоюзов.

³⁶ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 563, л. 29.

³⁷ «SSSR. Úvahy, kritiky, poznámky. Kniha delegace Společnosti pro hospodářské a kulturní sblížení s Novým Ruskem». Red. B. Mathesius. Praha, 1926, 360 s.

решением встретили и в СССР. В заметке, помещенной в «Информационном бюллетене ВОКС», сборник был назван «самой содержательной информационной книгой об СССР в Западной Европе»³⁸.

Об успехе деятельности Общества свидетельствует волнение в стане белой эмиграции, возникшее после возвращения делегации. Стремясь во что бы то ни стало ослабить внимание к пропагандистской деятельности Общества, белоэмигранты организовали в ответ ряд клеветнических выступлений, в которых в роли «истинных знатоков» Советской России пытались опровергать сообщения делегатов³⁹.

Большая заслуга принадлежала Обществу в популяризации советской художественной литературы в Чехословакии. Оно постоянно обращается в ВОКС с просьбой рекомендовать новые произведения советских авторов для перевода на чешский язык⁴⁰.

По количеству переводов произведений советских писателей Чехословакия занимала в эти годы одно из первых мест среди других стран⁴¹. Только за 1927 г. на чешский язык было переведено 29 произведений советских авторов⁴².

В 1927 г. в Праге была успешно осуществлена постановка первой советской пьесы «Виринея» Л. Сейфуллиной⁴³, которая затем ставилась и в других городах. Успеху пьесы способствовал приезд в Прагу в апреле 1927 г., по приглашению Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией, самой Л. Сейфуллиной вместе с В. Маяковским. Их неоднократные выступления, организованные Правлением Общества, пражским «Пролеткультом» и советским полпредством, посещали сотни слушателей. Выступление В. Маяковского в Народном доме в Виноградах (Прага)⁴⁴, где он читал свои стихи и стихи других советских поэтов, оценивалось как «невиданное в Праге явление». «Когда он стал читать свой „Левый марш“, — вспоминает об этом вечере З. Неедлы, — все собрание онемело от восторга. Литературный вечер превратился в манифестацию дружеских чувств чехов и словаков к советскому народу»⁴⁵. Выступление получило широкий отклик в печати⁴⁶.

³⁸ «Информационный бюллетень ВОКС», № 44—45, 7—17 XI 1927.

³⁹ «Nové Rusko», роč. III, listopad 1927, № 1—2, s. 61.

⁴⁰ Значительную часть этих переводов осуществляли члены Общества Б. Матезиус, Й. Вейл, И. Секанина и др. К 1925—1927 гг. относится издание в Чехословакии произведений К. Федина, Д. Бедного, В. Маяковского, С. Есенина, В. Иванова, В. Лидина, М. Шагинян, В. Неверова и многих других. В начале 1926 г. под редакцией Б. Матезиуса стала издаваться библиотека современной русской литературы под названием «Русская книга в Чехословакии». Первым изданием ее был рассказ А. Толстого «Голубые города» («Nové Rusko», роč. II, červen 1926, № 3, s. 96; см. также: I. F. F r a n ě k. V. M a t h e s i u s. Praha, 1963, s. 28—29).

⁴¹ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 533, л. 76.

⁴² В 1925 г. — 11, в 1926 г. — 15 (I. F. F r a n ě k. Překlady z ruštiny v letech dvacátých. «Československá rusistika», 1959, № 2, s. 83; см. также: ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 531, л. 48—49).

⁴³ Постановка «Виринея» усилила интерес к новым произведениям советской драматургии: в ВОКС поступают запросы на тексты таких пьес, как «Мандат» Эрдмана, «Бабы» Неверова и др., а также на новые пьесы, ставившиеся в театрах национальных республик — Грузии, Украины, Белоруссии (ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 531, л. 179).

⁴⁴ Вечер был организован Правлением Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией.

⁴⁵ З. Неедлы. Из истории связей советской и чехословацкой литератур. «Новый мир», 1945, № 2—3, стр. 219. См. подробнее о встречах с Маяковским в Праге: в сб. «Naš Majakovskij». Sborník básní, statí, článků a vzpomínek k 20 výročí básníkovy smrti. Praha, 1951; V. N e z v a l. Z mého života. Praha, 1961, s. 252—253; F r. K u b k a. Hlasy od východu. Praha, 1960, s. 26—30; I. I í š a. Po stopách Majakovského. «Slovanský přehled», 1960, s. 93—99, 152—156.

⁴⁶ См. В. М а я к о в с к и й. Ездил я так. Полн. собр. соч., т. 8, 1958, стр. 332—333; I. I í š a. Česká poesie dvacátých let a básníci Sovětského Ruska. Praha, 1956, s. 264—265.

Большое оживление, вызванное пребыванием В. Маяковского в Праге, пришлось не по вкусу чехословацким властям⁴⁷. Когда в начале 1928 г. в Прагу прибыли советские поэты А. Безыменский, А. Уткин и А. Жаров, с успехом выступившие с чтением своих стихов, Министерство внутренних дел не разрешило провести все объявленные выступления⁴⁸, назвав советских гостей «большевистскими эмиссарами, скрывающимися под маской поэтов»⁴⁹.

Выступления в Праге Маяковского и Сейфуллиной еще более подняли авторитет Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией, несмотря на враждебные выпады реакции⁵⁰. «Растущее число желающих вступить в Общество в последние дни, — отмечалось в журнале «Новая Россия» в мае 1927 г., — является доказательством того, что его миссия чем дальше, тем больше находит понимание в широких кругах и что непосредственное знакомство общественности с представителями Новой России — хорошее средство для устранения предрассудков, созданных злобой и глупостью»⁵¹.

Общество уделяло также значительное внимание музыкальным связям с СССР и популяризации советской музыки в Чехословакии. В январе 1926 г. по приглашению чешской филармонии Прагу посетил профессор Московской консерватории, дирижер К. С. Сараджев. Это было первое выступление советского дирижера за границей⁵². Его концерты привлекли внимание самых широких музыкальных кругов Праги. З. Неядлы опубликовал в журнале «Вар» специальную статью, посвященную К. С. Сараджеву и его первому концерту. «Сегодня впервые прибыл к нам прямо из сердца СССР, из Москвы, русский дирижер, чтобы продемонстрировать нам образцы новой русской музыки последних лет, — писал он в те дни. — Следовательно, это не просто один из многих концертов, а исключительный концерт»⁵³. К. С. Сараджев выступил с несколькими концертами русской музыки. На специальном приеме, устроенном советским полпредством в Праге для музыкальных и артистических кругов, он сделал доклад о музыкальном искусстве и музыкально-просветительной работе в СССР⁵⁴. Исполненная под его управлением 6-я симфония Мясковского оценивалась в печати музыкальными критиками как «произведение исключительной художественной зрелости»⁵⁵. Следующие концерты Сараджева также прошли с большим успехом. В это время чешская и словацкая музыка звучала в концертных залах Москвы⁵⁶.

⁴⁷ Когда в феврале 1929 г. В. Маяковский просил разрешения приехать на четыре дня в Прагу в связи с подготовкой к изданию его произведений на чешском языке, ему было позволено находиться там три дня без права публичных выступлений. За ним был установлен постоянный полицейский надзор (См. I. I í š a. *Ceská poesie dvacátých let...*, s. 265—266; Его же. *Po stopach Majakovského*.—«Slovanský přehled», 1960, s. 99).

⁴⁸ См. «Вечерняя Москва», 1928, 7 февраля.

⁴⁹ «Nové Rusko», roč. III, březec 1928, № 4—5, s. 160.

⁵⁰ Правая печать требовала, чтобы правительство уделяло больше «внимания» Обществу экономического и культурного сближения с Новой Россией (см. «Nové Rusko», roč. II, květen 1927, № 9, s. 246).

⁵¹ *Ibid.*, p. 246—247.

⁵² ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 528, л. 242.

⁵³ Цит. по: Z. N e j e d l ý. *Voje o Nové Rusko*, s. 361.

⁵⁴ «Информационный бюллетень ВОКС», № 8 (35), 26 II 1926.

⁵⁵ «Запад и Восток», кн. 1—2, 1925, стр. 259.

⁵⁶ ВОКСом были устроены выступления оркестра под управлением народного артиста РСФСР В. И. Сука с концертами чешской и русской музыки из произведений Дворжака, Сметаны, Чайковского и др. («Информационный бюллетень ВОКС», № 10 (37), 12 III 1926). А в январе 1927 г. на гастролях в Москве и Ленинграде был знаменитый чешский скрипач Ян Кубелик («Информационный бюллетень ВОКС», № 3, 23 I 1927).

Общество пропагандировало также советское киноискусство. Еще в начале 1925 г. Правление обращается к представителю ВОКС в Праге с просьбой предоставить в его распоряжение некоторые революционные советские фильмы, а также фильмы о здравоохранении, просвещении, рабочем быте и т. п., которые оно предполагало использовать во время докладов, вечеров и др. мероприятий, посвященных СССР⁵⁷. Однако советские фильмы неохотно допускались чехословацкими властями на широкий экран. Министр внутренних дел запретил, например, демонстрацию кинофильма «Дворец и крепость», потому что «изображение в сгущенных красках суровости правительственной власти способствует развитию революционного движения» и показ этой картины «мог бы повлечь за собой демонстрацию, угрожающую общественному спокойствию и порядку»⁵⁸. Но тем не менее советские фильмы распространялись в Чехословакии: в 1927 г. поступило 11 советских кинофильмов, а в 1928—1929 гг. среди 47 стран, получавших их, Чехословакия занимала наряду с Латвией и Литвой первое место⁵⁹.

Важнейшим событием в 1927 г., которому была подчинена вся деятельность Общества, явилось X-летие Великой Октябрьской социалистической революции, широко отмечавшееся трудящимися и прогрессивной общественностью Чехословацкой республики.

Организатором празднования юбилея Советского государства в Чехословакии явилась Коммунистическая партия. Подготовка его, начавшаяся еще весной 1927 г., проводилась под лозунгом совершенствования всеми коммунистами знаний марксистско-ленинской идеологии и распространения их в массах, освоения революционного опыта русского пролетариата и повседневного изучения социалистического строительства в СССР. Коммунистическое издательство выпустило специальный сборник статей «Десять лет диктатуры пролетариата (1917—1927)»⁶⁰, в котором подробно рассматривалась история Коммунистической партии Советского Союза, политическая система СССР, советская экономика, социальная политика, воспитание и культура в СССР и др. В эти дни всюду проходили торжественные собрания и митинги с докладами «10 лет Советского государства, 9 лет диктатуры буржуазии в Чехословакии», организованные КПЧ. 6 ноября улицы Праги заполнились тысячами рабочих, которые прошли по городу, направляясь к зданию советского полпредства. В этот день по всей республике состоялось около 300 митингов и демонстраций трудящихся, выразивших свою солидарность делу Великого Октября.

Общество сближения также принимало активное участие в мероприятиях, связанных с юбилеем. Еще в июне 1927 г. Правлением был подготовлен план проведения торжественных собраний, тематических вечеров, докладов, концертов и т. п., посвященных десятилетию первого в мире пролетарского государства. Был издан специальный номер журнала «Новая Россия», целиком посвященный юбилею⁶¹, который открывался статьей советского полпреда в Чехословакии В. А. Антонова-Овсенко о днях революции. Члены Общества выступали во многих городах республики с докладами, посвященными Октябрьской революции и социалисти-

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 528, л. 247; оп. 8, д. 3, л. 75.

⁵⁸ «Правда», 1926, 26 мая.

⁵⁹ Чехословакия, Латвия, Литва — по 17 фильмов, Германия — 10, США — 8, Бельгия — 7 и т. д. (ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 539, л. 25).

⁶⁰ «10 let diktatury proletariátu (1917—1927)». Sborník komunistické strany Československa k desátému výročí Říjnové revoluce. Praha, 1927, 445 s. В написании сборника приняли участие Ю. Фучик, Я. Доланский, В. Прохазка, И. Гора и др.

⁶¹ «Nové Rusko». roč. III, listopad 1927, № 1—2.

ческому строительству в СССР. Цикл докладов был завершен митингом-концертом в Праге 30 октября ⁶². По приглашению ВОКС Общество направило в Советский Союз для участия в праздновании десятилетия Октября своих представителей: З. Неедлого, писателей Вл. Ванчуру и Й. Копту, профессоров Пражского университета В. Тилле и Ф. Франка. Вместе с представителями чехословацких рабочих, крестьян, женщин-работниц, молодежи, деятелей массовых пролетарских организаций (всего 74 человека), делегаты Общества принимали активное участие в Конгрессе друзей СССР ⁶³. Большое значение для них имела конференция обществ сближения европейских стран ⁶⁴, состоявшаяся в Москве в ноябре 1927 г., на которой была обсуждена работа зарубежных обществ, а также ВОКСа и приняты практические предложения по усилению пропаганды за границей социалистического строительства в СССР.

В дни пребывания в СССР делегаты совершили поездку по советским республикам, побывали в ряде городов и сел, познакомились с жизнью советского народа, с его культурными достижениями, посещали высшие учебные заведения, школы и т. п. По возвращении в Чехословакию они выступали на собраниях и в печати, рассказывая о своих впечатлениях. З. Неедлы, посетивший Советский Союз во второй раз, особенно отмечал перемены, происшедшие там со времени его первой поездки в 1925 г. В опубликованной им статье «На праздновании в СССР» он писал, что Советский Союз стал теперь намного крепче и что его успехи в строительстве социализма революционизируют мир еще больше, чем сама революция ⁶⁵. «СССР,— писал он,— это котел, где все находится в постоянном кипении» ⁶⁶.

Результатом поездки делегации явилось издание книг В. Тилле «Москва в ноябре» и Й. Копты «Поездка в Москву», в которых они подробно делились своими впечатлениями ⁶⁷.

Учитывая, что лучшим средством разоблачения тенденциозных сообщений, распространяемых о Советском Союзе буржуазной и социал-реформистской печатью, является систематическая пропаганда достижений советского народа, Общегосударственный рабочий комитет при активном участии Общества сближения в декабре 1927 г. созвал конференцию всех членов делегаций, ездивших в Советский Союз в 1925—1927 гг. ⁶⁸, на которой была обсуждена проделанная всеми делегатами работа и определен порядок осуществления ее в дальнейшем ⁶⁹. В заявлении «Всем, кто хочет узнать правду об СССР» ⁷⁰, принятом на конференции, указывалось, что делегаты считают своим долгом донести правду о Советском Союзе до самой широкой общественности Чехословакии. Руководство дальнейшей работой делегатов было поручено Комитету под председательством З. Неедлого, избранному участниками конференции.

Пропагандистская деятельность участников поездки в СССР и мероприятия Общества, проводившиеся в связи с юбилеем, привлекли в его состав новых членов. К концу 1927 г. в его рядах насчитывалось уже 450 чел. ⁷¹

⁶² Ibid., p. 60.

⁶³ См. о конгрессе: «Le Congrès des Amis de l'URSS». Paris, 1927.

⁶⁴ Состоялась также конференция обществ сближения стран Америки.

⁶⁵ Z. Nejedlý. Voje o Nové Rusko, s. 176.

⁶⁶ Ibid., p. 175.

⁶⁷ V. Tille. Moskva v listopadu. Praha, 1929; I. Kopta. Cesta do Moskvy. Praha, 1928.

⁶⁸ За этот период в СССР побывало 5 делегаций, в составе которых было в общей сложности 127 чел.

⁶⁹ Státní ústřední archiv. XR 29/19, 20 XII 1927.

⁷⁰ «Rudé právo», 1 II 1928.

⁷¹ «Nové Rusko», roč. III, listopad 1927, № 1—2, s. 60.

В связи с этим по решению общего собрания в ноябре 1927 г. организуется филиалы Общества в Брно (ноябрь 1927 г.) и в Братиславе (февраль 1928 г.) и предпринимаются меры к объединению друзей Советской России в Пльзени, Таборе, Бероуне, Кладно, Мл. Болеславе, Писеке, а также в городах Закарпатской Украины. Организованные там группы Общества под руководством Пражского Правления открывали библиотеки и читальни с советскими книгами и периодическими изданиями, проводили тематические вечера, посвященные советской литературе, искусству, организовывали курсы русского языка и т. п.

В рассматриваемый период Общество становится важнейшим центром, проводившим в Чехословакии систематическую пропаганду достижений Советского Союза, и занимает видное место среди зарубежных обществ сближения.

Выступления членов Общества с лекциями, в которых они призывали нормализовать отношения с СССР, разоблачали антисоветские планы империалистов, находили отклик в широких массах. «Не было города и пункта, а часто даже и деревни, где бы я сам не рассказывал о Советском Союзе и не пропагандировал бы дружбу с советским народом,— вспоминал З. Неядлы.— Воздействие было налицо. Не только любовь, но и знания Советского Союза... прямо лавиной распространялись в нашем народе. Даже в глухих горных словацких селах я нашел живые тому доказательства»⁷².

Важное значение имела также деятельность Общества по расширению торговых связей с СССР. Члены его в течение рассматриваемого периода постоянно выступали с лекциями об экономическом развитии советского государства и публиковали статьи, неизменно призывавшие к широким экономическим контактам с Советским государством, подчеркивая при этом выгодность их для чехословацкой промышленности, постоянно нуждавшейся в сбыте своей продукции.

В 1927 г. Общество принимает непосредственное участие в организации и работе Чехословацко-русской торговой палаты, сыгравшей положительную роль в развитии торговых связей ЧСР и СССР. По инициативе Палаты в 1928—1929 гг. торговые организации СССР привлекаются к участию в пражских ярмарках, результатом которого было заключение ряда торговых соглашений. В Чехословакии были размещены советские заказы на изготовление различного оборудования для советских новостроек⁷³.

В условиях непризнания СССР чехословацким правительством деятельность Палаты по расширению экономических связей с Советским Союзом, за заключение торгового договора, встречала немало препятствий. Тем не менее статистические сведения о чехословацко-советской торговле в этот период свидетельствуют о ее росте⁷⁴.

1925—1927 годы были периодом наиболее активной деятельности Общества в 20-х годах. Наряду с деятельностью Коммунистической партии Чехословакии, последовательно борющейся за дружественные всесторонние связи чехословацкого и советского народов, оно сыграло в этот период важную роль в изменении отношения чехословацкой общественности к СССР, в росте ее симпатии к советскому народу и интереса к достижениям социалистического строительства. Общество и в дальнейшем продолжало свою работу за сближение с СССР. Однако в 1928—1929 гг. темп и объем его деятельности заметно снижается. Это было вызвано изменениями во внутривнутриполитической обстановке в результате

⁷² Z. Nejedlý. Boje o Nové Rusko, s. 515.

⁷³ См. «Nové Rusko», roč. IV, listopad 1929, № 4, s. 145.

⁷⁴ Ibid., květen 1929, № 1, s. 4.

экономического и политического укрепления чехословацкого капиталистического государства и усиления в связи с этим буржуазной реакции (ограничение демократических прав, наступление на революционные и прогрессивные общественные организации и т. п.). Значительное влияние на ослабление деятельности Общества оказал кризис в КПЧ, наступивший вследствие усиления оппортунистической опасности. В 1928—1929 гг. сужается круг мероприятий Общества. Не было послано ни одной делегации в СССР.

С января 1928 г. ежемесячник «Новая Россия» стал издаваться нерегулярно. Осенью 1929 г. одновременно с запрещением ряда органов Коммунистической партии и революционных профсоюзов, а также других прогрессивных литературных, студенческих, театральных и пр. изданий, была ограничена продажа «Новой России»⁷⁵, что весьма затруднило ее распространение. В декабре 1929 г. вышел последний номер журнала⁷⁶.

В дальнейшем, благодаря энергичной работе З. Неедлого, В. Прохазки, И. Секанины и др., Общество вновь активизирует свою работу. Переломным моментом в его деятельности явился V съезд Коммунистической партии Чехословакии, указавший на необходимость оказания Обществу постоянной поддержки. Одновременно съезд принял решение о создании в Чехословакии массовой пролетарской организации — Союза друзей СССР, которая объединяла бы самые широкие массы на борьбу против военной опасности, в защиту социалистического строительства в СССР.

В течение всех последующих лет существования буржуазной республики, а также после установления в Чехословакии народно-демократического строя⁷⁷ Общество экономического и культурного сближения с СССР⁷⁸ и основанный в 1930 г. Союз друзей СССР успешно осуществляли свою деятельность.

Под бесценным руководством искреннего друга Советского Союза, выдающегося общественного деятеля Зденека Неедлого, который, по словам З. Фирлингера, «прямо-таки был создан для того, чтобы возглавить этот великолепный коллектив»⁷⁹, Общество экономического и культурного сближения с СССР завоевало себе славу неутомимого пропагандиста дружбы и сотрудничества народов Чехословакии и Советского Союза.

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, д. 431, л. 114.

⁷⁶ Издание журнала было возобновлено в 1931 г. под названием «Země Sovětů» («Страна Советов»).

⁷⁷ В 1948 г. Общество было объединено с Союзом друзей СССР в Союз чехословацко-советской дружбы.

⁷⁸ Так стало называться Общество с 1931 г.

⁷⁹ «Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый». М., 1964, стр. 113—114.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А. И. ЖУРАВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Исследователи древнеславянского литературного языка обоснованно утверждают, что изучение проблемы взаимодействия этого языка с отдельными славянскими литературными языками «обещает дать много полезных результатов как в области исследования древнеславянского языка, так и для освещения истории отдельных славянских языков, для общей теории литературного языка... и для лучшего объяснения межславянских литературных и культурных связей»¹.

В ареале так называемого греко-славянского мира своеобразным взаимоотношением с древнеславянским (церковнославянским) языком заметно выделяется белорусский язык. Специфика этого взаимодействия выражается как во внешней, функциональной, так и во внутренней, структурной истории указанных языков.

К сожалению, проблема взаимодействия белорусского и древнеславянского языков пока изучена еще очень слабо. Правда, многие аспекты истории внешних взаимоотношений этих языков получили эрудированную интерпретацию в монографии А. Мартеля². В последние годы эта проблема привлекала внимание участников IV и V Международных съездов славистов³. Оживившийся интерес к древнеславянскому языку вызвал появление ряда статей, где опять-таки преимущественно в плане внешней истории затрагиваются вопросы взаимоотношения белорусского и древнеславянского литературных языков⁴.

¹ В. Ф. Мареш. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве.— «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 12.

² A. Martel. La langue polonaise dans les pays ruthènes Ukraine et Russie Blanche, 1569—1667. Lille, 1938.

³ См. Р. М. Цейтлин. Вопросы изучения старославянского языка на IV Международном съезде славистов.— «Вопросы языкознания», 1959, № 2; Н. И. Толстой. Проблемы истории древнеславянского литературного языка на V Международном съезде славистов.— «Вопросы языкознания», 1964, № 4.

⁴ Тут прежде всего следует назвать содержательный доклад Н. И. Толстого «Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.), представленный к V Международному съезду славистов (Сб. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963). Из других работ можно указать: Л. М. Шакун. Значенне царкоўнаславянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1958; А. І. Жураўскі. Да пытання аб ролі царкоўнаславянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы XVI ст.— В кн.: «Матэрыялы да IV Міжнароднага з'езда славістаў». Мінск, 1958; Н. И. Толстой. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян.— «Вопросы языкознания», 1961, № 1 — и др.

Для успешного изучения этой проблемы важным условием следует считать привлечение нового фактического материала⁵. В последние годы в Институте языкознания им. Я. Коласа Академии наук БССР начата подготовка словаря старобелорусского языка и истории белорусского литературного языка. Разработке этих тем предшествовала большая и продолжительная работа по разысканию и изготовлению фотокопий и микрофильмов неизвестных и забытых памятников старой белорусской письменности. В распоряжении исполнителей указанных тем сейчас имеется более ста разных по времени и жанрам памятников, которые фактически еще не были в научном обиходе, хотя большая часть их уже давно была известна библиографам.

Изучение языка этих памятников и определение их места среди уже известных произведений старинной белорусской письменности позволяет существенно расширить наше представление об отдельных сторонах истории белорусского литературного языка, в том числе внести некоторые дополнительные сведения в освещение проблемы взаимодействия белорусского и древнеславянского литературных языков. При современной изученности этих вопросов можно высказать только некоторые провизорные соображения, которые нуждаются в дальнейшей углубленной разработке.

В ранний период своей истории белорусский письменный язык продолжал унаследованную от древнерусской эпохи систему трех типов письменного языка, которые выделялись в зависимости от степени и характера употребления как книжных, древнеславянских, так и местных, народных языковых средств⁶. Конфессиональная литература переписывалась и создавалась на древнеславянском (церковнославянском) языке, отличавшемся от языка первых славянских переводов наличием ряда черт местной народной речи (евангелия, псалтыри, жития, проповеди). На противоположном полюсе этой системы находилась деловая письменность, в основе которой лежала живая народная речь, почти свободная от церковнославянских наслоений (грамоты, акты, статуты). Промежуточное положение занимали оригинальные и переводные светско-литературные произведения, язык которых представлял собой в большей или меньшей мере синтез элементов книжного, древнеславянского языка и местной, народной речи (летописи краткой редакции⁷, воинские повести вроде «Александрии» или «Троянской истории»⁸).

⁵ Например, можно заранее усомниться в достоверности наблюдений Б. Н. Клипарисова, который считает, что важнейшими (!) памятниками белорусской письменности периода от XIII в. до первой половины XVII в. являются: 1) «Летопись Аврамки», 2) «Библия руска» Скорины, 3) «Пражская псалтырь» Скорины, 4) «Апостол» Скорины, 5) «Малая подорожная книжица» и 6) «Летопись Быховца». См. Б. Н. Клипарисов. Старославянский язык и его отношение к восточнославянским литературным языкам на главнейших этапах их развития.— Уч. зап. Башкирского гос. ун-та, вып. 9. Серия филол. наук, № 3, Уфа, 1962, стр. 82.

⁶ Мы считаем, что разнообразный жанрово-стилистический материал ранней белорусской письменности наилучшим образом укладывается в схему, предложенную В. Д. Левинским для выделения основных типов древнерусского литературного языка. См. В. Д. Левинский. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1958, стр. 12—14.

⁷ Отдельные эпизоды белорусских летописей историками белорусской литературы оцениваются как самостоятельные художественные повести, протографы которых не дошли до нас. См. М. Г. Ларчанка. На шляхах да рэалізма. Мінск, 1958, стр. 41—44.

⁸ О популярности названных повестей в Белоруссии в конце XV—начале XVI вв. свидетельствует известное высказывание Ф. Скорины из предисловия к библии: «Аще же ли коханне имаши ведати о военных а о богатырскихх делехъ чти книги судей, или книги Махавеевъ, более и справедливее в нихъ знайдеш, нежели во Александрии или во Троиш».

Древнеславянский язык в то время был понятным и доступным для образованного белорусского читателя. Эта понятность обеспечивалась тем, что в материальном и структурном отношении древнеславянский язык был близок к белорусскому письменному языку, важным ингредиентом которого являлись церковнославянизмы.

С этой точки зрения показательным является факт, что Ф. Скорина издал в 1517 г. в Праге «Псалтырь» на древнеславянском языке, «не рупаючи самое псалтыри ни в чемъ же» и поясняя только на полях семантическими эквивалентами белорусского письменного языка некоторые древнеславянские слова, «неразумныи простымъ людемъ». Однако всего в этом издании псалтыри имеется только 66 глосс. Ими поясняются, например, такие слова, как существительные *вретище, горлица, дебрь, имскъ, конобъ, зда, нырище, неясыть, пругъ, тимпанъ*, глаголы *истязати, непицевати, предварити, прозябати* и т. п.⁹ Остальная лексика, отличающаяся от соответствующих белорусских лексических эквивалентов преимущественно словообразовательными средствами, не имеет пояснений на полях.

Доступность древнеславянского языка в известной мере обуславливалась также и тем, что на белорусской почве этот язык не оставался неизменным, он продолжал впитывать в себя элементы живой белорусской речи и благодаря этому все больше сближался с белорусским письменным языком. Значительное воздействие белорусского народно-разговорного субстрата заметно отразилось, например, на языке «Псалтыри» Ф. Скорины, изданной в 1525 г. в Вильне в составе «Малой подорожной книжицы». Сравнение этого памятника с текстом псалтыри Острожской библии 1581 г. и позднейшими церковнославянскими псалтырями показывает, что скорининская псалтырь, хотя и самая ранняя, особенно полно отражает живую народную речь. С другой стороны, Острожская библия характеризуется наиболее архаизованным типом языка. Среднее положение между ними занимают позднейшие псалтыри, где, с одной стороны, представлены многочисленные инновации, общие со скорининской псалтырью, и, с другой стороны, сохраняются архаические черты, которыми эти псалтыри объединяются с Острожской библией.

Кроме многочисленных черт, которые отражают общую эволюцию церковнославянского языка восточнославянской редакции¹⁰, в псалтыри Ф. Скорины можно отметить ряд явлений, не закрепившихся в позднейшей церковнославянской письменности. В орфографии этого памятника обращают на себя внимание такие особенности, как смешение *ѣ* и *е* (*векъ, ветръ, грехъ, дело* и *врѣмя, дрѣво, лѣсть*), отражение перехода *у* в *ю* неслоговое (*вбогъ, навчи, во вжасе*), употребление *е* вместо *А* (*память, помену, тысеца*), наличие приставочного *и* (*игде, ильстивый*), употребление *ж* и *ч* вместо *жд, ц* (*одежа, посажати, поропчоть*) и т. п. Отличия скорининской псалтыри от текста Острожской библии выявляются также и в грамматическом строе. Одни из них имеют спорадический характер, другие выдерживаются более или менее последовательно и выступают в качестве вариантной нормы. Например, личное местоимение *ты* и возвратное *себя* в дательном и предложном падежах употребляется в виде *тобе, собе* (при формах *тебѣ, себѣ* Острожской библии). Энклитическим формам местоимений Острожской библии *ми, ти, мя, тя* у Скорины очень часто соответствуют полные формы *мнѣ, тобѣ, менѣ, тебѣ*. Притяжатель-

⁹ В настоящей статье иллюстративный материал из памятников приводится в унифицированной форме с некоторыми графическими заменами.

¹⁰ Важнейшие особенности церковнославянской письменности восточнославянской редакции изучены С. Буличем в исследовании «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке», ч. I. СПб, 1893.

ные местоимения *мой, твой, свой* в скорининской псалтыри в именительном и винительном падежах множественного числа употребляются с окончанием *-е* (*мое, твое, свое* при формах *мои, твои, свои* Острожской библии). Такое же окончание имеют и причастия на *-иц-* (*воюющие, делающие, живущие, любящие*), которые в Острожской библии оканчиваются на *-и*. Эти же причастия в родительном падеже иногда оканчиваются на *-его* (*венчающего, живущего, уповающего*). В системе глагола наиболее показательной чертой, сближающей язык псалтыри Скорины с живой народной речью, является последовательное употребление мягкого окончания *-ть* в формах 3-го лица единственного и множественного числа (*даеть, живеть, любить, ходять, предварять*). Формам аориста Острожской библии типа *избави, обрати, позна* у Скорины часто соответствуют совершенные образования вроде *избавилъ, обратилъ, позналъ*. В формах повелительного наклонения скорининского издания иногда отсутствует неударенное *-и* (*избавте, ненавидьте, слыште* при *избавите, ненавидите, слышите* Острожской библии). Широко представлены у Скорины и лексические замены, отражающие стремление сблизить лексический состав псалтыри со словарем живой белорусской речи. Например, слову *страна* Острожской библии у Скорины соответствует *бокъ*; далее *абіе* — *скоро, выну* — *всегда, лукавый* — *злый, нищий* — *бедный, пріати* — *взяти, уповане* — *надежа, языкъ* — *народъ* и т. п.

Этот адаптированный Скориной текст псалтыри не был одиноком в указанное время. Наличие многочисленных белорусизмов наблюдается и во многих рукописных псалтырях¹¹, а также и в других церковнославянских памятниках того периода. Все это дает основание говорить о существовании особого, белорусского типа древнеславянского языка¹². Этот тип создавался не только в результате стихийной инфильтрации в религиозную письменность грамматических и лексических особенностей местных белорусских говоров, но и путем сознательного закрепления в церковной письменности книжниками широкого филологического диапазона определенных грамматических норм и лексических средств. Наглядной иллюстрацией к сказанному может служить текстологическая обработка евангелия В. Тяпинским, который около 1580 г. перевел на белорусский язык евангелие и издал его параллельно с текстом на древнеславянском языке. Стремясь наиболее точно передать самые тонкие смысловые нюансы оригинала и тщательно изучая наличные источники, Тяпинский обнаруживал некоторые текстовые расхождения в церковнославянских редакциях евангелия. В таких случаях он вносил в церковнославянский текст своего издания те лексические варианты, которые казались ему более подходящими, а разночтения других источников помещал в соответствующих маргиналиях на полях книги¹³.

Многие языковые особенности белорусской письменности на древнеславянском языке позже нашли свое отражение в «Грамматике» М. Смотрицкого, изданной в Евье в 1619 г., и были затем выправлены во втором (1648 г.), московском издании этой грамматики¹⁴.

¹¹ Исследователь белорусских переводов псалтыри Е. Ф. Карский указывает 18 рукописных и печатных псалтырей на церковнославянском языке с заметными белорусизмами. См. Е. Ф. Карский. Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках. Варшава, 1896, стр. 21—45.

¹² На это, между прочим, уже давно обратил внимание К. Михальчук в статье «До питання про українську літературну мову».—В сб.: «Український діалектологічний збірник», кн. 2. Київ, 1929, стр. 7—9.

¹³ Подробнее об этом см. в нашей статье «Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага».— «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. VII, Мінск, 1960, стр. 219—222.

¹⁴ Важнейшие местные языковые наслоения, отраженные в «Грамматике» М. Смотрицкого, а также основные отличия второго издания этой грамматики от первого

Некоторое сближение древнеславянского языка с белорусским письменным языком, казалось бы, создавало благоприятные предпосылки для дальнейшего длительного сосуществования этих двух письменных языков. Возможность такого сосуществования была реальной еще и потому, что это письменное двуязычие было гомогенным. Как отмечает Н. И. Толстой, это был по существу один письменный язык на разных стадиях исторического развития — архаичный и современный¹⁵. Однако в силу ряда культурных и политических условий XVI в. сфера употребления древнеславянского языка в Белоруссии начала суживаться благодаря проникновению белорусского языка в важнейшие области культурной и общественной жизни.

Распространение в Белоруссии разных реформационных течений при наличии ряда других сопутствующих факторов содействовало проникновению белорусского языка в сферу конфессиональной литературы¹⁶. Еще в конце XV в. появились переводы на белорусский язык некоторых апокрифических и житийных произведений («Страсти Христовы», «Повесть о трех королях-волхвах», «Житие Алексея»). Как установлено исследователями, эти произведения были переведены с латинского языка лицом, имевшим под рукой также их польские и чешские редакции. Язык этих памятников почти свободен от церковнославянского влияния, зато здесь очень выразительна польская струя на всех языковых уровнях¹⁷.

В начале XVI в. перевод религиозной литературы распространился и на канонические книги священного писания. Первые шаги в этом направлении были предприняты выдающимся деятелем белорусской культуры первой четверти XVI в. Франциском Скориною, переведшим и издавшим в 1517—1519 гг. в Праге 22 книги старого завета. Гетерогенный язык изданий Скорины, как это уже давно отмечено исследователями, представляет собой смесь элементов церковнославянских, белорусских, польских и чешских¹⁸. Однако количественный перевес фонетических, грамматических и лексических церковнославянизмов остается слишком очевидным. Обращает на себя внимание явное преобладание неполногласных форм типа *власть, врагъ, гладъ, градъ, здравие, злато, младый, сладкий* над соответствующими полногласными формами. По нашим подсчетам, в книге Юдифь, например, наличествует 258 (94%) неполногласных форм и только 17 (6%) полногласных.

В области грамматики церковнославянские особенности также преобладают, хотя процент их тут несколько снижается. Во всех текстах Скорины прилагательные с окончанием *-аго* в родительном падеже составляют 52,5%, форм же на *-ого* здесь 46,5% (около 1% насчитывается форм с окончанием под гителями)¹⁹. Из глагольных форм выделяется 2-е лицо настоящего времени, где обычно окончание *-иши* вроде *будеши, возмещи, ляжещи, поидеши*. Особенно заметно влияние церковнославянского языка

описаны О. Горбачев в исследовании «Die vier Aufgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryćkyj». — «Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik», Bd. 7, Wiesbaden, 1964.

¹⁵ Н. И. Толстой. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода..., стр. 243.

¹⁶ Причины появления религиозной литературы на белорусском языке обстоятельно рассмотрены Е. Ф. Карским в исследованиях: «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках», стр. 1—21; «Белорусь», т. III, 2. Пг., 1921, стр. 3—17.

¹⁷ Указанные памятники с точки зрения происхождения, состава и языка описаны Е. Ф. Карским в исследовании «Западнорусский сборник XV века, принадлежащий Императорской публичной библиотеке, Q. I. № 391». СПб, 1897; 2-е изд. в кн.: Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 263—315.

¹⁸ С. Булич. Указ. соч., стр. 400.

¹⁹ М. Г. Булах а ў. Пряметнік у беларускай мове. Мінск, 1964, стр. 62.

отразилось в области выражения категории прошедшего времени. Скорина широко употребляет формы аориста и имперфекта, которые в его время не были свойственны живой речи и очень ограниченно, часто неправильно по форме и значению, использовались в стилистических целях в некоторых жанрах древней письменности.

Лексика Скорины характеризуется наличием большого количества церковнославянизмов вроде существительных *вретище*, *десница*, *отрокъ*, *чело*, глаголов *возрѣти*, *вопяти*, *глаголати*, *совлещи*, наречий *вкупѣ*, *внегда*, *воспять*, *днесь*, *збѣло*, *камо*, *семо* и т. п. Многие другие общеславянские по происхождению слова Скорина употреблял в древнеславянском фонетико-морфологическом облике, хотя почти все они имели свои соответствия в белорусском языке, например: *агнець*, *велий*, *дщера*, *моци*, *ночь*, *седмь*, *тысяца*.

Почти одновременно с переводом Скорины был сделан перевод нескольких библейских книг непосредственно с древнееврейского языка²⁰. Эти книги отличаются от других библейских текстов прежде всего своим особым путем проникновения к белорусскому читателю. Если, например, скорининские книги представляют собой сложный опосредствованный перевод (древнееврейский — греческий — латинский — чешский — белорусский), то появление непосредственного перевода с древнееврейского языка без промежуточных звеньев принадлежит к числу явлений, почти не имевших аналога в истории библии у европейских народов средневековья.

Язык указанных книг характеризуется сосуществованием двух основных стихий — церковнославянской и собственно белорусской при заметном преобладании последней. Церковнославянские черты отмечаются на всех уровнях языка. Использование их в памятнике, переведенном независимо от церковнославянских текстов, показывает, что в начале XVI в. грамматические формы и лексические средства древнеславянского языка квалифицировались книжниками как необходимый компонент языка религиозной литературы.

В деле сближения языка религиозных произведений с живой народной речью значительно дальше своих предшественников пошел Симон Будный, опубликовавший в 1562 г. на белорусском языке «Катехизис». В языке Будного еще заметно значительное древнеславянское влияние, но соотношение между белорусскими и церковнославянскими элементами склоняется в пользу местных, белорусских. Из церковнославянских особенностей можно отметить формы существительных множественного числа со свистящими согласными типа *друзи*, *иноци*, *мытници*, *пророци*, которые, однако, употребляются параллельно с формами вроде *враги*, *еретики*, *законники*. Особенно архаичный колорит придают памятнику многочисленные формы прилагательных, местоимений и числительных женского рода на -аа типа *всякаа*, *втораа*, *духовнаа*, *ишаа*.

В тексте «Катехизиса» использовано очень много цитат из церковнославянских источников. Эти цитаты приводятся без перевода, однако отдельные слова их сопровождаются пояснениями на полях или же непосредственно в тексте, например: *агнець* — *барань*²¹, *браць* — *женитва*, *брань* — *валка*, *брашно* — *кормленіе*, *владыка* — *господарь*, *воище* — *напрасно*, *выну* — *всегда*, *елей* — *масло*, *естество* — *прирождение*, *игемонь* — *староста*, *лихоимание* — *лакомство*, *миръ* — *покой*, *мзда* — *заплата*, *недугъ* — *звороба*, *обида* — *кривда*, *плоть* — *тѣло*, *совість* — *сумнение*, *тать* — *злобѣй*, *удъ* — *члонокъ* и т. п. Этот далеко не полный список

²⁰ Книги содержатся в рукописном сборнике библиотеки АН Литовской ССР в Вильнюсе (№ 262).

²¹ Примеры здесь приводятся в исходных формах.

показывает, что древнеславянский язык постепенно становился непонятным для белорусского читателя, чем и вызывалась необходимость пояснения церковнославянских цитат.

Стремление к употреблению белорусского языка в сфере религиозной литературы пустило глубокие корни в Белоруссии в середине XVI в. Этот процесс захватил и такую богослужебную книгу, как псалтырь. Псалтырь была одной из самых распространенных книг у последователей христианского вероучения: она использовалась почти при каждом богослужении, по ней учились письму в школах²². Практически эта книга была понятной для читателей, и потому она некоторое время оставалась в стороне от внимания переводчиков. Но где-то около середины XVI в. был сделан перевод и этой книги.

Этот памятник занимает особое место в истории белорусской письменности благодаря тому, что он очень выразительно отражает основные тенденции развития белорусского письменного языка своего времени: постепенное убывание древнеславянской стихии и прогрессирующий рост польской языковой струи на всех уровнях -- в фонетике, грамматике и лексике²³.

Тенденция к сближению языка религиозной литературы с живой народной речью получила законченное выражение в просветительской деятельности В. Тяпинского. Изучение евангелия, переведенного В. Тяпинским на белорусский язык и изданного около 1580 г., показывает, что переводчик сознательно стремился оттолкнуться от церковнославянского текста и точно передать содержание оригинала средствами белорусского языка. В морфологии этого евангелия трудно указать хотя бы одну какую-нибудь особенность, утвердившуюся под церковнославянским влиянием, которая выступала бы здесь в качестве нормы. Однако Тяпинскому не удалось избежать этого влияния в синтаксисе, где порядок слов, структура словосочетаний и предложений и многие другие явления находятся в прямой зависимости от церковнославянского оригинала.

Как уже отмечалось, в «Евангелии» Тяпинского белорусский текст издан параллельно с церковнославянским, благодаря чему предоставляется замечательная возможность легко проследить языковые особенности перевода. Для иллюстрации приводим небольшой отрывок из этого памятника (Матфей, XXII, 2—6).

Уподобися царьство небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему. И посла рабы своя призвати званныя на браки, и не хотяху прийти. Паки посла ины рабы гълаголя, рѣте званымъ. се обедъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова, приидите на браки. Они жѣ небрегъшѣ, отыдоша. овъ убо на село съвое, овъ же на куплю съвою.

Приподобилосе королевство небесное человеку королю, которій учинилъ свадьбу сыну своему. И послалъ челяднікі свои призвати званы^х на свадьбу, и не хотели прийти. Засе послалъ ины чѣлядники мовечи, речите званымъ. ото обедъ мой зготоваломъ, быки мои и укормленное побито, и все готово. приидите на свадьбу. Лечъ они не дбаючи, отышли. иныи предсе на ролью свою, а иныи до купецтва своего.

Издание С. Будным «Катехизиса» на белорусском языке, перевод в это же время псалтыри и евангелия служат свидетельством кризиса церковнославянского языка и сужения сферы его употребления за счет расширения общественных функций белорусского языка.

²² Эту роль псалтыри осознавал уже Скорина, когда писал в предисловии к «Библии»: «Хощеши ли умети граматику или по руски говорячи грамоту еже добре чести и мовити учить, знаидеши в зуполной бивлин псалтырю, чти ее».

²³ Язык этого перевода всесторонне изучен Е. Ф. Каренин в упомянутом исследовании «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках».

Белорусский язык в это время безраздельно господствует в основных жанрах светской литературы. На нем по-прежнему переписываются летописи, он употребляется в рукописных оригинальных и переведенных воинских и рыцарских повестях и романах, таких как «Повесть о Мамаевом побоище», «Повесть о Тристане», «История о Бове», «История об Атиле», «Повесть о Скандербеге», «Александрия», «Троянская история» и др. Особый разряд светской письменности составляют рукописные хроники и хронографы, переведенные преимущественно с польского языка во второй половине XVI — начале XVII вв. Тут можно указать прежде всего рукописи библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде: «Хроника всего мира» М. Бельского (F. IV. 688, лл. 1—412), «Хроника» М. Стрыйковского (F. IV. 688, лл. 412—633), «Короткое описание кроник польской» (F. IV. 152), «Кройника о початку и назвиску Литвы» (F. IV. 214), «Римский летописец» (F. XVII. 5, лл. 77—82) и др. Переводы хроник Бельского и Стрыйковского имеются, кроме того, в рукописях библиотеки АН УССР в Киеве (I, 171 и I, 57487). Замечательный хронограф на белорусском языке хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (№ 2405). Ни один из этих памятников не был напечатан в свое время.

Самым важным, однако, следует считать то, что в конце XVI — начале XVII вв. белорусский язык все более надежно закреплял свои позиции в сфере религиозной литературы. Были сделаны дальнейшие переводы отдельных частей Библии, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники: 12 книг старого завета содержатся в рукописи библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (F. I. 2), книга Макавеев имеется в другой рукописи этой же библиотеки (F. XVII. 5, лл. 46—60⁶), краткое изложение отдельных библейских книг есть в рукописи библиотеки АН УССР (9п/111). Следует иметь при этом в виду, что Библия в полном составе вообще не была издана белорусскими типографиями и на церковнославянском языке. Можно предполагать, что в это время были предприняты дальнейшие переводы евангелия. На это указывает, в частности, наличие во многих рукописных и печатных религиозных произведениях многочисленных цитат и даже целых отрывков из евангелия на белорусском языке, причем эти цитаты и отрывки по языку не совпадают как друг с другом, так и с вышеуказанным переводом Тяпинского. В начале XVII в. был сделан также новый перевод Псалтыри, сохранившийся в рукописи Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (№ 1017).

В рассматриваемый период наметилось разграничение в функциях белорусского и древнеславянского языков в религиозной сфере. Устное употребление белорусского языка в богослужении ограничивалось проповедями и пояснениями к официальной части литургии. Доказательством этого служит рукописный сборник XVII в. библиотеки АН Литовской ССР в Вильнюсе (RKF-261), содержащий в основной своей части черновые записи проповедей на белорусском языке. Об этой же функции белорусского языка свидетельствуют и известные высказывания современников — епископа И. Кунцевича и полемиста И. Вишенского²⁴.

Основной областью употребления белорусского языка в письменной форме была гомилетическая литература, основанная на поучительно-назидательном толковании книг старого и нового заветов. Этот жанр представляют разнообразные по содержанию рукописи библиотеки АН Литовской ССР (RKF-190, RKF-255, RKF-259, RKF-264), а также печатные издания, важнейшие из которых следующие: «Казанье святого Кирилла патриарха иерусалимского» (Вильно, 1596); «Евангелие

²⁴ См. Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, 2, стр. 7, 143.

учителное albo казанья на каждую неделю и свята урочистыи» (Евье, 1616); «Духовный бесѣды святого отца нашего Макарія» (Вильно, 1627). Сюда же можно отнести и замечательную «Гисторію о Варлааме и Иоасафѣ», изданную в Кутейне в 1637 г.

Второе место по количеству дошедших до нас памятников занимает агиографическая литература. Из этого жанра можно отметить три больших рукописных сборника Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 325, № 159 и ф. 37, № 20), три сборника библиотеки АН Литовской ССР (РКФ-81, РКФ-82 и РКФ-107) и две рукописи Государственного исторического музея (Синод. № 558 и № 752).

В начале XVII в. на белорусском языке было опубликовано несколько казаний, составленных по правилам тогдашней риторики: «Казанье двое» Л. Карповича (Евье, 1615); «Казанье на честный погребь... Леонтія Карповича» М. Смотрицкого (Вильно, 1620), «Ляменьт у свѣта убогихъ» (Вильно, 1620) и «Казанье по Александру Шептицком» (Минск, 1622).

Белорусский язык употреблялся также в различных наставлениях о процедуре совершения религиозных ритуалов и в церковном законодательстве. Из этого рода литературы можно указать издания: «Наука о седми тайнахъ церковныхъ» (Вильно, 1620); «Дідаascalіа» (Кутейно, 1653) и «Собраніе припадковъ краткое и духовнымъ особомъ потребное» (Супрасль, 1722). Из рукописного материала на эту тематику заслуживает внимания «Статут полоцкого братства» 1651 г. (рукопись библиотеки АН УССР: 542 н/1749).

Наконец, следует отметить многочисленные рукописные и печатные произведения полемической литературы, в которой, кроме белорусского, широко употреблялся и польский язык. Из изданий на белорусском языке можно назвать: «Унія albo выкладъ преднейшихъ артыкуловъ» (Вильно, 1595), «Описание и оборона собору руского берестейского» (Вильно, 1597), «Справедливое описание поступку и справы синоду берестейского» (Вильно, 1597), «Апокрисисъ, albo отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ» (Вильно, около 1599), «Оборона собору флорентийского» (Вильно, 1604), «Гармонія albo согласіе вѣры» (Вильно, 1608) и др.²⁵

В отношении языка перечисленные памятники очень неоднородны. Язык рукописных памятников более близок к живой народной речи и к стилистическим приемам светской литературы. Печатные издания в большей мере изобилуют церковнославянскими чертами. Для иллюстрации приведем отрывок из библии по рукописи библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (F. I.2) и соответствующее место по Острожской библии 1581 года (Первая книга Моисеева, глава 9):

А бавячися ное роботою около ролы, знашо^л ягодиныи ви^нныи и вщепиль виноградъ и вытиснувши вина коштова^т напою оною, а скоштовавши такъ его пиль з великого прагне^ня, якъ воду звькляю. з небаче^ня се упивши засну^л, и неосторожне ся положи^лши открыль. Сынъ его хамъ видячи то не учти^л о^т ца своего, а не покривши соромоты его, еще ен объяви^л и указа^л пншой бра^т и смѣль.

И начать ноѣ члкъ дѣлатель быти земли насади виногра^д и ш о^т вина оуписа и оусне І обнажися въ дому своемъ, и видѣ хамъ о^тцъ ханаанъ наготу о^тца своего і изше^л вопъ повѣда обѣма братома своима.

На древнеславянском языке в это время издавалась преимущественно специальная литургическая литература, предназначенная для непосредственного использования в богослужении. Показательным является ана-

²⁵ Полный перечень произведений полемической литературы см. у Е. Ф. К а р с к о г о («Белорусы», стр. 184—209), и у А. М а р т е л я (Указ. соч., стр. 132—141).

лиз с этой точки зрения печатных изданий того времени. За два столетия — от начала XVI до конца XVII — в типографиях Белоруссии и примыкающих к ней городов Вильна, Супрасля и Заблудова было издано свыше 260 печатных книг, из них около 40 единиц на белорусском языке и свыше 220 — на древнеславянском. Почти вся печатная продукция этого времени на древнеславянском языке прямо или косвенно связана с богослужением: псалтырь — 41 издание, часослов — 20, евангелие — 13, служебник — 13, молитвослов — 8, евангелие учительное — 7, молитвы повседневные — 6, полуустав — 6, апостол — 5, каноник — 5, акафист — 4. Дальше следуют единичные издания, предназначенные также главным образом для использования в богослужении²⁶. Обращает на себя внимание то, что некоторые из этих изданий снабжались предисловиями на белорусском языке.

Эта ограниченная по своей общественной роли письменность на древнеславянском языке фактически оказалась в стороне от общего процесса развития белорусского литературного языка, замыкаясь в узкой области своего применения и не оказывая заметного воздействия на другие жанры белорусской письменности.

Поборниками православия предпринимались разнообразные попытки возродить древнеславянский язык, возобновить его прежний авторитет и повысить его общественную роль. Древнеславянский язык по-прежнему изучается в православных школах, для которых издаются азбуки, буквари и грамматики. Однако существовавшая действительность принуждала и православных деятелей все чаще и чаще прибегать к белорусскому языку в произведениях на религиозную тематику. Хорошо известны указания современников об упадке древнеславянского языка: православных В. Тяпинского и А. Курбского, иезуита П. Скарги и униата Л. Кривы²⁷. Многие издатели того времени перевод религиозных книг на белорусский язык объясняли слабым знакомством читателей с древнеславянским языком. Такие объяснения приводятся в предисловиях, например, к книгам «Евангелие учительное албо казанья на кождую неделю и свята урочистыи» (Евье, 1616); «Духовные бесѣды святого отца нашего Макария» (Вильно, 1627); «Лексиконъ славеноросскій именъ толкованіе» (Кутейно, 1653) и «Лексиконъ сирѣчь словесникъ славенскій» (Супрасль, 1722).

В таких условиях не было достаточных не только общественных, но и лингвистических предпосылок для значительного воздействия древнеславянского языка на белорусский. Ослабление роли древнеславянского языка имело решающее значение для развития светской письменности, которая постепенно почти полностью освободилась от церковнославянского влияния за счет более широкого использования элементов народной белорусской речи и за счет проникновения в письменность многочисленных лексических и даже грамматических полонизмов, чему благоприятствовал политический и культурный климат того времени. Церковнославянское влияние в белорусской светской письменности начала XVII в. отражается только в лексически ограниченном пласте христианской терминологии. Для иллюстрации можно указать факт, что, например, в рестровой части «Лексикона» П. Берынды насчитывается около 90 вокабул с корнем *благ*, употреблявшихся в церковной письменности. В белорусском же переводе «Хроники» М. Стрыйковского (рукопись библиотеки

²⁶ Наши подсчеты основываются на материале составленного Г. Я. Голенченко «Библиографического списка белорусских старопечатных изданий XVI—XVIII вв.», Минск, 1961 (напечатано на ротаторе).

²⁷ Эти материалы помещены у Е. Ф. Карского («Белорусы», стр. 6—9) и у А. Мартедя (Указ. соч., стр. 68—71).

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV.688) отмечено только 8 слов с этим корнем (*благати, благовѣщенѣ, благодать, благословенство, благословенный, благословенье, благословити, благочестивый*), а в библии на белорусском языке этой же библиотеки (F.I.2) есть всего лишь 6 таких слов (*благати, благодаренѣ, благодарити, благословеный, благословенье, благословити*). Между тем первый из этих памятников насчитывает 442 страницы текста, а второй — 591 страницу.

Судьба древнеславянского языка в Белоруссии показывает, что здесь он уже в феодальную эпоху в значительной мере утратил свою прежнюю роль международного литературного языка славянства, закрепившись на белорусских землях преимущественно в роли языка богослужения.

В свете всего изложенного никак нельзя согласиться с высказанным недавно утверждением, что взаимоотношения древнеславянского языка с письменным языком белорусской народности были такие же, как и в Московском государстве, и что в Белоруссии древнеславянский язык имел более широкую сферу применения и распространился на такие светские жанры, как вирши и школьные интермедии²⁸.

Современный белорусский литературный язык начал складываться в XIX в. без каких-либо связей с традициями письменного языка эпохи народности. Вследствие этого в современном белорусском языке отсутствуют даже те немногочисленные церковнославянизмы, которые еще бытовали в старом письменном языке. Пласт лексики церковнославянского происхождения в белорусском языке несколько увеличился лишь в наше время под влиянием русского языка²⁹. Однако в целом слой лексических церковнославянизмов в белорусском языке совсем незначительный по сравнению с русским языком.

²⁸ Б. Н. К и п а р и с о в. Указ. соч., стр. 87.

²⁹ Н. І. К р у к о ў с к і. Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову. Мінск, 1958, стр. 46—52.

ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ «ТРАКТАТА О ДВУХ САРМАТИЯХ» МАТВЕЯ МЕХОВСКОГО

«Трактат о двух Сарматиях» выдающегося польского гуманиста Матвея Меховского, опубликованный в 1517 г. в Кракове, был, как известно, первым в европейской исторической науке трудом, специально посвященным истории стран Восточной Европы с древнейших времен до начала XVI в. Эта скромная книжечка, переизданная на протяжении первой половины XVI в. по крайней мере пять раз (в том числе в Париже, Базеле и Венеции)¹, сыграла важную роль в ознакомлении европейского общества с прошлым восточноевропейских народов.

Естественно, что Меховский не мог просто положить в основу своей работы исторические труды предшественников (хотя, например, хроника Длугоша и дала ему много ценных сведений), но должен был сам собрать материал, на основе которого мог бы построить изложение истории «Сарматий». При описании древнейших периодов истории Восточной Европы главным источником для него явились, естественно, сообщения античных авторов. При изучении же средневекового периода истории Восточной Европы Меховский должен был опираться на источники другого характера, не только устные², но и письменные.

Ряд работ, использованных Меховским в этой части его труда, известны: «Космография» Энея Сильвия Пикколомини, «Венгерская Хроника» Туроци, «Хроника» Яна Длугоша (последними двумя он пользовался особенно часто) и сочинения некоторых других западноевропейских хронистов. Однако, если извлечь из «Трактата» заимствования из трудов этих писателей, то останется еще немало интересных сообщений, происхождение которых до сих пор остается неустановленным. Между тем при написании истории Восточной Европы Меховский несомненно должен был обращаться к письменной традиции населявших ее народов. Восточноевропейские письменные источники действительно были ему известны. Так установлено, что, излагая в своей «Польской хронике» известия Длугоша по истории Киевской Руси, Меховский в ряде случаев дополнил их сведениями, почерпнутыми из какой-то южнорусской летописи³. Так как первые книги «Хроники» были написаны раньше, чем «Трактат о двух Сарматиях», то ясно, что к тому времени, когда Меховский приступил к написанию этого труда, восточноевропейские письменные материалы несомненно имелись в его распоряжении.

Целью настоящего небольшого сообщения, конечно, не может быть выявление всех восточноевропейских письменных источников «Трактата».

¹ См. перечень первых изданий труда Меховского во введении С. А. Аннинского к русскому изданию «Трактата о двух Сарматиях». М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 7.

² Известно, например, что одним из источников сведений о географии Московии являлись рассказы русских пленных (там же, стр. 19).

³ А. Рогов. Известия по истории Киевской Руси в хронике Мадея Стрыйковского и их источники. Кр. сообщ. Ин-та славяновед., вып. 42, М., 1964, стр. 54.

Это — тема для большого исследования. Здесь лишь делается попытка определить происхождение некоторых сведений о Московии, помещенных Меховским в 1-й главе второго «Трактата» второй книги его знаменитого труда ⁴.

Описание Московии начинается с небольшого дорожника. Из всех путей, связывавших Московию с Великим княжеством Литовским и различные русские области между собой, в дорожник отобраны лишь пути из Москвы на северо-восток: через Устюг и Вятку в районы северного Приуралья, откуда в те времена поступала на восточноевропейский рынок драгоценная пушнина. Можно думать, что Меховский получил этот дорожник от русского или литовского купца, торговавшего мехами ⁵.

Далее помещено описание русских княжеств, входивших в состав Московии. Новгорода и Пскова среди них нет ⁶. На первом месте среди этих княжеств Меховский называет Московское. О нем он сообщает очень немного: ему известно, что оттуда «на войну выходили тридцать тысяч знатных бойцов, а селян — шестьдесят тысяч». Здесь как бы взвешиваются военные возможности Московского княжества. И это по существу единственное, что он сообщает о нем.

Более подробны сведения Меховского о Твери: ему известно, что в этом городе было 160 деревянных церквей, деревянная крепость («Castrum») и единственное каменное здание — собор св. Спаса. Однако и здесь на первом плане стоит оценка военных возможностей: Тверское княжество в состоянии выставить 40 тысяч знатных воинов. Тверь, в изображении Меховского, таким образом, обладает большими военными ресурсами, чем Москва. Уже это обстоятельство заставляет усомниться в том, что Меховский описывает современное ему положение русских земель, и позволяет выдвинуть предположение об использовании им какого-то более раннего письменного источника, содержавшего сведения о русских землях в XV в. Это предположение подтверждается теми сведениями, которые сообщает Меховский об удельных тверских княжествах. Ему было известно, что к Тверской земле принадлежали княжества Зубцовское, Холмское, Клинское, и сколько каждое из них могло выставить воинов. Холмское княжество, образовавшееся еще в XIV в., прекратило свое существование в 1485 г., когда последний холмский князь Михаил Дмитриевич был сослан в Вологду ⁷, а земли его конфискованы. Зубцовское княжество возникло в 1425 г., когда умер, пробыв на великокняжеском столе всего четыре недели, тверской князь Юрий Александрович. Великокняжеский стол перешел к его брату Борису, а сыну Юрия Александровича — Ивану был дан в удел город Зубцов ⁸.

О Клинском княжестве каких-либо прямых сведений не имеется. Это, однако, еще не означает, что его не существовало. В пользу достоверности сведений Меховского о Клинском княжестве говорит здесь уже то обстоятельство, что Клинское княжество правильно причислено им к Тверской земле. Можно высказать и некоторые предположения о вре-

⁴ М. М е х о в с к и й. Там же, стр. 188—190 (латинский текст) и стр. 112—113 (русский перевод).

⁵ Подробный дорожник путей на Печору С. Герберштейн получил в Москве от русского купца (С. Г е р б е р ш т е й н, Записки о московитских делах. СПб, 1905, стр. 127).

⁶ Верный литовской традиции, согласно которой Новгород и Псков считались литовскими владениями, захваченными великим князем Московским, Меховский поместил сведения о них в описании Великого княжества Литовского (стр. 106—108, 183—184).

⁷ «Полное собрание русских летописей» (далее ПСРЛ), т. XXVI, стр. 278.

⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 488—489. Родословные книги (Временник ОИДР, кн. 10, М., 1851), стр. 51.

мени возможного существования этого княжества. Дело в том, что если известны родовые владения (Холм, Микулин, Кашин и др.) различных ветвей тверского княжеского рода, то мы ничего пока не знаем о владениях младшей линии этого рода — семьи князей Дорогобужских. Все поиски центра удела Дорогобужских князей — Дорогобужа — на территории Тверского княжества по существу не привели к положительным результатам, хотя исследователи и усматривали этот Дорогобуж в селе Дорожаеве Тверской губернии⁹. Дорогобуж, которым владел тверской князь Андрей Дмитриевич, находился, однако, вовсе не в Тверском Великом княжестве, а в Литве. В этом полностью убеждает следующая запись в «книге данин» Казимира IV, где читаем: «пану Крастовту, воеводе Троцкому князя Андрея Дорогобуского именье, со всем с тым, как князь Андрей Дорогобужский держал: Дорогобуж, Мутишин и Великое поле»¹⁰. Эти владения, которые Андрей Дмитриевич «держал», несомненно, от великого князя литовского, были им потеряны в 1440 г., когда восставшие против литовской власти смольняне пригласили его к себе воеводой¹¹. Дорогобуж, таким образом, никак не мог быть центром тверских владений дорогобужских князей, и весьма вероятно, что таким центром был именно Клин. Однако Клинское княжество к началу 50-х годов, по-видимому, прекратило свое существование: тверской писатель, инок Фома, автор «Слова похвального о великом князе Борисе Александровиче», писавший в 50-х годах XV в., упоминает о постройках Бориса Александровича в «области Клинской». Клинский удел, следовательно, к этому времени вошел в состав владений тверского великого князя¹². Таким образом, сведения Меховского о трех тверских княжествах обрисовывают нам положение, существовавшее в Тверской земле во второй четверти XV в.

Для дальнейшего уточнения датировки следует выяснить еще одно обстоятельство: почему из довольно большого количества тверских удельных княжеств отмечены только три: Холмское — самое значительное, Зубцовское и Клинское.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно, по-видимому, обратиться к московско-тверским договорам, которые представляют собой по форме соглашения между московским и тверским княжескими домами. Тверская земля, как и Московская, юридически была совладением тверского княжеского рода: великого князя тверского и его «младшей братьи». Однако далеко не всех тверских удельных князей великий князь признавал своей «братъей», т. е. в какой-то мере соправителями; в разное время к их числу принадлежали разные лица, и отнюдь не все тверские князья.

Московско-тверской договор 1437—1440 гг.¹³ заключали с тверской стороны помимо самого тверского великого князя трое тверских удельных князей: дядя великого князя Федор Федорович Микулинский, его племянник, уже упоминавшийся князь Иван Юрьевич Зубцовский и некий князь Андрей Иванович. Так как все попытки отыскать среди представителей тверского княжеского рода князя Андрея Ивановича оказались тщетными, то следует, очевидно, признать здесь ошибку

⁹ См. А. В. Э к з е м п л я р с к и й. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб, 1889, стр. 515.

¹⁰ «Русская историческая библиотека», т. XXVII. СПб, 1910, стлб. 69.

¹¹ ПСРЛ, т. XVII, стлб. 108.

¹² Н. П. Л и х а ч е в. Инока Фомы Слово похвальное о великом князе Борисе Александровиче. СПб, 1908, стр. 27.

¹³ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее ДиДГ). Подг. к печати Л. В. Черепнин, М.—Л., 1950, № 37 — документ датируется так по упоминанию в нем митрополита Исидора (поставлен в 1437 г.) и литовского великого князя Сигизмунда Кейстутовича (убитого в вербную неделю 1440 г.).

переписчика (документ сохранился только в копии конца XV в.) и видеть в Андрее Ивановиче князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского. В одновременно выданной жалованной грамоте Тверскому Отрочу монастырю именно эти три князя и упоминаются в качестве «молодшей братьи» тверского великого князя — соучастников пожалования, и в том же порядке, как и в договоре¹⁴. Холмские князья в этих документах не упоминаются; очевидно, в конце 30-х годов они еще не играли важной роли в тверских делах.

В московско-тверском договоре 50-х годов XV в. упоминаются лишь двое тверских князей: Дмитрий Юрьевич Холмский, дядя тверского великого князя, и Иван Юрьевич Зубцовский¹⁵. Дмитрий Юрьевич, видимо, скоро умер, так как в московско-тверском договоре 1462—1464 гг. упомянут уже его сын Михаил Дмитриевич вместе с Иваном Юрьевичем Зубцовским¹⁶. Состав «братьи» тверского великого князя отражал таким образом изменения в отношениях между великим князем тверским и отдельными князьями и семьями княжеского рода. Усиливалось влияние холмского князя, а положение микулинских и дорогобужских князей ухудшалось. Запись о трех тверских княжествах явно отражает тот момент, когда холмский князь уже стал наиболее крупным и влиятельным (это произошло после 1440 г.), а клинский князь (по нашему предположению, Андрей Дмитриевич Дорогобужский) еще был жив и пользовался влиянием. Такое положение могло существовать лишь в 40-е и в начале 50-х годов XV в.¹⁷

Еще более уточнить хронологический промежуток позволяют те сведения, которые приводит Меховский о ярославских княжествах. Он называет следующие княжества: Кубенское, Ярославское, «Шугерское» (Шехонское?) и Шаховское, отмечая их размеры в длину и ширину в милях. Само упоминание всех этих княжеств явно говорит о времени до 1463 г., когда ярославские князья, по образному выражению Ермолинской летописи, «простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их отчины подавал им волости и села»¹⁸.

Упоминание о Кубенском княжестве ведет к еще более раннему времени. Как известно из дошедшей до нас родословной традиции, «Кубена», т. е. земли по реке Кубене, входила в начале XV в. в состав владений ярославского князя Ивана Дея. От него Кубена перешла в «приданое» к его зятю Семену, владевшему землями в Заозерье, т. е. к северо-востоку от Кубенского озера. По своим новым владениям князь Семен и его потомки получили родовое прозвище кубенских князей. Кубеной, однако, князь Семен владел недолго, так как «у него взял Кубену князь великий»¹⁹. Это событие имело место до лета 1447 г., когда по договорам 19 июня и сентября 1447 г. Заозерье «кубенских князей» было передано в «удел» двоюродным братьям московского великого князя Василия II — Михаилу Андреевичу Верейскому и Ивану Андреевичу Можайскому²⁰. В этих договорах Кубена прямо названа «вотчиной великого князя».

Таким образом, использованный Меховским источник был, по-видимому, составлен в 40-х годах XV в., но не позднее 1447 г.

¹⁴ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (далее АСЭИ), т. III. М., 1964, № 117.

¹⁵ ДиДГ, № 59.

¹⁶ Там же, № 63.

¹⁷ Последний раз князь Андрей Дмитриевич упоминается в «Слове похвальном» в рассказе, относящемся к 1453 г. — «Инока Фомы Слово похвальное», стр. 54.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXIII, СПб, 1910, стр. 158.

¹⁹ Временник ОИДР, кн. 10, стр. 57.

²⁰ ДиДГ, № 44, стр. 128 и № 48, стр. 148.]

О Рязанской земле Меховский сообщает только одно: «эта земля может выставить на войну 15 тыс. „бояр“» («boiagogum») (здесь Меховский, по-видимому, передает терминологию источника). Зато очень интересна его запись о Суздальском княжестве: «Княжество Суздальское и многие соседние с ним опустошены и разорены татарами». Это место находится в полном противоречии с представлениями Меховского о современных ему московско-татарских отношениях. Он, например, хорошо знает, что о «государях» казанских татар, их «деяниях и генеалогии не пишут, так как они данники князя Московии» (стр. 92, 171). Между тем полностью разорить Суздаль и соседние с ним земли могла только Казанская Орда. Здесь мы снова имеем дело с источником Меховского, показания которого опять-таки ведут к 40-м годам XV в., когда казанский хан Улу-Мухаммед «засел» Нижний Новгород и начались страшные татарские набеги на соседние русские земли. Особенно сильно была разорена Суздальщина в 1445 г., когда татарский хан Махмутек разбил и взял в плен под Суздалем великого князя московского Василия II. Еще в конце XV в. «Мамотякова рать» была для жителей Суздальщины тем памятным событием, от которого производился отсчет лет²¹. Татарские набеги продолжались и позднее, но от них страдали главным образом Нижний Новгород и Владимир, а не Суздаль. Если наш источник имеет в виду, говоря о разорении Суздаля татарами, именно «Мамотякову рать», а это весьма вероятно, то в этом случае его составление довольно уверенно можно отнести к 1446 г. Такая датировка, не противоречащая всем предшествующим наблюдениям, позволяет объяснить одно странное обстоятельство, на которое уже обращалось внимание выше: военные возможности Твери оцениваются более высоко, чем военные возможности Московского Великого княжества.

1446 год — время, когда достигла высшей степени остроты феодальная война в Московском Великом княжестве. Временная победа галицкого князя Дмитрия Шемяки привела к массовому выезду за рубеж сторонников свергнутого Василия Темного. В Литву выехал один из крупнейших удельных князей Василий Ярославич Серпуховский, служилые князья — Рязоловские и Оболенские «и иные многие дети боярские»²². Другие многие «бояре Васильевы», как сообщает тверской летописец, «отъехали» к тверскому великому князю Борису Александровичу²³, искавшему соглашения со свергнутым московским князем. Естественным результатом всех этих событий и было временное усиление Твери и ослабление Москвы.

Описание русских земель у Меховского завершается (весьма характерно!) сообщением о том, сколько воинов может выставить Казанская Орда, хотя истории этой Орды посвящены особые главы «Трактата». При этом указывается, что «замок Козан принадлежит государю Московии».

Это сообщение решительно противоречит предполагаемой только что датировке «Описания» 1446 г. Здесь, однако, следует иметь в виду, что Меховский, пользуясь своим источником, был, по-видимому, уверен, что в нем описано современное положение русских земель. Во всяком случае из просмотра его труда очевидно, что никакими другими сведениями о русских княжествах, помимо разобранных выше источника, он не располагал. По отношению к Казанской Орде дело обстоит иначе. К истории татарских орд, кочевавших в обширных степях Восточной Европы, Меховский проявлял большое внимание и располагал о них обширной, хотя и не всегда достоверной информацией. Так, например,

²¹ АСЭИ, т. II, М., 1958, № 492, стр. 532, № 481, стр. 519.

²² ПСРЛ, т. XXV, стр. 267—268.

²³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 492.

ему было известно, что свергнутые крымским ханом Менгли-Гиреем его братья Хайдар и Ямгурчей «бежали к Ивану Васильевичу, князю Московскому, который принял их и дал им княжество Казанское» (стр. 95, 170). Эта запись, совершенно неверная с фактической стороны, показывает, что Меховский знал о том, что Казань подчиняется московским великим князьям, и вполне мог внести соответствующее уточнение в свой источник. Таким образом, эта фраза не может поколебать полученных результатов. Вывод о том, что Меховским использован письменный источник, характеризующий состояние русских земель и Казанской Орды примерно в 1446 г., остается в силе.

Теперь остается выяснить, не отразился ли использованный Меховским источник в других частях его «Трактата». Одно такое место может определенно быть отмечено в главе о казанских татарах: «Эта Казанская Орда имеет около 12 тысяч бойцов, а при необходимости, когда они собирают и других татар, они могут выставить до 30 тысяч воинов» (стр. 92, 170—171).

Связь этого места с фразой «Описания», разобранный выше, совершенно очевидна. Более того, ясно, что фраза «Описания» представляет собой краткий пересказ того текста, который только что приведен. Вместе с тем очевидна связь этого места со всем текстом «Описания» и по форме и по содержанию. Характерно и то, что Меховский ничего не сообщает о количестве воинов, например, Крымской Орды, о которой он должен был бы знать больше, чем о Казанской. Таким образом, представляется весьма вероятным, что в главе о казанских татарах Меховский лишь передал более подробно одно из мест источника, использованного им затем при описании Московии. Это наблюдение, показывающее, что Меховский сокращал имевшийся у него источник, чрезвычайно важно, и с ним неизбежно придется считаться в дальнейшем.

Что же представлял собой использованный Меховским источник? Бросается прежде всего в глаза, что о некоторых землях Меховский не сообщает ничего, кроме размеров их военных сил. Оценка военных возможностей дается дифференцированно с учетом и армии из «благородных» воинов и возможности созыва ополчения. Можно, конечно, предполагать, что в источнике Меховского имелись сведения и другого характера, но он их опустил. Учитывая, однако, общие задачи и характер его труда, такое предположение следует считать маловероятным. Напротив, обзор «Трактата» в целом показывает, что Меховский, в отличие от Герберштейна, был вполне равнодушен к военным вопросам. Из его очень обстоятельного описания обычаев и нравов татар мы ничего не узнаем ни об их вооружении, ни о размерах военных сил, ни об обычаях ведения войны. То же самое можно сказать и о его описании Литовского Великого княжества. Эти вопросы Меховского, по-видимому, не интересовали, и соответствующие особенности своего источника он мог скорее ослабить, чем подчеркнуть.

Вместе с тем военно-политический характер «Описания» не позволяет относить его к категории географических сочинений, а заставляет скорее видеть в этом источнике часть какого-либо политического проекта, в котором вероятнее всего формулировались задачи литовской политики на Востоке ²⁴.

²⁴ В виде аналогии можно указать на известный «план обращения Московии в имперскую провинцию» Генриха Штадена. В состав этой записки включено описание русского Севера, которое должно было явиться своеобразным обоснованием его рекомендаций. Подобно автору источника, использованного Меховским, Штаден прежде всего отмечает, что поселения на русском Севере не имеют укреплений.

Середина 40-х годов, как уже отмечалось в литературе²⁵, — период активизации литовской политики на Востоке. Уже в 1444 г. Казимир Ягеллончик предлагал Великому Новгороду перейти под протекторат литовского великого князя. В 1445 г. началась война между Московским и Литовским Великими княжествами. Правда, военные действия скоро прекратились, а в 1449 г. был подписан «вечный мир» между обоими государствами. На заключение этого мира литовский великий князь и его рада пошли, однако, не без известных колебаний.

Обострение, начиная с середины 40-х годов, феодальной войны в Северо-Восточной Руси привело к значительному ослаблению главного политического противника Литвы — Великого княжества Московского. Тем самым открывались благоприятные перспективы для литовской экспансии на Востоке.

К открывавшимся возможностям литовская рада не могла, разумеется, оставаться равнодушной. У нее, конечно, должны были складываться определенные планы на Востоке. Отражением этих планов является любопытный документ, относящийся как раз к интересующему нас времени. Это «крестоцеловальная запись» одного из «служилых» литовских князей Ф. Л. Воротынского. Последний приносил присягу в том, что, если король «посадит на великом княжении Московском» его зятя, князя Ивана Андреевича Можайского, то он обязуется заставить своего зятя выполнять сформулированные в записи условия: признать себя «братом младшим» Казимира IV, передать великому княжеству Литовскому ряд спорных территорий и т. д. Запись датирована 16 февраля 1448 г.²⁶ В 1447/48 г. господарская рада²⁷, таким образом, серьезно предполагала посадить на московский престол своего ставленника. В связи с этим и интерес к политическому положению на Северо-Востоке должен был быть весьма значительным.

В этой обстановке появление проекта литовской политики на Востоке представляется вполне естественным. Трудно только видеть в таком проекте официальный документ, составленный, например, писарями господарской рады. Скорее всего он представлял собой что-либо подобное известной «Записке» Штадена. Судя по хорошему знанию политической обстановки, сложившейся в 40-х годах XV века в Северо-Восточной Руси, автора этого документа, вероятно, следует считать русским эмигрантом в Великом княжестве Литовском, может быть тверичом, так как его сведения о Тверской земле наиболее подробны.

Через 60 лет после этих событий его проект стал каким-то образом известен Меховскому, который, отбросив содержащиеся в нем политические рекомендации, включил в состав своего труда интересное описание русских земель середины XV в.

²⁵ См., например, К. В. Б а з и л е в и ч. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 42 и др.

²⁶ ДиДГ, № 50.

²⁷ Король Казимир с августа 1447 г. по май 1448 г. находился в Польше и, по видимому, не принимал участия в составлении этого документа.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО В. ПЕЛАГИЧА

В «Славянском архиве» были напечатаны две публикации новых материалов о Васо Пелагиче (1838—1899)¹. В них вошли 14 писем и одна статья выдающегося сербского революционера-демократа и социалиста. Все 15 документов извлечены из различных архивов СССР. Они охватывают период с 1864 по 1895 г. и служат яркой иллюстрацией тесных связей В. Пелагича с Россией во второй половине прошлого столетия.

Публикуемое нами письмо В. Пелагича от 23—24 июля 1872 г. было обнаружено в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве, в фонде Московского славянского благотворительного общества, руководителем которого оно и было адресовано. Письмо написано рукой Пелагича на двойном листе тонкой бумаги голубого цвета, большого формата, черными чернилами.

Как видно из текста письма, оно было написано в Праге. В своей автобиографии Пелагич отмечал, что в середине 1872 г. он через Срем и Славонию направился в Чехию, где задержался несколько месяцев. Вот что пишет о пребывании Пелагича в Праге его биограф Ристо Бесарович: «21 июля 1872 года (т. е. за два дня до написания письма Славянскому комитету в Москве. — В. К.) он написал в Праге письмо «Матице Сербской», в котором сообщил, что перевел с чешского на сербский язык произведение «Борьба американского народа за свободу и независимость...» 27 августа того же года Пелагич отправил из Праги второе письмо «Матице Сербской». На этот раз он сообщил, что послал «Матице» 200 экземпляров книги «Борьба американского народа за свободу и независимость», которая отпечатана тиражом в 4200 экземпляров»².

По своему содержанию письмо Васы Пелагича Матице Сербской от 21 июля 1872 г. и письму Славянскому комитету в Москве от 23 июля того же года очень близки, так как посвящены одному и тому же сюжету. Последствия просьбы Пелагича в Славянский комитет в Москве нам не известны. Вероятнее всего ответ московских славянофилов совпал с ответом Литературного отдела Матицы Сербской от 4 ноября 1872 г.³ и был отрицательным.

¹ И. Д. О ч а к. Новые материалы В. Пелагича. «Славянский архив». М., 1958, стр. 270—302; И. Д. О ч а к, Д. Ф. П о п л ы к о. Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. «Славянский архив». М., 1961, стр. 161—199.

² Р и с т о Б е с а р о в и ћ. Васо Пелагич. Живот и рад. Београд, 1953, стр. 78. Приведенную цитату Бесарович снабдил следующим, представляющим несомненный интерес, примечанием: «В Чехии Пелагич не только перевел и обработал книгу Тумы: «Борьба американского народа за свободу и независимость». Он сотрудничал в «Славянском педагоге» — газете славянских учителей и друзей школы в Праге. В этой газете он опубликовал в 1872 году статью о состоянии просвещения у сербов, находящегося под властью Турции (Данные заимствованы из статьи Милоша Янковича «Славянский педагог», которая опубликована в белградской «Современной школе», 1949. № 2—3).

³ Р и с т о Б е с а р о в и ћ. Там же, стр. 79.

Гораздо больший интерес и значение имеет вторая часть письма Славянскому комитету в Москве, написанная 24 июля. В ней сербский просветитель дает оценку своему творчеству за 1871 и 1872 гг. в связи с борьбой, которая развернулась вокруг его сочинений «Попытки народного и личного прогресса» (1871 г.) и «Наши призывы или ряд полезных поучений» (1872 г.). Вместе с тем В. Пелагич сообщает здесь ряд новых важных фактов, которые ранее не были известны исследователям его творчества и биографам.

СЛАВНОМЕ СЛАВЈАНСКОМ КОМИТЕТУ У МОСКВИ.

Цијењена Господо!

Побудом најузвишеније сврхе прерадио сам с ческог на српски ово дјело, које Вам ради увјерења о његовој важности шаљем. Оно је ту од п е т т а б а к а печатаних велико; а код мене о с а м т а б а к а, јер сам га још боље популаризирао, разјаснио, и допунио из књиге Наиманове «Историја америчких сједињених штата». Та књига тако је написана, као што ћете из оригинала видети *, да ће више користи нашем поцијепаном, подјармљеном и потлаченом народу, него ли све досадашње историје људства; јер она ће му онаке лијепе науке и цјелителнога мелема дати, којима ће своје болно и рававо тијело залијечити моћи. Она ће га тачно упознати да позна своје природно право, важност свете слободе, самосталности и човјечанског достојанства, као што га познадоше слободни синови и ћерп Америке, који ено данас с тог познања на онај се ступањ узвисити с ког свему свијету свијетле и диван му углед и утеху дају.

На кратко рећи: ако неко друштво или поједини пријатељи некога народа у истини желе штогод му помоћи и користити, то нека му оваке књиге у руке даје; јер пробуђена свијест и стварни појмови кидају сваке ланце ропства.

Таку ето књигу рад бих по свима крајевима и сталежима народа нашега растуриги, али нијесам то у стању, сам без народних пријатеља и добротвора учинити; па с тога са овим долазим «славјански Комитет» Москве у име опште и најузвишеније ствари замолити, да коју стотину од ових књига за сиротне читаоце у турској Србији купи, које ако сте вољни могу преко Г. Рајевског у Бечу или тамошњих наших трговаца по нужним мјестима разаслати.

Прилог који учини, биће са изјавом благодарности у књизи овој означен, да види народ своје истинске пријатеље и добротворе.

Цијена је књизи само 25 новчића, коју сам тако малу ставио, прво за то, да би што више продрла у руке народа а друго за то што сам већ напријед рачунао, да ћете ми, а кроз то народу, братски у помоћ притећи, знајући цијенити колико таква за народ вриведи.

Због разних узрока печатам је у Прагу код Др. Е. Грегера и биће готова до 15 августа.

У осталом знајући цијел тог добротворног друштва и увиђавни патриотизам његових чланова остајем очекујући најбратскијега одзива.

с дубоким поштовањем В Пелагич

У Прагу 23 јула 1872.

Adressa: «Slovanskv svēt»

У РЕДАКЦИЈУ СЛАВЈАНСКОГ МИРА У ПРАГУ.

Збиља; можда је вама неки дугоризи господин о мојим списима штогођ наопачке достављао, чему ви да боме као свијесни, напредни и стварни људи нисте могли вјеровати непрочитав списе о којима је ријеч; каста с духовним мачем и друга, која има жандаре и полицију и топове на руци ваздан су се лани дерали противу мојих «покушаја», а то само с тога, што ја у име вјечне истине и у име права и слободе народа прилично говорих у тој књизи противу заблуда и којекаквог шаренила, које је сметало општем напретку, личном народном и човјечанском. Тој кисти мрско бијаше, што се моја књига «покушаји» за «народно и лично напређење» у четри хиљаде комада по народу на брзо ** руку разјагни и што уста добила је од многих грађана преко капетана Ђоке Влајковића многе изјаве и благодарности, и у 38 број «трговачког Гласника» таку адресу от грађана шабачких, што још ни једна српска књига добила није.

Та адреса могла би се наћи и код словенске општине у Одеси. Тако исто и 27. број «Младе Србадије» потпуно би Вас увјерио, како је та књига код нашег народа

* Так в оригинале.

** Так в оригинале.

примљена и какве је вриједности по масу народа. Тако и књига «наши позиви» или «низ корисни псука», коју сам прије 3 мјесеца печатао веома је радо у народу примљена и већ се све четири хиљаде комада распрострло.

Шта више ова је последња узрок била, као и нападаји београдске полиције и мађарске владе на мене, те ми је омладина градишка и брчанска из Босне око сто дуката на поклон послали са особитом атресом и изјавом да и даље у истом правцу пишем. (Ово последње дошло је преко некије вођа народних у Новом Саду о чем би Вас и сам «Милетић» извести могао).

Овај додатак павет сам само зато, да видите како се код људи чудновати наочари на очима налазе и како ће и ова књига код народа нашег примљена бити.

В. Пелагић.
1872 год. 24.7.

ЦГАОР, ф. 1750, оп. 1, д. 426, лл. 176—177.

Ниже печатаем перевод писъма.

СЛАВНОМУ СЛАВЯНСКОМУ КОМИТЕТУ В МОСКВЕ

Уважаемые господа!

Побуждаемый самой возвышенной целью, я перевел с чешского языка на сербский это сочинение ⁴, которое посылаю Вам, дабы Вы убедились в его важности. В оригинале оно составляет пять листов печатных, а у меня получилось в о с е м ь л и с т о в, так как я его сделал еще более популярным, разъяснив и дополнив данными из книги Ноймана ⁵ «История Соединенных Штатов Америки». Это сочинение написано так, что оно больше принесет пользы нашему расчлененному, подневольному и угнетенному народу, чем все существовавшие до сих пор истории человечества (в этом легко убедиться, ознакомившись с оригиналом), ибо оно даст ему такую чудесную науку и такой целительный бальзам, с помощью которых он может залечить свое больное и изравненное тело. Оно его точно научит осознать свое естественное право, значение святой свободы, самостоятельности и человеческого достоинства, как его осознали свободные сыны и дочери Америки, которые поднялись теперь на такую ступень, с которой светят всему свету, давая ему чудесный пример и утешение.

Коротко говоря: если какое-либо общество или отдельные друзья народа действительно хотят как-то ему помочь и быть полезными, пусть они дают ему в руки такие книги, ибо пробудившееся сознание и реальные представления разрывают всякие цепи рабства.

Такую именно книгу я был бы рад распространить по всем краям и среди всех сословий нашего народа, но не в состоянии это сделать один, без друзей и благодетелей народных, поэтому и обращаюсь во имя общей и самой возвышенной цели с просьбой в «Славянский комитет» в Москве, чтобы хотя бы сотню из этих книг кушать для бедных читателей в турецкой Сербии, и если будет на то воля, через протопрера г. Раевского ⁶ в Вене или тамошних наших торговцев разослать по нужным местам.

Пожертвование, которое Вы сделаете, будет с выражением благодарности отмечено в этой книге, чтобы народ видел своих истинных друзей и благодетелей.

Цена книги всего 25 грошей. Столь малую цену я поставил, во-первых, потому, чтобы как можно больше книг попало в руки народа, а во-вторых, потому, что заранее рассчитывал, что Вы мне, а следовательно и народу, по-братски придете на помощь, умея правильно оценить значение этого факта для народа.

В силу разных причин я печатаю книгу в Праге у д-ра Э. Грегга ⁷. Книга будет готова до 15 августа.

В остальном, зная цель этого благотворительного общества и известный патриотизм его членов, остаюсь в ожидании самого братского отклика

с глубоким уважением В. Пелагић.

В Праге 23 июля 1872 г. Адрес: «Slovansky svět».

⁴ Пелагић имеет в виду свою книгу «Борба народа америкого за слободу и независност». По К. Туму ирерадио се Чешског. Златни Праг, 1872, 115 стр. Карел Тума (1843—1912) — чешский публицист и писатель, сначала сотрудник, а с 1865 г. редактор «Národní Listy», автор монографий о Гарибальди и Гавличке Боровском.

⁵ Нойман. Не идентифицировано.

⁶ Раевский Михаил Федорович (1811—1884) — настоятель русской православной церкви в Вене, занимавший этот пост на протяжении 42 лет; славянофил, почетный член Петербургского славянского благотворительного общества.

⁷ Грегг Эдуард (1829—1907) — чешский буржуазный политический деятель, в 60-е годы один из руководителей оппозиционного крыла чешской буржуазной национальной партии, оформившегося в 1874 г. в партию младочехов.

В РЕДАКЦИЮ СЛАВЯНСКОГО МИРА
В ПРАГЕ

Кстати, возможно Вам некий долгополый господин доносил о моих сочинениях нечто совсем противоположное, чему Вы, разумеется, как сознательные, передовые и настоящие люди не могли поверить, не прочитав произведений, о которых идет речь. Каста с мечом духовным и другая каста, которая имеет и жандармов и полицию, и пушки в руках, всюду и везде выступали в прошлом году против моих «Попыток»⁸, и это только потому, что я во имя вечной истины и во имя прав и свобод народных достаточно говорил в той книге против заблуждений и других вещей, которые мешают общему, личному, народному и человеческому прогрессу. Этой касте было мерзко, что моя книга «Попытки народного и личного прогресса», отпечатанная в четырех тысячах экземплярах, была быстро расхватаана и что она получила от многих граждан через посредство капитана Джоки Влајковича⁹ хвалебные отзывы, а в 38 номере «Торгового вестника»¹⁰ такой адрес от граждан Шабаца, которого еще не получала ни одна сербская книга. Этот адрес можно найти и в славянской общине в Одессе. Точно так же и № 27 «Млада Србадија» («Молодое сербство»)¹¹ мог бы Вас полностью уверить в том, как принята эта книга нашим народом и какое она имеет значение для массы народа. Также и книга «Наши призывы, или ряд полезных псучений», которую я напечатал три месяца тому назад, очень хорошо была принята в народе, и уже все четыре тысячи экземпляров распроданы.

Более того, поскольку эта последняя была причиной нападков на меня как белградской полиции, так и венгерского правительства, то молодежь из Градишки и Брчко в Боснии послала мне в дар около ста дукатов с особым адресом и пожеланием, чтобы я и впредь писал в том же направлении (это последнее я получил через посредство некоторых народных вождей в Нови-Саде, о чем Вас мог бы оповестить и сам «Милетич»)¹².

Это добавление я сделал только потому, чтобы Вы видели, как у нас некоторые люди носят на глазах странные очки и как будет принята в нашем народе и эта книга.

В. Пелагич
1872 год, 24/7.

⁸ Имеется в виду книга Пелагича «Покушаји за народно и лично унапређење», которая была написана в основном в изгнании, в Малой Азии, а напечатана в 1871 г. в Белграде в типографии Н. Стефановича и К^о.

⁹ Влајкович Джордже (Джока, 1831—1883) — серб, поступивший на службу в русскую армию; участвовал в Крымской войне, был тяжело ранен (потерял ногу) и в чине капитана, как инвалид и русский пенсионер, переехал в Сербию; принимал активное участие в сербском национально-освободительном движении.

¹⁰ «Трговачки Гласник» — сербская газета.

¹¹ «Млада Србадија» — журнал, орган Объединения сербской молодежи или Омладины (1866—1872), выходил в Нови Саде с 1870 по 1872 г. под редакцией А. Хаджича.

¹² Милетич Светозар (1826—1901) — выдающийся политический и общественный деятель сербов Воеводины, лидер Сербской народной либеральной партии, издатель и редактор самой популярной в тот период газеты на Балканах — «Застава» («Знамя»).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О ПРЕБЫВАНИИ В. И. ЛЕНИНА В ПОЛЬШЕ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

В. И. Ленин, находясь в эмиграции, более двух лет прожил в Кракове и Порошице, а в Праге бывал по партийным делам. Польские и чехословацкие ученые проявляют большой интерес к изучению всего, что связано с жизнью В. И. Ленина в этих местах. В последние годы появились книги и статьи о пребывании В. И. Ленина в Польше и Чехословакии. Три книги переведены на русский язык.

В монографии Валентины Найдус «Ленин в Польше»¹ освещаются жизнь и деятельность В. И. Ленина в Польше, его связи с польским народом, отношение к польскому рабочему движению и партиям, к польскому вопросу накануне первой мировой войны.

В. И. Ленин жил в Польше с июля 1912 по август 1914 г., отсюда он внимательно следил за политической жизнью в России, руководил деятельностью партии большевиков.

В. И. Ленин бывал на рабочих митингах и собраниях в Кракове, помогал польским социал-демократам советами, сотрудничал с краковской организацией студентов — эмигрантов из Царства Польского «Слуция», публиковал статьи в польской революционной прессе и выступал с докладами и лекциями о русском и польском рабочем движении.

Рассматривая отношение В. И. Ленина к СДКПш.л, ППС-левые и ППС-фракции, автор подчеркивает особое значение для польского рабочего движения ленинской оценки исторической роли СДКПш.л. Интересны сведения об аресте и освобождении В. И. Ленина в августе 1914 г., о судьбе краковско-порошинского архива и библиотеки В. И. Ленина. Отдельные оценки польских партий, содер-

жащиеся в книге, были пересмотрены в последующей литературе.

«Польским годам» В. И. Ленина посвящена и брошюра Юзефа Серадского². Автором привлечены некоторые новые документы архива Института истории партии при ЦК ПОРП. В приложении опубликованы неизвестные советскому читателю воспоминания профессора Высшей музыкальной школы в Кракове Бронислава Романшинна, который рассказывает об участии польской демократической интеллигенции в освобождении Ленина из-под ареста в августе 1914 г.

Ю. Серадский подробно рассматривает сохранившиеся свидетельства о выступлениях В. И. Ленина в Кракове. В частности, автор сообщает, что во время дискуссии по докладу «Современная Россия и рабочее движение»³ Л. Василевский, редактор пелезевского «Шпед-свита», спросил у В. И. Ленина, как будет решен национальный вопрос в России. В. И. Ленин ответил: «этот вопрос для меня вполне ясен. Его разрешит русская революция, далекая от хаоса, имеющегося в решении этого вопроса демократами и буржуазными социалистами. Наша революция этот вопрос, как и многие другие, разрешит легко, в соответствии с интересами народов» (стр. 20—21).

В 1963 г. вышла книга чешского писателя Мирослава Иванова о пребывании В. И. Ленина в Праге⁴.

Автор устанавливает дату первого при-

¹ W. N a j d u s. Lenin w Polsce. Warszawa, 1953, 208 s.; В. Н а й д у с. Ленин в Польше. М., Изд-во иностр. лит., 1957, 169 стр. (ссылки на книгу см. в тексте). Рец: Я. Ф. Д з е р ж и н с к и й. «Коммунист», 1955, № 10, стр. 94—102; Е. А. Белов. «История СССР», 1958, № 2, стр. 166—168; В. Н е в о л и н. «Иностранная литература», 1958, № 5, стр. 253—254.

² J ó z e f S i e r a d z k i. Polskie lata Lenina. Warszawa, 1960, 103 s.; Ю. С е р а д с к и й. Польские годы Ленина. М., Госполитиздат, 1963, 64 стр. Перевод Ю. В. Бершова. См. рец. на русский перевод: З. А л е к с а н д р о в а. Среди польских друзей. «Коммунист», 1964, № 10, стр. 122—124.

³ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23, стр. 55—59.

⁴ M i r o s l a v I v a n o v. Lenin v Praze. Praha, 1960, 168 s.; М. И в а н о в. Ленин в Праге. М., Госполитиздат, 1963, 168 стр.; М. И в а н о в. Ленин в Праге. Перевод с чешского М. Редлиба. Прага, Аргия, 1963, 319 стр.

езда В. И. Ленина в Прагу. Сопоставляя некоторые письма В. И. Ленина к родным и рассказ чешского рабочего Модрачека, который был посредником при пересылке леппской корреспонденции из Мюнхена в Россию и обратно через Прагу, автор приходит к выводу, что первый приезд В. И. Ленина в Прагу состоялся между 7 и 19 сентября 1900 г., а не весной 1901 г., как было принято считать раньше (стр. 34). Это не малая заслуга автора⁵.

Основная тема книги М. Иванова — пребывание В. И. Ленина в Праге в январе 1912 г., его участие в работе нелегальной всероссийской конференции РСДРП, ставшей важным этапом в истории партии большевиков. Автор собрал и тщательно проанализировал все сведения, проверил многие факты, беседовал с участниками и очевидцами событий, со всеми, кто так или иначе соприкасался с В. И. Лениным. М. Иванову удалось найти неизвестную ранее статью «Ленин в Праге», подписанную только инициалами и опубликованную в чешской газете «Право народу» 1 июля 1917 г. (Писательница М. Майерова считает, что статья принадлежит чешскому социал-демократу Й. Стивину — стр. 56.) Интересны приведенные в книге воспоминания Яхима Гавлены и Эмануэля Шкатулы, принимавших участие в подготовке

Пражской конференции, запись беседы Вацлава Вацка, который по окончании конференции провожал В. И. Ленина из Праги.

Поиски М. Иванова были трудными и не всегда удачными: большинство непосредственных участников событий ушли из жизни, многие документы оказались утраченными, а время стерло в памяти людей немало важных и пугных теперь деталей. Не раз автору казалось, что стоящие перед ним задачи неразрешимы. Но он продолжал свои поиски, ибо «все же дело стоило того, — пишет М. Иванов. — Не только потому, что обнаружались некоторые новые подробности, были сопоставлены различные воспоминания и рассказы и теперь мы приблизительно представляем себе обстоятельства проведения конференции — разумеется, все это было очень важно. Но самое важное, что ты приобрел за время поисков и что глубоко запало в душу, может быть выражено одной фразой: сколько же людей нам помогало!... На каждой улице, в каждом доме, архиве или библиотеке ты мог бы насчитать десятки таких людей. Покажуй, это было самым прекрасным во всем, что выявилось: отношение простых людей к Ленину» (стр. 165). Писатель заканчивает книгу такими словами: «Есть вещи, которые нельзя оцунать, измерить метром или фотографировать. Вещи, которых не обнаружишь ни в адресной книге, ни в архиве, ни в библиотеке. Зато они живут в сердцах. И это гораздо важнее» (стр. 168).

А. М. Орехов

⁵ А. Колосков. Дань сердца. — «Коммунист», 1961, № 10, стр. 119; К. А. Остроухова. В. И. Ленин в Праге. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, стр. 130.

«Социально-экономическое развитие Болгарии (1944—1964)». София, 1964, 259 стр.

Книга представляет собой коллективный труд, написанный видными болгарскими экономистами, сотрудниками Экономического института Болгарской академии наук. В их числе — директор института проф. К. Добрен, акад. И. Стефанов, проф. П. Спирков, проф. Д. Владов и др. Авторы дают марксистско-ленинский анализ объективных закономерностей и конкретных путей развития Болгарии по пути социализма, раскрывают процесс создания материально-технической базы социализма и развития социалистических производственных отношений.

Книга состоит из шести глав. В первой из них рассматриваются общие закономерности социалистического строительства и создания материально-технической базы социализма в Болгарии. В числе рассматриваемых в этой главе вопросов — победа социалистических производственных отношений и переход к строительству развернутого социалисти-

ческого общества, особенности и ход строительства материально-технической базы социализма в стране, основные пометки генерального перспективного плана развития народного хозяйства в период 1961—1980 гг. Последующие главы посвящены конкретному рассмотрению вопросов социалистической индустриализации, творческого применения кооперативного плана Ленина и социалистической перестройки в болгарской деревне, развития торговли и финансов, распределения общественного продукта и национального дохода, а также вопросам жизненного уровня болгарского народа в период социалистического развития страны.

Книга написана на основе изучения подробных данных Центрального статистического управления Народной Республики Болгарии, Министерства сельскохозяйственного производства, ряда официальных статистических сборников и других первоисточников. По ходу из-

ложения материала в работе приводятся таблицы и диаграммы. Этот труд, изданный на русском языке софийским Издательством литературы на иностранных языках, является ценным пособием для

всех советских людей, живо интересующихся успехами Народной Республики Болгарии в социалистическом строительстве.

Л. В.

V. KOTYK. *O zahraniční politice socialistických států*. Praha, 1964, 272 s.

В. КОТЫК. *О внешней политике социалистических государств*

Научный анализ основных тенденций и направлений внешней политики социалистических стран необходим для правильного понимания развития международных отношений в современный исторический период. Такой анализ помогает глубже и правильнее понять значение политики социалистических стран как фактора борьбы за утверждение прочного мира на Земле, за обеспечение политики сотрудничества между государствами и народами, за обуздание агрессивных империалистических сил.

Аналізу указанных проблем посвящена новая работа чехословацкого ученого В. Котыка. В его работе рассматриваются вопросы об общих и специфических сторонах внешней политики социалистических стран, анализируются принципы их взаимоотношений между собой и с несоциалистическим миром.

Центральное место в книге отводится проблеме напряженной борьбы социалистических стран за практическое осуществление принципа мирного сосуществования — генеральной линии внешней политики мировой социалистической системы. Автор подчеркивает, что эта генеральная линия базируется на научном, марксистско-ленинском анализе характера современной эпохи, когда мировая социалистическая система стала решающим фактором развития человечества.

Раскрывая исторический смысл политики мирного сосуществования, В. Котык указывает, что она создает благоприятные условия для развития мирового революционного процесса, для дальнейшего роста сил социализма (стр. 42), для перехода ряда стран к социализму мирным путем, без вооруженной борьбы.

Для осуществления политики мирного сосуществования, как отмечает В. Котык, первостепенное значение имеет налаживание добрососедских отношений между СССР и ведущей державой капиталистического мира — США. Характер американо-советских отношений, по его мнению, оказывает решающее влияние на развитие международного положения.

Показывая благотворное влияние политики мирного сосуществования на экономическое развитие социалистических стран, автор делает вывод, что экономическое соревнование можно рассматривать как форму борьбы между социализмом и капитализмом.

Большой интерес представляет третья глава книги, рассматривающая общие и специфические черты внешней политики социалистических стран.

Сходство общественного строя, однородность классового характера государств, по мнению автора, служит основой общих закономерностей их внешней политики. Однако для осуществления правильной интернационалистической внешней политики необходимо еще верное понимание правящими коммунистическими и рабочими партиями единства общих и национальных задач. Абсолютизация общих черт социалистического строительства и недооценка специфических условий отдельных стран ведет к механическому, шаблонному пониманию вопросов единства и сотрудничества. С другой стороны, выпячивание специфических, национальных задач приводит к забвению решающих общих проблем и целей социалистической системы. В этом автор видит корень догматического подхода к вопросам социалистического строительства и внешней политики.

Важное место в формировании внешней политики социалистического лагеря В. Котык относит Советскому Союзу — «ведущей мировой державе и общепризнанному авангарду коммунистического движения». Вместе с тем автор не сводит внешнюю политику социалистического содружества к внешнеполитической линии Советского правительства, а раскрывает конкретный вклад каждой из социалистических стран в решение важнейших международных проблем. В качестве примеров такой инициативы автор называет план Рапацкого, предложения ПНР по нормализации взаимоотношений между балканскими странами, усилия ГДР по обеспечению мирного сосуществования двух германских государств и др.

Обстоятельно рассматривается внешнеполитическая инициатива социалистических стран Центральной Европы в пятой главе, где характеризуются усилия социалистических стран, направленные на решение германского вопроса мирным путем, на базе существования двух германских государств.

В книге раскрывается напряженная борьба, которую особенно в последние десять лет ведут социалистические страны за всеобщее разоружение. Подчеркивая особую значимость этой проблемы для обеспечения прочного мира, для соз-

дания необходимых условий экономического соревнования двух систем, а также для обеспечения роста материального уровня жизни людей, автор подвергает критике взгляды тех, кто рассматривает борьбу за всеобщее разоружение только как пропагандистское средство для разоблачения империалистических замыслов западных держав.

Одной из важнейших задач внешней политики социалистических стран является борьба за ликвидацию колониализма во всех его формах. При анализе этой проблемы в книге подчеркивается тесная связь развития национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах с успехами революционного социалистического движения рабочего класса в европейских и азиатских странах. Рост сил социализма и широких размах национально-освободительного движения создали благоприятные возможности для развертывания борьбы за полную ликвидацию колониализма.

В заключении работы автор рассматривает деятельность КПСС по осуществлению ленинских принципов взаимоотношений между социалистическими странами, ее борьбу за единство социалистического лагеря. Автор отмечает огромное значение в выработке внешнеполитического курса СССР решений XX съезда КПСС, открывшего качественно новый этап в осуществлении политики мирного сосуществования, начало которой связано с Великой Октябрьской социалистической революцией (стр. 53). С XX съезда начался также новый этап и во взаимоотношениях между социалистическими странами. Однако наличие взаимоотношений нового типа, как отмечает В. Котык, не означает того, что в них автоматически исключается возможность появления определенных недостатков, ошибок и перенесенных проблем (стр. 231). Причинами, порождающими такие недостатки и ошибки, могут быть различные исторические условия, в которых живут народы социалистических стран. Определенную роль продолжают также играть и интриги империалистов, стремящихся разбить единство социалистического лагеря. Ошибки во взаимоотношениях между социалистическими странами были связаны в прошлом с культом личности. Автор отмечает, что Сталин игнорировал такие принципы пролетарского интернационализма во взаимоотношениях между социалистическими странами, как принцип самостоятельности и равноправия всех народов, проявляя при решении некоторых вопросов тенденции великодержавного шовинизма, грубо вмешивался во внутренние дела некоторых коммунистических и рабочих партий, в результате чего был нанесен большой ущерб делу братских взаимоотношений между социалистическими странами.

Автор пишет об усилиях КПСС и Советского правительства исправить после смерти Сталина допущенные в тот период ошибки и построить взаимоотношения СССР со странами социалистического лагеря на подлинно ленинских интернационалистических принципах.

Свою работу В. Котык заканчивает рассмотрением вопросов единства социалистических стран на современном этапе. Для этого единства решающим является общность взглядов по основным вопросам политики всех социалистических стран, а также развитие сотрудничества этих стран и их коммунистических и рабочих партий на базе реальных условий, сложившихся в мировой социалистической системе и характеризующихся различным уровнем экономического, политического и идеологического развития каждой из социалистических стран. Эти различия сохранятся еще длительное время в будущем. Поэтому дальнейшее развитие взаимоотношений социалистических стран автор рассматривает как процесс укрепления единства социалистических стран.

В работе В. Котыка совершенно правильно сосредоточивается внимание на основных линиях, на ключевых вопросах международных отношений, в решении которых социалистические страны занимают ведущую позицию. Фактический материал книги также способствует разоблачению диспунаций буржуазных политических деятелей и ученых в отношении внешней политики европейских социалистических стран.

Работе присущи и некоторые недостатки. Ключевыми вопросами единства социалистического лагеря автор считает вопросы экономических взаимоотношений и экономического сотрудничества социалистических стран. Он утверждает, что на современном этапе на первое место выступает «вопрос экономических аспектов их единства» (стр. 264). С этим положением трудно согласиться, учитывая особую важность идеологической и политической ситуации в настоящее время. Не раскрывается автором и содержание социалистического интернационализма, на котором базируются взаимоотношения социалистических стран. Было бы желательно больше подчеркнуть разносторонность и широту экономических, политических и культурных связей социалистических стран, глубже раскрыть их характер как взаимоотношений нового типа. Эти недостатки, однако, ни в коей мере не могут умалить большого научного и политического значения оригинального исследования В. Котыка. Поднятые им проблемы, к сожалению, не получили еще должного освещения в научной литературе.

А. И. Недорезов

ВЕСЕЛИН ХАДЖИНИКОЛОВ. Интернационалистическите традиции на Българската комунистическа партия. София, Изд-во БКП, 1962, 168 стр.

В. ХАДЖИНИКОЛОВ. Интернационалистическите традиции на Българската комунистическа партия

Братские отношения и дружба между народами стран социализма во многом определяются марксистско-ленинской политикой коммунистических и рабочих партий. Эти партии накопили положительный опыт воплощения в жизнь идей пролетарского интернационализма. Изучение данной темы в наши дни имеет не только большое научное, но и исключительно важное политическое и воспитательное значение. В этом отношении несомненный интерес представляет книга болгарского ученого, проф. В. Хаджиниколова, известного рядом интересных работ¹.

Всю деятельность тесняков, затем коммунистов Болгарии характеризует глубокая верность идеям пролетарского интернационализма, на что многократно указывали виднейшие деятели международного коммунистического движения. Не случайно В. И. Ленин еще в 1917 г. называл тесняков «интернационалистами на деле»².

Автор, кратко раскрывая основные принципы пролетарского интернационализма (глава первая), подчеркивает, что с самого начала существования Болгарской компартии в ее интернационалистической деятельности прослеживаются четыре главных направления: неустанное провозглашение в программах и основных документах принципов пролетарского интернационализма, стремление всегда поддерживать тесные организационные связи с международным рабочим и коммунистическим движением, исполнение своего интернационального долга по отношению к рабочим и трудящимся всех стран, неустанная борьба против буржуазного национализма и всех его проявлений внутри и вне страны.

В последующих четырех главах своей работы В. Хаджиниколов рассматривает в отдельности каждую из указанных традиций.

Большой интерес вызывает глава о практической деятельности Болгарской компартии по воплощению в жизнь идей пролетарского интернационализма. В

главе рассматриваются связи Д. Благоева с русским революционным движением; деятельность тесняков на конгрессах II Интернационала и решительное осуждение ими вслед за В. И. Лениным измены лидеров II Интернационала; выступления тесняков в поддержку ленинской идеи создания III Интернационала; отношение их к Великому Октябрю; участие замечательных руководителей Болгарской компартии, великих интернационалистов Г. Димитрова, В. Коларова и др. в работе Коминтерна. Немалое место автор уделяет анализу борьбы болгарских коммунистов за сплочение и единство пролетариата балканских стран.

На примере Болгарии В. Хаджиниколов раскрывает, как пролетарский интернационализм обогатился новым содержанием: после 9 сентября 1944 г. он превратился в основу межгосударственных отношений социалистических стран. Автор освещает многогранную деятельность Болгарской компартии по укреплению единства и сплоченности мировой системы социализма.

Большой интерес представляет раздел книги об интернациональных связях Болгарской компартии с молодыми странами Азии, Африки, трудящимися стран капитала, ее участие в борьбе международных профсоюзных, женских и молодежных организаций за права рабочих, за мир и социальный прогресс.

На примере болгарской действительности автор показывает, что непримиримая и неустанная борьба против буржуазного национализма всегда была важнейшим условием укрепления единства международного рабочего и коммунистического движения, ярким проявлением пролетарского интернационализма.

С особым интересом знакомится советский читатель с заключительной главой «Болгаро-советская дружба — высшее проявление пролетарского интернационализма». Отмечая глубокие корни советско-болгарской дружбы, автор совершенно справедливо подчеркивает, что глубочайшим и неисчерпаемым ее источником является пролетарский интернационализм.

В книге прослеживается укрепление и превращение в общенародное явление болгаро-советской дружбы после победы народной революции в Болгарии. Болгарская компартия убедилась в жизненной необходимости постоянного укрепления дружбы с Советским Союзом и неустанно ищет все новые формы и средства ее дальнейшего развития.

В рецензируемой книге найдла свое отражение глубокая забота БКП о даль-

¹ «Стопански отношения и връзки между България и Съветския Съюз до Девети септември (1917—1944)». София, 1956; «Д. Благоев и връзките на българската работническа класа и руското революционно движение». Сб. «100 години Димитър Благоев». София, 1956; «Отношенията между България и Съветския Съюз след Октомврийската революция до нормализирането им през 1934 г.» — «Исторически преглед», 1954, кн. 4.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 174.

нейшем сплочении мирового коммунистического движения.

В. Хаджиниколов дает обзор литературы по рассматриваемым вопросам, вводит в научный оборот значительный новый материал из архивов и редких периодических изданий, приводит солидный справочный материал.

Автору удалось показать, что последовательный интернационализм Болгар-

ской компартии служит надежной защитой против влияния буржуазного национализма, ревизионизма и сектантства, верным компасом в международных отношениях, в борьбе за единство мирового коммунистического движения. В. Хаджиниколов написал не только интересную, но и актуальную книгу.

Д. Песчаный

Л. Б. ВАЛЕВ. *Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны)*. М. Изд-во «Наука», 1964, 372 стр.

Советская литература по истории второй мировой войны пополнилась исследованием, посвященным ее наименее изученному начальному периоду — до нападения гитлеровской Германии на СССР. В рецензируемой книге впервые столь обстоятельно показывается роль Болгарии в сложном комплексе международных противоречий, возникшем в Юго-Восточной Европе в 1939—1941 гг., анализируются причины, обусловившие оккупацию гитлеровцами весной 1941 г. Балкан, что явилось подготовительным этапом к так называемой операции «Барбаросса», характеризуется героическая борьба болгарского народа против монархо-фашистского режима в стране и его антинациональной, реакционной политики.

Книга Л. Б. Валева — результат многолетней работы. При ее написании автор, естественно, опирался на достижения советской и болгарской исторической науки. Основной материал для исследования почерпнут автором из архивов Болгарии — не только центральных, но и окружных, а также из Архива внешней политики СССР. Широкая источниковедческая база, большое количество впервые вводимых в научный оборот документов позволили Л. Б. Валеву по-новому подойти к решению ряда проблем. Это, несомненно, одно из главных достоинств рецензируемого труда.

В работе Л. Б. Валева рассматриваются все вопросы политического и экономического развития Болгарии в исследуемый период. Особый интерес с точки зрения новизны материала и его обобщения представляют разделы, в которых анализируются внешнеполитические проблемы.

Важное значение имеет раскрытие автором сущности «выжидательной позиции» болгарских правящих верхов накануне и в начале войны. Приводимая Л. Б. Валевым «Директива № 19», направленная болгарским правительством в апреле 1939 г. своим дипломатическим представителям (стр. 20—21), а также итоги совещания в апреле 1940 г. по вопросам международного положения

страны (стр. 128, 129 и др.) показывают, что болгарские правящие круги по существу уже встали тогда на сторону Германии. Но это сближение не было прямой и безусловной поддержкой. Все крепче привязывая страну к германской военной колеснице, правящая болгарская верхушка вместе с тем не отказывалась от попыток маневрирования в рамках возможного, рассчитывая получить кое-какие выгоды и от западных держав, противостоявших Германии. Автор удачно показывает эти нюансы внешнеполитического курса Болгарии.

В книге описываются многочисленные эпизоды дипломатической борьбы воюющих стран за Болгарию, стремление Англии и Франции привлечь ее на свою сторону. Эти попытки, предпринимавшиеся как накануне, так и в первые месяцы войны, окончились безрезультатно. После разгрома Франции монархо-фашистская верхушка окончательно отбрасывает всякую маскировку и открыто переходит в лагерь держав осн. Следует отметить, что позиция Болгарии во время политического кризиса в Европе летом 1939 г. освещена в книге недостаточно. Автор не имел возможности остановиться, например, на вынашивавшихся гитлеровской дипломатией планах создания прогерманского блока в Юго-Восточной Европе в составе Болгарии, Венгрии и Югославии и на уклончивой позиции болгарского правительства по отношению к этой затее гитлеровцев¹.

Как известно, Советский Союз проводил в начальный период войны политику, направленную против расширения фашистской агрессии и втягивания в войну новых стран². К сожалению, эта сто-

¹ См., например: Z. Avramovski. Sukob interesa Velike Britanije i Nemačke na Balkanu uoči drugog svetskog rata. — «Istorija XX veka». Zbornik radova, t. II. Beograd, 1962, s. 119—156. К сожалению, Л. Б. Валева не использовал эту и некоторые другие работы югославских авторов.

² «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II.

ропа деятельности советской дипломатии не привлекала до сих пор достаточного внимания наших историков. Работа Л. Б. Валева вносит существенный вклад в разработку этого сложного сюжета. Автор подробно характеризует действия советской дипломатии, направленные на установление дружественных отношений с Болгарией (стр. 29—34, 161—170 и др.). Стремясь ограничить сферу войны в Европе и желая помочь болгарскому народу сохранить свою национальную независимость, Советское правительство еще в сентябре 1939 г. подняло вопрос о заключении договора о дружбе и взаимной помощи с Болгарией (стр. 169, 170). В ноябре 1940 г. Советский Союз снова сделал Болгарии аналогичное предложение. Оно открывало перед Болгарией возможность проведения подлинной политики нейтралитета и служило альтернативой задуманному ее правящими кругами присоединению к Тройственному пакту. В книге приводятся интересные факты о ходе переговоров (стр. 174—179). Болгарское правительство отвергло советское предложение. Но дипломатическая инициатива, проявленная Советским Союзом, все-таки заставила болгарские правящие круги отложить присоединение к агрессивному Тройственному пакту. Действия советской дипломатии по поддержанию мира на юго-востоке Европы получили резонанс и на севере континента. В книге приводится любопытная выдержка из донесения болгарского посланника в Стокгольме, сообщавшего со ссылкой на заявление одного из ответственных сотрудников МИДа Швеции о том, что задержка с вхождением Болгарии в Тройственный пакт приостановила «целую серию задуманных осью присоединений к берлинскому пакту, включая и присоединение Швеции» (стр. 179).

Другой основной причиной, заставившей болгарское правительство оттянуть вступление в Тройственный пакт, было широко развернувшееся в стране движение за дружбу и союз с СССР. Возникшее движение, как показано в книге на ярких конкретных примерах, «еще с осени 1939 г. стало приобретать роль первостепенного фактора в политической жизни страны. С начала войны не было ни одного более или менее крупного события в общественно-политической жизни Болгарии, которое так или иначе не переплеталось бы и не связывалось с этим кардинальным вопросом внешней политики Болгарии» (стр. 253, 254). Массовое движение за заключение советско-болгарского договора приняло в конце 1940 — начале 1941 г. размах и значенные подлинно народного плебисцита, подчеркивает автор (стр. 255).

Указанные причины, а также (как это видно из приводимых в книге материалов) боязнь, ввиду военной слабости Болгарии, осложнений на греко-болгарской и турецко-болгарской границах заставили монархо-фашистов совершить акт присоединения к Тройственному пакту лишь одновременно с оккупацией страны германскими войсками, для чего в феврале 1941 г. были заключены соответствующие соглашения с командованием вермахта (стр. 185, 186). Ввод гитлеровской армии в страну 1 марта 1941 г. означал фактическую оккупацию Болгарии, превращение болгарской монархо-фашистской клики в активного пособника гитлеровской агрессии на Балканах (стр. 264 и др.).

В работе Валева показано, что болгарская монархо-фашистская клика не приняла участия в нападении на Югославию и Грецию, совершением гитлеровской Германией 6 апреля 1941 г., отнюдь не из-за отсутствия желания с ее стороны. Как это ни парадоксально, но именно гитлеровцы не рекомендовали болгарским правящим верхам активно вмешиваться в военные действия. По их совету в период балканской кампании 1941 г. болгарская армия была сконцентрирована на границе с Турцией, выполняя роль заслона, охранявшего левый фланг немецких войск (стр. 279, 280). Уже после окончания военных действий болгарские войска оккупировали Вардарскую Македонию и Западную Фракию, позволив гитлеровской Германии высвободить войска, в которых она нуждалась для нападения на Советский Союз.

Автор глубоко вскрывает взаимосвязь внешней и внутренней политики. В книге хорошо показано, как по мере усиления гитлеровской Германии доминирующее положение в Болгарии занимали германофилы во главе с царем Борисом, отступившие на задний план буржуазных и мелкобуржуазных лидеров с проанглийской и профранцузской ориентацией. После начала войны и особенно после разгрома Франции политическая роль последних практически сведлась к нулю. Подробно охарактеризованы и реакционные политические группировки (союз «Отец Папский», легионеры, ратники, цанковистское движение), находившиеся в оппозиции «справа» к правительственному лагерю. Эти соперничавшие между собой организации были прямой агентурой гитлеровцев и использовались ими для оказания давления на правящие круги. Как известно, такую же тактику гитлеровцы применяли и в ряде других стран (например, деятельность жандармерийцев в Румынии, виллаштов в Венгрии, усташей в Югославии).

Курс на тесное сближение с гитлеровской Германией и особенно подчинение ее интересам экономики страны (на основе клиринговых соглашений) пагубно от-

ражались на положении трудящихся масс. Хотя этот аспект темы неоднократно освещался в работах советских и болгарских историков, Л. Б. Валева удалось и здесь раскрыть много неизвестных или малоизвестных деталей. Скрупулезное изучение обширного экономического материала позволило автору с исчерпывающей полнотой и ясностью обрисовать состояние болгарской экономики, показать сложный механизм, с помощью которого гитлеровцы осуществляли экономический грабеж страны, а также резкое ухудшение положения трудящихся масс. В результате летом 1940 г. в стране возникли массовые стачки (в них приняло участие 50 тыс. рабочих), проведенные под руководством БРП.

Провозгласив присоединение оккупированных югославских и греческих территорий к Болгарии, монархо-фашистская клика пыталась выдать это за «осуществление национальных идеалов» и стремилась разжечь шовинистические настроения в массах. В книге показана деятельность БРП по разъяснению пароду истинного смысла захватнической политики правящей клики, за которую страна расплатилась ценой потери своей независимости (стр. 290, 321—331). Интернационалистская позиция, занятая в этот тяжелый период болгарскими коммунистами, их решительная борьба против великобългарского шовинизма, поддержка движения сопротивления соседних народов имела огромное политическое значение, подчеркивает Л. Б. Валева (стр. 331).

Автор приходит к обоснованному выводу, что коренным образом изменившаяся к середине 1941 г. обстановка внутри Болгарии (фактическая оккупация страны гитлеровцами) и вне ее (начало Великой Отечественной войны Советского Союза) обусловила перемены и в тактике БРП. Если раньше главный удар направлялся против монархо-фашистской клики, то теперь он напосился по немецко-фашистским оккупантам и сотрудничавшей (в книге неправоммерно, на наш взгляд, употреблено более сильное слово «росшейся») с ними правящей верхушке. Были определены и новые формы борьбы. 24 июня 1941 г. ЦК БРП принял решение

о разворачивании вооруженных действий против гитлеровцев и болгарских монархо-фашистов.

Изменение обстановки и переход к вооруженной борьбе еще не означали создания в стране революционной ситуации. Она возникла позднее, в ходе постепенно расширявшейся антифашистской борьбы в стране. Решающее влияние на складывание революционной ситуации в Болгарии оказывал внешний фактор — военные успехи антигитлеровской коалиции и прежде всего победы Советской Армии над немецко-фашистскими полчищами. Именно в этом заключалось своеобразие революционного процесса, происходившего в период второй мировой войны в ряде стран, в том числе и в Болгарии.

В заключение следует отметить, что, хотя круг затрагиваемых в книге Л. Б. Валева проблем весьма широк, не все вопросы, на наш взгляд, нашли отражение на страницах исследования в той мере, как это хотелось бы. Так, осталось нераскрытым изменение положения на Балканах в результате итальянской агрессии против Греции³. Вообще итало-болгарским отношениям в книге уделено недостаточно внимания. Не до конца ясно, какое значение имели для определения политического курса Болгарии династические связи царя Бориса. Мало сказано о германском культурном проникновении в среду болгарской буржуазии как одном из серьезных факторов германско-болгарского сближения. Не во всем удачна структура книги, что приводит в ряде случаев к повторениям.

Но отмеченные недочеты незначительны по сравнению с большими положительными результатами исследования, проведенного Л. Б. Валевым. Его новая книга — важный научный вклад в разработку истории Болгарии периода второй мировой войны.

В. Д. Вознесенский, В. К. Волков

³ Интересная статья по этому вопросу написана польским ученым проф. Г. Батовским. — *P. B a t o w s k i. Państwa bałkańskie wobec wojny grecko-włoskiej 1940—1941.* — «*Wojskowy Przegląd Historyczny*», Warszawa, 1963, № 1.

ОБ ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИИ СССР В НЕКОТОРЫХ ЮГОСЛАВСКИХ УЧЕБНИКАХ

Советско-югославское культурное сотрудничество расширяется и крепнет — этот факт с удовлетворением отмечают и в Советском Союзе и в Югославии. Охватывая большой круг мероприятий в области культуры, науки, искусства, высшего образования, оно способствует лучшему взаимопониманию между народами наших стран. А взаимопонимание и общ-

ность цели — построение социализма и коммунизма — хорошая основа для дальнейшего развития советско-югославской дружбы.

Естественно, что народы СССР и Югославии — народы-братья — хотят больше знать друг о друге, и историки обеих стран стремятся удовлетворить этот законный интерес. За последние годы в

Советском Союзе издав ряд книг, рассказывающих о героическом прошлом югославских народов, о том, как трудящиеся Югославии под руководством своей Коммунистической партии в самоотверженной борьбе с фашистскими оккупантами и их пособниками завоевали свободу и независимость.

В 1963 г. вышла в свет двухтомная «История Югославии», подготовленная коллективом научных сотрудников Института славяноведения Академии наук СССР. О совместной борьбе советских и югославских воинов против фашизма в годы второй мировой войны повествует другая книга — «Белградская операция». Она была издана в октябре 1964 г. к 20-й годовщине освобождения Белграда одновременно в СССР и Югославии на русском и сербско-хорватском языках. Работа представляет собой единое целое, ее окончательный текст был подготовлен совместными усилиями советских и югославских историков.

Не только о прошлом, но и о сегодняшнем дне Югославии, об успехах югославского народа в строительстве социализма, о миролюбивой внешней политике Югославии пишут советские историки и публицисты. И пишут объективно, с искренним стремлением внести лепту в дело укрепления советско-югославской дружбы. В свою очередь, югославские историки и публицисты знакомят общественность Югославии с историческим прошлым народов СССР, со строительством социализма и коммунизма в нашей стране.

Правда, надо сразу оговориться — югославские историки первым делом стремятся заполнить пробелы в разработке новейшей истории своей страны. Труды по истории зарубежных стран появляются не часто и поэтому вызывают повышенный интерес у югославского читателя. Прежде всего это относится к работам, освещающим историю Советского Союза. Дело в том, что книги по истории Советского Союза, изданные в Югославии в первые послевоенные годы, давно устарели, а новых долго не было. Особенный спрос на учебники — югославская молодежь хочет знать историю страны, первой в мире проложившей путь к коммунизму.

Как отмечают югославские историки, до последнего времени на сербско-хорватском языке не было ни одного подходящего курса истории СССР. И вот появились два учебника. Один из них — «Новейшая история» — принадлежит перу преподавателей Белградского университета Д. Кисежовича и Б. Смилевича и вышел в свет в 1964 г.¹ Он предназначен для учеников последнего, выпускного класса

гимназии и уделяет значительное внимание истории СССР.

Второй учебник — «История России и Союза Советских Социалистических Республик» опубликован в 1963 г. профессорами Педагогического института в Сараеве Ф. Слишичевичем и А. Бумбичем². В предисловии к нему авторы выражают надежду, что учебник заинтересует не только тех, кто изучает и преподает историю, но и других граждан, «ибо история России, и особенно СССР, всегда занимала многих наших людей».

Как же удовлетворяют оба учебника этот интерес? Какое отражение нашли на их страницах важнейшие события в жизни народов нашей социалистической родины? (Речь будет идти только о послеоктябрьском периоде истории СССР.)

В обеих книгах уделено много внимания Великой Октябрьской социалистической революции. Авторы показывают, как партия большевиков подняла народные массы на борьбу против эксплуататоров, как было свергнуто буржуазное Временное правительство и установлена диктатура пролетариата. В учебниках подчеркнута международное значение Великого Октября. «Октябрьская революция имеет огромное значение не только для России, но и для пролетариата всего мира и всего человечества. Ее победа привела к свержению капиталистического эксплуататорского строя в одной из великих стран. Эта революция была и остается примером и источником богатого опыта для рабочего класса во всем мире... И наши народы под руководством рабочего класса и Коммунистической партии Югославии пользовались этим богатым опытом во время народно-освободительной борьбы и в строительстве социализма» («Новейшая история», стр. 25).

С большой теплотой в обеих книгах говорится о Владимире Ильиче Ленине как основателе партии большевиков, руководителе Октябрьской революции, организаторе Советского государства, продолжателе дела Маркса и Энгельса, генеральном вожде и учителе международного пролетариата. Югославский читатель получает представление о трудностях, которые пришлось преодолеть советскому народу в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, о его героической борьбе против империалистов и внутренней контрреволюции. С законной гордостью авторы пишут об участии в боях за советскую власть десятков тысяч югославян. Многие из них отдали свою жизнь, защищая завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Среди них был легендарный

¹ Борђе Кијевић, Богдан Смилевич. Историја најновијег доба. Београд, 1964.

² Fuad Slipičević, Aleksa Bumbić, Istorija Rusije i Saveza Sovjetskih Socijalističkih Republika. Sarajevo, 1963.

Олеко Дундич — один из героев гражданской войны в России.

И в книге, предназначенной для студентов, и в книге для гимназистов дана в основном правильная характеристика внутреннего и международного положения советской страны после окончания гражданской войны. В них сказано о причинах перехода Советского государства к повой экономической политике, отмечено, что нэп способствовал укреплению союза рабочего класса и крестьянства, подчеркнуто, что эта политика была рассчитана, в конечном счете, на построение социализма в СССР.

У наших читателей может сложиться впечатление, что авторы учебников подходят к оценке событий в истории Советского Союза примерно с одних и тех же позиций.

Однако такой вывод был бы преждевременным. В учебниках далеко не одинаково оцениваются, например, итоги социалистической индустриализации СССР. Ф. Слипичевич (им написаны главы по истории СССР в послеоктябрьский период) рассказывает о том, как на огромных просторах советской страны в период первой пятилетки были сооружены сотни крупных заводов, фабрик, рудников, электростанций, проложены новые железные дороги, построены школы, клубы и другие культурные учреждения. Все это были новые опорные пункты социализма, созданные благодаря беспримерному трудовому героизму, отмечает автор. Вместе с тем он говорит и о трудностях, которые преодолевал советский народ в период индустриализации. Не хватало одежды и обуви, продовольственные и промышленные товары выдавались по карточкам.

При этом Ф. Слипичевич подчеркивает, что советские люди сознавали — «другого пути в условиях капиталистического окружения нет» (стр. 297). Автор указывает, что СССР «должен был освободиться от промышленной зависимости от развитых капиталистических стран. Это было необходимо и для защиты от возможного нападения империалистов» (стр. 286).

Д. Кнежевич и Б. Смилевич придерживаются, видимо, другого мнения. Отметив, что осуществление советских пятилетних планов принесло огромные результаты, они, тем не менее, считают, что в экономическом развитии СССР тяжелой промышленностью уделялось несоизмерно большое внимание (стр. 33).

Нетрудно увидеть, что эти утверждения мало чем отличаются от того, что в свое время утверждали противники высоких темпов индустриализации в Советском Союзе. Однако эти взгляды не получили поддержки советского народа. История подтвердила необходимость высоких темпов индустриализации СССР, обеспечившей экономическую независимость и обороноспособность нашей страны.

Описывая коллективизацию сельского хозяйства в СССР, Д. Кнежевич и Б. Смилевич нарисовали мрачную картину. Они сосредоточивают свое внимание на трудностях колхозного движения и ошибках в строительстве колхозов — действительных и мнимых. Не упоминают авторы лишь о самом главном — о том, что сплошная коллективизация была величайшим революционным переворотом в деревне, что она проводилась при поддержке рабочего класса и широких масс трудового крестьянства.

Именно на это обстоятельство обращает внимание своих читателей Ф. Слипичевич. Он отмечает, что трудовое крестьянство быстро осознано необходимость коллективизации и вело острую классовую борьбу против капиталистических сил в деревне, что создание колхозов освободило сельскую бедноту от кулацкой эксплуатации. Коллективизация, говорится в книге, представляла собой великую революционную перемену в советской деревне в направлении ее социалистического переустройства (стр. 294).

Авторы обоих учебников пишут об ошибках и извращениях, порожденных культом личности Сталина. И снова бросается в глаза их различный подход к оценке одних и тех же явлений. Ф. Слипичевич знакомит югославских читателей с конкретно-историческими условиями, в которых возник культ личности.

Как известно, культ личности не поколебал и не мог поколебать организационные, политические и теоретические основы Коммунистической партии Советского Союза, заложенные В. И. Лениным. И в период культа личности политика партии была правильной политикой, ибо отвечала интересам народа и пользовалась его неизменной поддержкой.

В учебнике Д. Кнежевича и Б. Смилевича дается совершенно иное представление о нашей партии. Авторы утверждают, что Коммунистическая партия Советского Союза в период культа личности «бюрократизировалась и стала частью, слугой государственного аппарата, который превратился в силу, стоящую над народом и партией» (стр. 34). Гимназистам, конечно, нелегко разобраться в этом вопросе. Откуда им знать, что в этом случае в учебнике лишь повторяются выдумки об изменении характера советского строя в период культа личности.

Оба учебника излагают историю внешней политики Советского государства. И здесь Д. Кнежевич и Б. Смилевич преподносят своим неискушенным читателям странные обвинения по адресу СССР. Так, например, они пишут, что во время монархо-фашистского мятежа в Испании и итало-германской интервенции не только Англия и Франция, но и СССР «был за „политику невмешательства“, что при-

вело «к провалу антифашистской борьбы в Испании» (стр. 53).

Эти строки нельзя читать без крайнего удивления. Ведь всему миру известно, что СССР был единственным государством, открыто выступившим в защиту испанского народа. 23 октября 1936 г. Советский Союз официально заявил, что «невмешательство» представляет собой фикцию, прикрывающую помощь мятежникам». Советский Союз оказал республиканской Испании не только моральную, но и материальную поддержку. На испанской земле сражались с фашистами советские добровольцы-летчики и танкисты.

Впрочем, все эти сведения авторы могли бы получить у своих соотечественников — югославских коммунистов, послепавших в те годы на помощь испанскому народу. Более 1300 югославских добровольцев, так же как и советские добровольцы, с честью воевали на стороне республиканцев. Те из них, кто остался в живых, несомненно, помнят, какова была действительная позиция Советского Союза.

Характеризуя политику Советского Союза накануне второй мировой войны, Д. Кнежевич и Б. Смилевич пишут, что СССР, заключив договор о непападении с гитлеровской Германией, якобы «помог укреплению фашизма» (стр. 79).

Исторические факты говорят о беспочвенности подобных обвинений. Советско-германский договор был заключен лишь тогда, когда окончательно стало ясно, что нет никаких шансов на заключение договора с Англией и Францией о совместной обороне против фашистской агрессии. Хотя выбор, который сделал Советский Союз, был вынужденным, тем не менее этот шаг Советского правительства во многом преопределил благоприятный для СССР и всех свободлюбивых народов исход второй мировой войны.

Даже некоторые буржуазные историки, например Шерер, отмечают, что «при внимательном рассмотрении германо-советский пакт был всего лишь естественным ответом на ту политику попустительства (агрессии. — Г. С.) на Востоке, которую английское и французское правительства стали проводить сразу же после Мюнхена»³.

Лишь империалистическая пропаганда время от времени утверждает, что Советский Союз в 1939 г. «помог укреплению фашизма». Неужели югославские историки Д. Кнежевич и Б. Смилевич солидаризуются с нею?

К сожалению, этот вопрос придется задавать еще не раз. Вот, например, как выглядят в гимназическом учебнике внешнеполитические акты Советского

Союза в 1939—1940 гг.: «вторжение в Польшу» (стр. 82), «аппетиты Литвы, Латвии и Эстонии», «ультиматум Румынии» (стр. 81).

А вот что говорится о событиях 1939—1940 гг. в учебнике Ф. Слипичевича. Автор отмечает, что трудовой народ Западной Украины и Западной Белоруссии находился под гнетом польских помещиков и буржуазии и поэтому приход советских войск принес ему национальное и социальное освобождение (стр. 317). Читатели узнают также о том, что советская власть в Эстонии, Латвии и Литве была установлена еще в 1918 г., что в 1940 г. народные массы под руководством коммунистических партий устранили профашистские правительства и Литва, Латвия и Эстония вошли в состав СССР как отдельные республики. В учебнике Слипичевича упомянуто и о том, что Бессарабия в свое время была захвачена королевской Румынией.

«Во всех новых социалистических республиках,— подчеркивает Ф. Слипичевич,— совершились революционные общественно-экономические перемены и устанавливался социалистический общественный строй...» (стр. 319).

Авторы обоих учебников излагают историю Великой Отечественной войны Советского Союза. Они с уважением пишут о героической Советской Армии, о подвиге всего советского народа, сплоченно-го вокруг Коммунистической партии, отмечают, что Советский Союз внес наибольший вклад в дело победы над фашизмом.

Но, отдавая должное Советскому Союзу и его армии, Д. Кнежевич и Б. Смилевич и тут, как говорится, не обошлись без ложки дегтя. Касаясь причин крупного поражения немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941 г., они упоминают не только о героическом отпоре советских воинов и народа. Может быть, сами того не ведая, они повторяют басню о том, что одной из причин провала планов Гитлера была... суровая зима.

Было бы полбеды, если бы Д. Кнежевич и Б. Смилевич ограничились только этой ошибкой. Нет, они идут гораздо дальше и говорят ученикам, будто Советский Союз в годы Великой Отечественной войны оказывал моральную поддержку югославскому королевскому эмигрантскому правительству; участвовал вместе с Англией в дележе Югославии на сферы влияния; не оказал народно-освободительной борьбе народов Югославии той поддержки, которую они с правом ожидали.

Мы не имеем возможности, ввиду ограниченности места, приводить здесь десятки аргументов и фактов, которые показывают беспочвенность упомянутых утверждений. Сошлемся лишь на некоторые документы и заявления, сделанные еще во время второй мировой войны.

Поддерживая Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), соз-

³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 1, М., 1961, стр. 177.

данный в ноябре 1943 г., Советское правительство в то же время продемонстрировало перед всем миром свое отрицательное отношение к югославскому королевскому эмигрантскому правительству, находившемуся тогда в Каире. В декабре 1943 г. Советский Союз отклонил сделанное этим правительством предложение заключить договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

«Отклонение этого предложения Советским правительством, — говорил 19 февраля 1944 г. заместитель председателя НКЮЮ Э. Кардель, — наши народы считают доказательством того, что Советское правительство ценит вклад, который они в рамках народно-освободительного движения внесли в общую борьбу против фашистских империалистов, доказательством того, что Советское правительство правильно смотрит на предательскую роль, которую играет так называемое „каирское“ правительство и его агенты».

Так выглядела на деле «моральная поддержка», которую СССР якобы оказывал югославскому королевскому правительству.

Что касается пресловутого «соглашения» между Советским Союзом и Англией о разделе Югославии на «сферы влияния», то такого «соглашения» не было. Миф о нем был сочинен Черчиллем. В октябре 1944 г. он действительно выдвинул идею раздела Юго-Восточной Европы на «сферы влияния». Но его предложение не могло быть и не было принято Советским правительством. Об этом свидетельствуют документы из архива Министерства иностранных дел СССР, приведенные в обстоятельной статье советского историка И. Земскова «О так называемом „разделе Югославии на сферы влияния“, опубликованной в 1958 г.⁴ Остается предположить, что Д. Кнежевич и Б. Смилевич еще не ознакомились с этой статьей.

К сожалению, не сделал этого и Б. Дикич — автор серии статей об англо-советских отношениях, опубликованной в начале января 1965 г. в белградской газете «Политика». Рисуя в целом правильную картину англо-советских отношений, Б. Дикич в то же время повторяет необоснованные утверждения о пресловутом «соглашении» между СССР и Англией о разделе Югославии на «сферы влияния».

И, наконец, о помощи Советского Союза освободительной борьбе народов Югославии. В коллективном труде советских и югославских историков «Белградская операция», одним из авторов которого является начальник генерального штаба

Югославской народной армии генерал-полковник Р. Хамович, говорится: «В борьбе против немецко-фашистских захватчиков Советский Союз оказывал значительную материальную помощь народным вооруженным силам Польши, Чехословакии, Народно-освободительной армии и партизанам Югославии, патристическим силам других стран» (стр. 26). Народы Югославии боролись против фашизма, за свою свободу и независимость плечом к плечу с народами Советского Союза. Без Советского Союза, говорил И. Броз-Тито, «было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии»⁵.

Можно было бы отметить в книге Д. Кнежевича и Б. Смилевича еще ряд слабостей и ошибок. Авторы, перейдя к войне на Дальнем Востоке, пишут: «...Японцы хотели избежать безоговорочной капитуляции. Нетерпеливые американцы приняли решение об использовании атомной бомбы» (стр. 93). Как будто дело было в нетерпении! Давно установлено, что США истребили сотни тысяч людей в Хиросиме и Нагасаки, пытаясь запугать тех, кто выступал против американской гегемонии.

В учебнике содержатся и сомнительные высказывания о западной границе Польши. Вопрос о ней, утверждают авторы, «будет окончательно решен мирным договором с Германией» (стр. 180). Но ведь социалистические страны, в том числе и Югославия, давно считают границу Одер—Нейссе окончательно установленной нерушимой границей мира.

* * *

Ответ на поставленный ранее вопрос: «Как в югославских учебниках отражена история СССР» — теперь напрашивается сам собой. Если авторы проникнуты стремлением дать объективную картину событий, они на верном пути.

Если же над ними тяготеет груз старых представлений — история СССР не находит правильного отражения в их трудах.

Есть ряд вопросов истории СССР и Югославии, в разработке которых советские и югославские историки могут помочь друг другу советами, консультацией, замечаниями, критикой.

Обоюдное желание выяснить истину приведет к появлению новых трудов, которые явятся вкладом в дело укрепления советско-югославской дружбы и культурного сотрудничества.

Г. М. Славин

⁴ «Международная жизнь», 1958, № 8.

⁵ «V Конгрес Комунистичке партије Југославије». Београд, 1949, стр. 96.

Д. МИЧЕВ. *Четническое движение в Болгария. 1924—1925*. София, 1964, 198 стр.

Д. МИЧЕВ. *Партизанское движение в Болгарии. 1924—1925*

«...клянусь, что буду служить верно и преданно народу, буду защищать его интересы с оружием в руках и готов отдать свою жизнь ради освобождения рабочих и крестьян» (из клятвы партизан 1-й Среднегорской четы).

1923 год в Болгарии. Потоплено в крови героическое Сентябрьское восстание, явившееся ответом рабочих и крестьян на июньский фашистский переворот. Разгромлены организации Болгарской коммунистической партии. Но борьба не прекращается. Партия постепенно восстанавливает свои ряды — и на Витовской конференции, проходившей нелегально в мае 1924 г., принимает решение: готовить новое вооруженное восстание для свержения фашистского правительства, для установления рабоче-крестьянской власти. Большие надежды возлагает ЦК БКП на вновь возникшее партизанское движение; его необходимо использовать для массовой политической работы среди населения, для военно-технической подготовки восстания. Военный центр при ЦК БКП разрабатывает инструкцию, согласно которой партизанские отряды (четы) по существу должны превратиться в лесные военные школы. Перед ними ставится задача так подготовиться в военном отношении, чтобы каждый четник во время вооруженного восстания мог стать командиром повстанческого отряда. Эти решения БКП сумела превратить в жизнь: в 1924—1925 гг. в Болгарии развернулось довольно значительное повстанческое движение.

Партизанские отряды в борьбе против фашизма — такую форму борьбы (в числе других) впервые среди коммунистических партий капиталистических стран применила БКП. Этот опыт интересен со многих точек зрения, и вполне оправдано поэтому монографическое исследование темы: «Партизанское движение в Болгарии в 1924—1925 гг.», осуществленное Д. Мичевым.

Автор рассматривает ряд важнейших вопросов. Он приходит к выводу, что в условиях продолжавшего назреть кризиса решение ЦК БКП о подготовке нового вооруженного восстания было правильным, что до поздней осени 1924 г. в Болгарии существовали благоприятные условия для развития четнического движения, что БКП совершенно справедливо видела в четах только одну из форм классовой борьбы, считала их деятельностью подчиненным, вспомогательным средством в общей борьбе против фашизма.

Исследование Д. Мичева опирается на большой документальный материал, почерпнутый им из Архива Министерства внутренних дел Болгарии, Центрального

партийного архива при ЦК БКП и др. Широко привлекает он и впервые полученные им воспоминания живых еще участников событий. Солидная документальная база позволила Д. Мичеву нарисовать картину разносторонней деятельности чет, их организаторской и политической работы в массах (беседы с крестьянами, проведение общесельских митингов, устная и печатная пропаганда и даже создание нелегальных антифашистских групп в ряде деревень), а также и непосредственных вооруженных действий. Так, летом и осенью 1924 г. партизаны совершили немало смелых налетов и сумели овладеть, хотя и на короткое время, десятками населенных пунктов, взять значительное число пленных и наказать множество фашистских приспешников.

Д. Мичев не проходит мимо слабых сторон в деятельности чет, мимо ошибок и недостатков в руководстве партизанским движением со стороны БКП. Еще на первом этапе четнической борьбы среди партизан происходили острые дискуссии по вопросам тактики, приведшие к расколу многих чет; политически грамотным коммунистам приходилось преодолевать стремление большей части четников к постоянным боевым действиям, нападениям, экспроприациям. Автор объясняет появление ультралевого течения в партизанском движении преобладанием крестьян среди его участников и недостаточной теоретической и политической подготовкой не только массы четников, но и многих коммунистов.

Специальную главу Д. Мичев отводит второму периоду в деятельности чет. Хронологически он начинается с конца 1924 г., когда в Болгарии совершенно очевидными стали признаки временной и частичной стабилизации капитализма, когда в стране, как и во всем мире, начался постепенный отлив революционной волны. Изменения во внутренней и международной обстановке обуславливали необходимость отказа от курса на вооруженное восстание и перехода к учебной работе в массах, к поискам легальных форм борьбы.

Однако ЦК БКП не смог правильно сориентироваться в изменившейся обстановке. Указания Заграничного представительства ЦК БКП, и в частности Г. М. Димитрова, о необходимости смены политического курса партии не были выполнены. В партии и особенно в ее военной организации появился ультра-

левый уклон, что привело к еще большей активизации деятельности чет. БКП начала отрывать от масс и заменять массовую борьбу вооруженными действиями отдельных групп, начала единоборство с фашистской властью. Автор на конкретном материале показывает, насколько неправильной была эта линия, какой большой вред принесло партии и всему антифашистскому движению усиление военной деятельности чет в конце 1924—начале 1925 г.

В конце своей книги Д. Мичев отмечает, что четническое движение 1924—1925 гг. в Болгарии, имевшее глубокие корни в легендарной борьбе болгарских гайдуков периода Освобождения, в новых условиях революционного движения после 1923 г. не только сохранило прежние революционные традиции и романтику, но под руководством БКП превратилось в серьезное оружие антифашистской борьбы, в одно из средств подготовки вооруженного восстания. Революционный опыт 1923—1925 гг. был творчески применен БКП при организации партизанского движения в 1941—1944 гг.

Автор снабдил исследование хорошо составленным справочным аппаратом. Книга Д. Мичева выиграла бы еще более, если бы автор с равным вниманием и глубиной отнесся ко всем частям своего исследования. Материал, содержащийся в главе 1-й («Революционная обстановка

в Болгарии после поражения Сентябрьского восстания 1923 года и восстановление БКП»), не дает ничего нового по сравнению с другими работами на эту тему. К сожалению, в ней нет и четкой постановки вопроса о классовом характере власти, пришедшей на смену правительства Земледельческого Союза после переворота 1923 г., путано излагается вопрос о развитии экономического кризиса в рассматриваемый период. Немало вопросов возникает и при дальнейшем чтении книги, так как в ряде случаев Д. Мичев ограничивается констатацией фактов. Так, остаются невыясненными причины изменения социального состава чет (стр. 81, 130—132), а также причины того, что в плане подготовки нового вооруженного восстания был обойден молчанием вопрос о массовой политической стачке, хотя он был достаточно разработан еще при подготовке Сентябрьского восстания и в целом, как подчеркивает автор, политическая подготовка нового восстания была несравненно лучшей (стр. 46—47). Вызывает сожаление и то, что Д. Мичев даже не пытается объяснить причины появления ультралевизмы в партии.

Несмотря на эти недостатки, книга Д. Мичева представляет немалый научный интерес.

Р. П. Гришина

JIRŤI KOŘALKA, Všeměcký svaz a česká otázka koncem 19. století. Praha, ČSAV, 1964, 79 s. Bibliogr.

ИРЖИ КОРЖАЛКА. Пангерманский союз и чешский вопрос в конце XIX в.

В наши дни на территории Федеративной Республики Германии и других стран Западной Европы возрождаются и активизируются всевозможные неофашистские организации, звучат голоса различных реваншистских землячеств, среди которых не последнюю играет землячество судетских немцев.

В этой связи борьба с фашизмом, разоблачение его идеологических корней все еще остается актуальной. Поэтому можно только приветствовать изданную Чехословацкой академией наук книгу чешского историка Иржи Коржалки, посвященную Пангерманскому союзу — организации, которую с полным правом можно назвать предшественницей германского фашизма.

Работа И. Коржалки написана на основе новых материалов, привлеченных из Государственного архива Вены (HHStA). Меньше, как указывает сам автор, использованы им документы Центрального архива в Потсдаме. Много интересного дала автору пангерманская пресса

того времени (в первую очередь материалы центрального органа Пангерманского союза — «Alldeutsche Blätter»). Введение в историографию новых источников является несомненной заслугой И. Коржалки.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении автор останавливается на задачах данной работы и дает краткий историографический обзор литературы, представляющий несомненный интерес. Здесь его можно только упрекнуть в излишней лапидарности изложения.

В первой главе «Немецкий национализм и возникновение Пангерманского союза»¹ Коржалка знакомит читателя с развитием немецкой шовинистической идеологии в Германии в конце XIX в. Он показывает, как запоздавший в своем развитии германский империализм ли-

¹ Эта глава почти без изменения была опубликована в сборнике «Славяно-германские отношения», М., 1964.

хорошо ищет свое место под солнцем. Германскую буржуазию не удовлетворило созданное Бисмарком немецкое национальное государство и она обратилась к поискам новых территорий как в Европе, так и в колониях, стремясь повсюду превратить немецкое население в опору для осуществления своих захватнических планов. Отсюда особая заинтересованность германских империалистов в Австро-Венгрии. Автор отмечает, что главным препятствием к превращению Австрийской монархии в чисто немецкое государство были славянские народы и прежде всего чехи.

Большим достоинством этой главы является доказательство того, что Пангерманский союз не был (как это трактуется и теперь некоторыми буржуазными историками) частным обществом, состоявшим из университетских профессоров и безответственных крикунов, а представлял интересы самого крайнего крыла германского империализма (стр. 6—8). Коржалка подчеркивает, что интересы Пангерманского союза по сути дела ни в чем не расходились с интересами германских правительственных кругов. Имеющиеся расхождения были только в тактике и ни в коей мере не касались существа. Пангерманцы громко и грубо выражали затаенные стремления правящих кругов Германии, проводивших агрессивную империалистическую внешнюю политику.

Последнее убедительно доказывается И. Коржалкой во второй главе «Чешский вопрос в центре интересов пангерманцев в 1897—1899 гг.», которая (в ней привлекаются неопубликованные материалы венского архива) представляет нам наиболее интересной частью всего исследования.

Совершенно оправданно автор не говорит здесь об австрийских пангерманцах группировки Шёнера, Вольфа и др., оговариваясь, что его в первую очередь интересуют лишь имперские пангерманцы (стр. 4). Описывая внутриполитический кризис Габсбургской монархии, связанный с языковыми распоряжениями Бадени, вызвавшими, как известно, взрыв немецкого шовинизма не только в Габсбургской монархии, но и в соседней Германии, автор убедительно вскрывает роль Пангерманского союза в разжигании этого шовинизма как в самой Австрии, так и в первую очередь среди немецких чешских земель. Приводя интересные материалы, автор показывает, как резко враждебно германское правительство относилось к «славянской» политике Бадени. «Уже тогда», — пишет И. Коржалка, — не только пангерманцы и Пангерманский союз, но и официальные круги Германии рассматривали чешский вопрос как внутренний, непосредственно их касающийся, видя в существо-

вании чешского народа препятствие для германизации Дунайской монархии». Резюмируя эту главу, автор подчеркивает, что речь шла не о языке, а о коренных интересах германского империализма, находившихся с самого начала в глубоком противоречии с жизненными интересами чешского народа (стр. 55). Именно в то время в кругах пангерманцев возникают опасные планы выселения чешского населения, т. е. уничтожения чешского народа и водворения на его территории немецких колонизаторов.

Человеконенавистническим планам пангерманцев посвящена третья глава рецензируемой книги: «Пангерманские планы ликвидации чешского народа». В этой главе И. Коржалка знакомит читателя с содержанием вышедших тогда брошюр, в которых пропагандировались бредовые планы завоевания мирового господства и уничтожения чешского народа, стоявшего на пути полного онемечивания Австро-Венгрии. Здесь впервые появляется понятие «Vertriebung» (изгнание). Попытки практического осуществления этого «изгнания» национал-социалистами заставляют видеть в них духовных последователей пангерманцев (стр. 57).

Положительно оценивая работу Коржалки, все-таки нельзя не сделать автору несколько критических замечаний.

Прежде всего автор слишком мало уделяет внимания анализу экономических проблем, оговариваясь, что это должно явиться темой самостоятельного исследования. Все же хотелось бы, чтобы в рецензируемой работе был дан ответ на вопрос, какие группы буржуазии в чешских и австрийских землях Габсбургской монархии были заинтересованы в самом тесном экономическом союзе с Германией, а какие, опасаясь конкуренции германского капитала, стояли за сохранение независимой Австро-Венгрии и тем самым враждебно отнеслись к идеям пангерманизма.

Во-вторых, автору следовало бы показать, что наряду с ростом немецкого шовинизма усиливался также национализм и шовинизм чешской буржуазии, захватившие в какой-то степени и широкие слои чешского народа. К сожалению, в работе упоминается об этом только вскользь, всего одной фразой (стр. 51).

В-третьих, указывая, что в период борьбы с языковыми распоряжениями Бадени пангерманская агитация в Германии встречала в общем-то сочувствие почти всех буржуазных партий (стр. 47), автор обходит молчанием позицию германской социал-демократии и немецкого рабочего класса.

Указанные недостатки, однако, ни в коей мере не меняют положительного впечатления, которое производит книга И. Коржалки.

Н. Ратшер

ZB. ŚWIEK. *Przywódcy powstania styczniowego. Sześć sylwetek.* Warszawa, 1963

3. ЦВЕК. *Вожди январского восстания. Шесть силуэтов*

В литературе, появившейся к столетнему юбилею восстания 1863—1864 гг. в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине, можно отметить и работы о видных деятелях эпохи. Некоторые из этих исследований уже рецензировались в нашей печати¹. Среди других работ, несомненно заслуживающих внимания², есть книга безвременно скончавшегося в мае 1964 г. польского историка Збигнева Цвека. Впервые эта книга появилась в 1955 г.³; второе издание содержит не только сильно дополненный и переработанный текст, что вполне может рассматриваться как новая работа автора на эту тему.

Книга Цвека включает взаимосвязанные друг с другом биографические очерки Зыгмунта Сераковского (стр. 13—75), осллава Домбровского (стр. 76—118), мунта Падлевского (стр. 119—166), герия Врублевского (стр. 167—200), эфа Гауке-Босака (стр. 201—234) и уальда Траугутта (стр. 243—290). Чтью названными лицами, конечно, исчерпывается круг заслуживающих внимания руководящих деятелей восстания даже если брать наиболее радикальнее по своим политическим взглядам. Ар отчетливо понимает это и во введеде, озаглавленном «К читателю» (стр. 7—11), довольно подробно обосновывасвой выбор не только идейной близоче, но и значительным сходством жинного пути избранных им героев. Это атриоты, революционные демократы, ятели левицы красных; их долгое вреа замалчивали или обливали грязью в бжуазно-националистической мемуариске, в публицистических произведениях и ученых трудах, испавшихся идейми прислужниками эксплуататорскх классов. В то же время Цвек подчеивает, что все шестеро были в

прошлом офицерами царской армии, как и не мало других боевых и самоотверженных повстанческих командиров.

В этих сознательно ограниченных рамках выбор персоналий представляется сделанным вполне удачно: избранные фигуры интересны и значительны, их биографии позволяют воссоздать довольно отчетливую картину всех важнейших исторических событий эпохи от зарождения конспиративных организаций, подготовивших восстание, до падения последнего повстанческого правительства. По своему масштабу и политическому облику, отмечает Цвек (стр. 101), к ним можно было бы отнести Стефана Бобровского, Константина Калиновского и Бронислава Шварце; однако они не были офицерами. Дополняя аргументацию З. Цвека, можно сказать, что фигуры Людвика Звездовского (Топор), Михала Гейденрейха (Крук), Зыгмунта Хмеленского и некоторых других активных участников восстания из числа бывших офицеров царской армии, при всей их значительности, все-таки уступают любому из избранных им героев. Кстати, все названные и многие другие деятели восстания фигурируют на страницах книги вместе с шестью главными ее действующими лицами.

Источниковедческую базу работы З. Цвека составляют почти исключительно печатные материалы, которые по состоянию на 1961—1962 гг. изучены им с высокой степенью полноты. При сопоставлении и анализе известных ранее данных автор делает ряд новых выводов и оценок, а также извлекает многие любопытные детали из малоизвестных или совсем забытых текстов.

Книга З. Цвека входит в научно-популярную серию, «Библиотека исторических знаний». Она богато иллюстрирована и написана просто и интересно. Научный аппарат, состоящий из нескольких сот сносок, помещен в конце книги (стр. 291—305).

Биографические очерки, составляющие книгу З. Цвека, естественно, неодинаковы по выполнению. Очерк о Сераковском в значительной мере лишь воспроизводит ряд недавно выпшедших специальных исследований⁴. То же можно сказать и об

¹ J. K o b e r d o w a. *Wielki książe Konstata w Warszawie 1862—1863.* Warszawa, 1962; S. K i e n i e w i c z. *Między ugdą a rewolucją. Andrzej Zamoyski w latach 1861—1862.* Warszawa, 1962. Рецензия: Л. А. О б у ш е н к о в а, С. М. Ф а л ь к о в и ч. Новый шаг на пути изучения революционной ситуации в России и Царстве Польском в 60-х годах XIX в.—«История СССР», 1963, № 6, стр. 203—207.

² В частности: Н. J a b ło ń s k i. *Aleksander Waszkowski ostatni nacelnik miasta Warszawy w powstaniu 1863—1864.* Wydanie II. Warszawa, 1963; M. Ż u c h o w s k i. *Ludwik Mierosławski. 1814—1870.* Warszawa, 1963.

³ Z b. Ś w i e k. *Przywódcy powstania styczniowego. Sześć sylwetek.* Warszawa, 1955.

⁴ См. Z. M a r c i n i a k. *Zygmunt Sierakowski bojownik o sprawiedliwość społeczną i wyzwolenie narodowe.* Warszawa, 1956; А. Ф. С м и р н о в. *Сигизмунд Сераковский.* М., 1959; В. А. Д ь я к о в. *Сигизмунд Сераковский.* М., 1959; Е г о ж е. *Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского.* В сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов», М., 1960, стр. 63—124.

очерке, посвященном Домбровскому⁵. Напротив, остальные очерки, в особенности о Траугутте, являются одними из первых сравнительно подробных и главное — научных биографий деятелей восстания⁶. Собранные воедино, очерки представляют большую ценность.

В короткой рецензии нет возможности остановиться на том, как описывает З. Цвек каждого из своих героев. Отметим лишь, что большое внимание, уделяемое автором книги взглядам освещаемых им деятелей по крестьянскому и национальному вопросам, а также их роли в укреплении польско-русского революционного сотрудничества, представляется совершенно правильным. Отдельные характеристики и оценки, содержащиеся в книге, не всегда одинаково убедительны, не везде в достаточной мере подкреплены конкретно-историческим материалом, но думается, что в своей основе они верны и соответствуют исторической действительности.

Сводя воедино разнородный фактический материал, трудно избежать досадных неточностей и промахов. Есть они и в книге З. Цвека. Ошибочны, например, его утверждения о том, что в Ново-

петровское укрепление во время службы там Сераковского не попадало никаких газет (стр. 32), что Инспекторский департамент военного ведомства в 1857 г. подчинялся Генеральному штабу (стр. 38)⁷, что лучшие выпускники военных академий России в конце 1850-х годов награждались золотыми медалями (стр. 45), что к выпуску прокламации «Великорусс» в 1861—1862 гг. был причастен Н. А. Некрасов (стр. 54), что в сентябре 1862 г. А. А. Потембин встречался у А. И. Герцена с Н. Н. Обручевым (стр. 144) и т. д. Временами автор, увлекаясь, проявляет склонность к некоторому преувеличению роли своих героев в происходивших событиях (особенно это заметно в очерке, посвященном З. Сераковскому, стр. 27, 44 и др.). Но все это мелочи, которые несколько не нарушают основных оценок и выводов З. Цвека.

Подзаголовком «Шесть силуэтов» З. Цвек сам определил общий характер включенных в книгу биографических очерков. Они действительно дают достаточно четкие и правильные силуэты, сделанные уверенной рукой специалиста, человека, который любит своих героев. Но это все-таки лишь силуэты, тогда как деятели, о которых идет речь, явно заслуживают более полного и, главное, более рельефного изображения. Последнее замечание адресуется, конечно, не к З. Цеку, а к тем польским и советским исследователям, которые продолжают изучение жизни и деятельности крупнейших революционеров 1863 г.⁸

В. А. Дьяков

⁵ См. E. P r z y b y s z e w s k i. Jarosław Dąbrowski. Pisma. Warszawa, 1961, s. 123—160; L. S z y m a ń s k i. Jarosław Dąbrowski. Warszawa, 1947; M. Z ł a t o r z y s k a. Jarosław Dąbrowski. Warszawa, 1948; А. Я. Л у р ь е. Ярослав Домбровский, генерал Парижской Коммуны (1836—1871). В кн. «Портреты деятелей Парижской Коммуны», М., 1956, стр. 321—359.

⁶ Работ, охватывающих весь жизненный путь Траугутта, до этого вообще не было. Важнейшая литература о других деятелях: K. D u n i p - W ą s o w i c z. Zygmunt Padlewski. В сб. «Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku». Wrocław, 1956, s. 71—132; M. Z ł a t o r z y s k a. Walery Wróblewski. Warszawa, 1948; А. Я. Л у р ь е. Валерий Врублевский, генерал Парижской Коммуны (1836—1908). В кн. «Портреты...», М., 1956, стр. 363—382; Vl. A b r a m a v i č i u s. Valerijonas Vrublewskis. Vilnius, 1958; W. S a b o w s k i. Józef Hauke-Bosak, Rys biograficzny według materiałów zebranych przez Zygmunta Kolumbne. Kraków, 1871; K. G i e l n i e w s k i. Bohater Polski i Francji (Generał Bosak-Hauke), Warszawa, 1925.

⁷ Генеральный штаб как учреждение в то время просто еще не существовал.

⁸ После выхода в свет книги З. Цвека появились, в частности, следующие работы, в которых содержится немало материала по затронутым в ней вопросам: А. Ф. С м и р н о в. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963; Русско-польские революционные связи, тт. 1, 2, М., 1963 (в серии «Восстание 1863 г. Материалы и документы»); В. А. Д ь я к о в, И. С. М и л л е р. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964. Е. К о з ł o w s k i. Generał Józef-Hauke-Bosak w powstaniu styczniowym 1863/64. «Zeszyty Naukowe uniwersytetu Jagellońskiego» Prace historyczne, zeszyt 13. Kraków, 1964, s. 47—67.

RYSZARD ORŁOWSKI. Położenie i walka klasowa chłopów w Ordynacji Zamojskiej w drugiej połowie XVIII wieku. Wydawnictwo Ludelskie, Lublin, 1963, 240 s.

РЫШАРД ОРЛОВСКИЙ. Положение крестьян и классовая борьба в Замойской ординации во второй половине XVIII века

Исследователь, занимающийся проблемами социально-экономического развития польских земель в эпоху разделов Речи Посполитой, сразу же сталкивается с такой существенной трудностью, как отсутствие сведений, которые охватывали бы всю территорию этого государства или хотя бы отдельных его районов. Основную часть имеющихся в распоряжении историка источников составляют материалы, дающие представление о структуре и функционировании отдельных, чаще всего крупных хозяйственных комплексов, которые находились в руках польской аристократии. Этим обстоятельством и обусловлен отчасти тот факт, что многие написанные за последние годы польскими историками монографии посвящены истории крупных духовных и светских латифундий¹. Хотя эти книги и носят локальный характер в силу отмеченной выше особенности источниковедческой базы, они создают прочный фундамент для познания существа социально-экономических процессов, имевших место в последние годы существования шляхетской Польши.

Работа Рышарда Орловского также принадлежит к числу такого рода монографий. Автор ее преподает в Люблинском университете им. М. Кюри-Склодовской и уже известен как историк-аграрник. Избранной темой он занимается около десяти лет². Доскональное зна-

комство с архивными материалами и тщательное изучение основных источников позволили ему существенно расширить наши представления о хозяйстве польских магнатов во второй половине XVIII в. Объектом изучения является Замойская ординация — одна из самых больших латифундий, существовавших когда-либо на польских землях. Площадь ее составляла в начале XVII в. — 3830 км², а в 1847 г. — около 4 тыс. км². В 1800 г. в составе Замойской ординации насчитывалось 10 городов и 195 сел и деревень с населением в 103,6 тыс. чел. (стр. 23, 26, 39, 41). Характерной чертой ее была территориальная компактность, в то время как владения других польских магнатов были обычно разбросаны по многим районам страны. Это в значительной мере облегчило выполнение задачи, стоявшей перед Р. Орловским.

Автор рассматривает ряд важнейших вопросов: землепользование и повинности крепостных, их быт, различные формы крестьянского сопротивления. Их изложению предпослана обширная (занимающая едва ли не 2/5 текста книги) характеристика организации, системы управления и состояния хозяйства Замойской ординации. Таким образом содержание работы выходит далеко за рамки ее названия.

Особый интерес вызывает III раздел книги, где рассмотрено положение крестьян ординатских деревень. Здесь заслуживает внимания в первую очередь анализ сведений о торговле землей, о так называемом закупничестве и попытках проведения некоторых реформ в области крестьянского землепользования. Содержателен и следующий раздел книги, в котором рассматриваются разные формы выступлений крестьян против крепостнической эксплуатации. Перед читателем предстает яркая (правда, несколько статичная) картина жизни и борьбы польской деревни в период начавшегося разложения феодальных отношений.

Формулируя свои выводы, Р. Орловский опирается на большое количество фактов. Поэтому основные положения его исследования не вызывают возражений и несомненно будут использованы другими историками, занимающимися той же проблематикой. Можно лишь пожалеть, что автор прошел мимо таких спорных в настоящее время вопросов, как, например, проблема обеспечения фольварков рабочими руками. Один из способов решения указанной проблемы — принуди-

¹ S. C a c k o w s k i. Gospodarstwo wiejskie w dobrach biskupstwa i kapituły chełmińskiej w XVII—XVIII w. Cz. 1—2. Toruń, 1961—1963; J. L e s k i e w i c z o w a. Dobra osieckie w okresie gospodarki folwarczno-pańszczyźnianej XVI—XVIII w. Wrocław, 1957; J. R u c h l i k o w a. Klucz Welkopoleński Wodzickich w drugiej połowie XVIII wieku. Wrocław, 1960; J. T o p o l s k i. Gospodarstwo wiejskie w dobrach arcybiskupstwa Gnieźnieńskiego od XVI do XVIII wieku. Poznań, 1958 etc.

² Им были опубликованы в изданиях Люблинского университета исследовательские статьи о различных сторонах хозяйства Замойской ординации (См. «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska». Sec. F, vol. VII, 1956; vol. XI, XII, 1960), а также книга по истории города Лукова, написанная совместно с Ю. Шафликом (Р. О р ł o w s k i, J. R. S z a f l i k. Dzieje miasta Łukowa. Lublin, 1962).

тельный наем — рассматривается в книге лишь как новая феодальная повинность крестьян (стр. 176, см. также стр. 75, 228). Это обосновывается тем, что принудительный наем, хотя и давал крестьянам определенную сумму денег, не улучшал их материального положения (стр. 179). Между тем если вопрос о принудительном найме во второй половине XVIII в. рассмотреть с точки зрения социального прогресса, то едва ли эту форму эксплуатации крестьян можно без оговорок причислять к обычным феодальным повинностям. Ведь при всей своей ограниченности (в силу существования внеэкономического принуждения) принудительный наем в условиях сохранения во второй половине XVIII в. всех атрибутов крепостничества был все же фактором, разлагавшим отношения, характерные для барщинно-фольварочной системы хозяйства, так или иначе ускорявшим развитие товарно-денежных отношений, облегчавшим их проникновение в сферу воспроизводства и таким образом способствовавшим расплыванию основ феодального строя. Именно так и трактуется эта проблема в работах ряда польских историков³.

Внимание историков, изучающих магнатское хозяйство, привлечет несомненно и та часть работы Р. Орловского, где характеризуется состояние господского хозяйства в Замойской ординации и порядок управления им. Сомнение может

³ См., например, J. Chmura. *Problem siły roboczej w rolnictwie Królestwa Polskiego przed uwłaszczeniem*. Warszawa, 1959, s. 266.

вызвать лишь путь, избранный автором для выявления доходности исследуемой им латифундии. Он без оговорок принимает разницу между приходом и расходом в денежной части годового баланса ординации за чистый доход (стр. 101, 104—105), забывая о том, что речь идет не о капиталистическом, а о феодальном «предприятии», в котором отнюдь не каждый компонент производства может быть выражен в денежных единицах. В результате читатель сталкивается с совершенно необъяснимым в экономическом отношении фактом чрезвычайно резкого колебания доходности (в 1793 г. чистый доход от имений оказывается в 15 раз меньше, чем в 1790 г., и т. д. — см. стр. 105). Повидимому, Р. Орловский сравнивает в данном случае несопоставимые цифры, почерпнутые из хозяйственных документов, отличающихся по своему характеру и назначению⁴.

И последнее замечание относительно содержания книги. Анализируя различного рода инструкции, посвящие, как известно, нормативный характер, Р. Орловский в ряде случаев некритически отнесся к источникам. Этим, очевидно, и объясняется то, что в ряде мест книги (см. стр. 10, 58, 96, 122, 124, 227) «просвещенные ординаты» вкупе с некоторыми представителями их администрации оказались вольно или невольно отделенными от остального аппарата классового угнетения крестьян, активно действовавшего в Замойской ординации.

И. В. Сози

⁴ В пользу такого предположения говорят и авторские ссылки на архивные фонды.

VOJTECH ONDROUCH, Nálezy keltských, antických a byzantských mincí na Slovensku. Bratislava, 1964, 197 s.+7 карт

В. ОНДРОУХ. Находки кельтских, античных и византийских монет в Словакии

Обзор находок монет на территории Словакии является результатом многолетней исследовательской работы покойного В. Ондруха, крупного специалиста в области античной нумизматики. Он охватывает время с V в. до н. э. (греческие монеты) до XI в. н. э. (византийские монеты). Для славянской эпохи в истории Словакии особый интерес представляют именно последние. Автор характеризует их в разделе, посвященном римским монетам (стр. 167—171).

Количество находок восточноримских и византийских монет (25) очень невелико по сравнению с числом находок римских республиканских и императорских монет (197) и равно находкам древнегреческих (23). В двух случаях были найдены клады византийских монет (на 12 кладов римских монет). Один из кладов (Земьянский Врбовок, окр. Зволен) содержит монеты второй половины VII в.,

второй (Телище, окр. Нитра) X — первой половины XI вв. Остальные единичные находки распределяются хронологически следующим образом: конец IV—V вв. — 12 монет; VI в. — 7; IX в. — 1; XI в. — 1. Одна находка не была определена.

Показательно географическое распределение находок (см. карту 6). Основное количество находок зафиксировано в юго-восточной Словакии (район Девин—Нитра—Зволен—Вышеград, последний на территории Венгрии), в бассейнах притоков Дуная — Ваг, Нитра, Грон. Здесь же были найдены и оба клада VII и X—XI вв.

Тщательно собранный В. Ондрухом нумизматический материал представляет интерес для изучения не только истории торговли и торговых путей в раннесредневековой Центральной Европе, но и политической истории, особенно аварской эпохи.

В. Д. Королюк

«Wissenschaft am Scheidewege», Berlin, 1964, 254 S.

«Наука на распутье»

Борьба с реакционными теориями современного остфоршунга, разоблачение деятельности его представителей и критика используемых им антинаучных методов в настоящее время становятся одним из важных направлений в работе славистов всех социалистических стран. Серьезным шагом в разработке этой актуальной проблематики явилась состоявшаяся в 1960 г. в Берлине научная сессия, посвященная проблеме «Славистика и идеологическая подготовка войны в Западной Германии», в работе которой приняли участие ученые из Болгарии, ГДР, Польши, СССР и Чехословакии¹.

Материалы сессии легли в основу изданной недавно в ГДР книги «Наука на распутье», отличающейся большим тематическим и жанровым разнообразием.

Видное место в книге занимает фундаментальное исследование Г. Мюкенбергера «Немецкая славистика и остфоршунг». Автор прослеживает историю возникновения остфоршунга, убедительно показывает, как его псевдонаучные концепции, противоречащие прогрессивным традициям Гердера, Крумбаха и др., уже в 30-е годы подвергались справедливой критике в работах некоторых немецких ученых (Р. Траутман). Последний активно выступал против пренебрежительного отношения к культурному наследию славянского мира. Подчеркивая, что в настоящее время в ФРГ широко распространена теория «европейской интеграции», которая у литературоведов остфоршперов находит свое отражение в противопоставлении цивилизованной культуры «Абендланда» «варварской» культуре «азиатского Востока», автор указывает в то же время на противоречия, существующие в западногерманской славистике, подробно останавливается на положительных тенденциях ее развития (труды и концепции А. Раммельмейера).

Анализируя современное состояние славистической науки в Западной Германии, Г. Мюкенбергер отмечает: «Как и в третьем рейхе, сегодня в Западной Германии институты остфоршунга являются баловнями государства, в то время как гуманно настроенная славистика должна довольствоваться положением терпеливой падчерицы» (стр. 20).

Важные вопросы затрагиваются в двух других статьях сборника: «Славистика и нация» Е. Хексельшнейдера и «Западногерманский остфоршунг и идеологиче-

ские концепции боннской политики по отношению к социалистическим странам Восточной Европы в 1956—1963 гг.» Р. Гогуэля. Первая из них посвящена общим вопросам немецкой славистики, рассматриваемой в тесной связи с историей и современным состоянием немецкой нации (с проблемой границ, деятельностью землячества, «изгнанными» и т. д.).

В свою очередь Р. Гогуэль в остро полемической, насыщенной фактами работе показал, как под давлением прогрессивного общественного мнения остфоршперы начинают прибегать к новым пропагандистским приемам. Они меняют свою тактику, переходя от высокомерного отрицания самостоятельного культурного развития «неполноценных» славянских народов к пропаганде, направленной на отрыв некоторых стран Восточной и Юго-Восточной Европы от социалистического лагеря. Автор раскрывает спекуляцию этой пропаганды на идеях создания в различных вариантах «Средней Европы» («Zwischeneuropa», «Ostmitteleuropa», «Mitteleuropa» и т. п.). Характерно, что к новой тактике стал прибегать даже «Геттингенский рабочий кружок» — оплот наиболее оголтелых антипольских шовинистов. Рупором этих новых тенденций сделался основанный в 1959 г. журнал «Встреча Востока и Запада» («West-östliche Begegnung»). В статье Р. Гогуэля убедительно показано, что эти «новые веяния» в западногерманском остфоршунге тесно увязаны с агрессивной реваншистской политикой боннских империалистов.

Другие работы сборника касаются конкретных вопросов фальсификации славянских литератур западногерманским остфоршунгом. В них разоблачаются те приемы и методы, с помощью которых проводится эта фальсификация. Критике подобной методологии в области русской литературы посвящены статьи М. Вегнера «Формалистический взгляд на литературу в действии. Проф. Сечкарев и русская литература», Э. Вейса «Проявление антикоммунистической идеологии в „Истории русской литературы“ проф. Леттенбауера», А. Хирше «Искажение образа героя современной советской литературы в западногерманской литературной критике», Ф. Мирау «К изданию и интерпретации советской лирики в Западной Германии в 1945—1960 гг.», Г. Кноблоха «Замечания к интерпретации Шолохова в Западной Германии», И. Иддиковского «Кампания в западногерманской печати против драмы Горького „Мещане“» и Я. Е. Эльсберга «„Зюддейче дейтунг“ и Балуев».

Лейтмотивом писаний всех западногерманских литературоведов, как под-

¹ Подробнее об этой сессии см. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1961, № 1, стр. 158—161; «Вопросы литературы», 1961, № 5, стр. 142—150.

черкивается в сборнике, служит противопоставление русской классической и советской литературы, стремление поставить развитие направлений в русской литературе в зависимость от влияния западной мысли. Другая тенденция западногерманского литературоведения — это нападки на реализм вообще и на социалистический реализм в особенности. Причем именно в этой области самые реакционные теории современного буржуазного литературоведения тесно смыкаются с антикоммунистической идеологией. Отличительная черта литературоведения современного остфоршунга — отнесение Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Л. Н. Толстого, Чехова к числу писателей-мистиков, отрицание их метода как реалистического, стремление исключить из истории русской художественной литературы Некрасова, Салтыкова-Щедрина, писателей — революционных демократов. Но особенно изощряются «эксперты по России» в своих нападках на советскую литературу. «Отсутствие свободы творчества», «неискренность писателей», «фетишизация схематического героя, лишенного внутренней жизни» и т. д. — все эти и подобные им измышления служат главной цели — политической дискредитации советского общества в глазах общественного мнения Запада.

Изучению в ФРГ других славянских литератур посвящена статья проф. Ю. Доланского «Против грубой фальсификации чешской и словацкой литературы в западногерманском журнале „Остойропа“». Статья ценна тем, что дает четкое представление как об «эксперте» по вопросам чешской культуры в этом журнале Рудольфе Урбане, так и о методах искажений, принятых в этом воинствующем органе остфоршунга. Доланский отмечает, что наиболее распространенными методами «критического» рассмотрения современной чешской и словацкой литературы служит произвольная интерпретация текста и игнорирование неугодных фактов. Неудивительно, что специалисты из «Остойропы» не хотят видеть в послевоенной чешской литературе ничего, кроме «призывов к слепому, необузданному возмездию» (стр. 89).

Близко примыкает к «Остойропе» и официальный боннский информационный бюллетень «Остпроблеме». Методам преподнесения и трактовки советской литературы в этом журнале посвящена работа Д. Мюллера «Искаженная советская литература. О методах фальсификации советской литературы в официальном боннском информационном бюллетене „Остпроблеме“». Автор приводит любопытные данные о том, кто и как финансирует этот журнал, как используется в нем пресса социалистических стран. Это «культурно-социологическое обозрение»

печатает произведения писателей типа ренегата М. Хласко, искажает существо творческих споров. Практически журнал занимается дезинформацией общественного мнения в Западной Германии, являясь одним из средств психологической подготовки войны.

Две статьи сборника по своему содержанию выходят за рамки западногерманской тематики. Это — работы Р. М. Самарина и И. Г. Неупкоевой, рассматривающие проблему трактовки славянских литератур в связи с критикой общих концепций современного буржуазного литературоведения. В статье И. Г. Неупкоевой прослеживается, в частности, влияние реакционных теорий о «едином потоке», о «наличии двух цивилизаций» (отрицающих социально-историческую и национальную природу искусства) на осмысление фактов польско-русских литературных связей. Анализируя работы современных американских славистов В. Ледницкого, В. Вейнтрауба, С. Пирковой-Якобсон, М. Соучковой о польской, русской и чешской литературах, И. Г. Неупкоева приходит к выводу, что эти авторы стремятся противопоставить развитие западнославянских литератур русской, искусственно привязать их к так называемой «западноевропейской» культуре. В этом плане литературоведение США тесно смыкается с западногерманским (Куртиус, Вайс и др.), отрицающим принадлежность к европейской культуре восточнославянского мира. Для литературоведов-марксистов очевидно научная несостоятельность подобных построений в области литературоведения, их связь с «теорией интеграции» и пресловутого «европейского колониализма».

В целом статьи сборника дают отчетливое представление о положении в западной и, прежде всего, в западногерманской славистической науке. В нем удачно сочетаются обширные исследовательские работы со статьями по конкретным литературоведческим, общекультурным и историческим проблемам. Правда, относительно меньший удельный вес исторической тематики в сборнике несколько нарушает комплексность критического освещения остфоршунга, в котором искажение прошлой и современной истории славянских народов занимает большое место и непосредственно связано с трактовкой культуры и литературы. Слабо представлены в сборнике и материалы по истории и культуре южнославянских народов.

«Наука на распутье» — книга, написанная в боевом духе. Она ставит перед славистикой обоих германских государств и других стран благородную цель — служить сближению и взаимопониманию между народами.

Будучи результатом совместных усилий ученых социалистических стран в борьбе против реакции в науке, книга выполняет задачу, которую ставят перед собой ее авторы: «Привлечь внимание международной научной общественности

к той опасности, которая угрожает мирному пути развития народов Европы, их науке и культуре со стороны западногерманского милитаризма и реваншизма» (стр. VII—VIII).

Т. А. Воздвиженская

Dějiny české literatury, d. II. Literatura národního obrození. ČSAV, Praha, 1960, 685 s.

История чешской литературы, т. II¹

Второй том «Истории чешской литературы»² охватывает почти столетний период от 70-х годов XVIII в. до 60-х годов XIX в. В отличие от прежних изданий аналогичного типа, появившихся до 1945 г., развитие литературы последовательно рассматривается в книге в связи с анализом общественной жизни, с марксистской концепцией общественно-исторического процесса. Главным его содержанием в этот период было разложение феодального строя, возникновение и развитие буржуазных общественных отношений, формирование нации и национальной культуры. Из этого и исходят авторы в определении хронологических рамок книги, а также отдельных ее частей и разделов.

Своеобразие чешской литературы как литературы национального возрождения составляет основной предмет исследования. Главный аспект освещения материала — формирование национальной литературы, которая возрождалась после периода насильственного ослабления отечественных литературных традиций. Вместе с тем в поле зрения авторов, естественно, оказывается и очень широкий круг иных проблем, подчиненных основной направленности книги. Можно сказать, что на каждом этапе развития литературы книга как бы «в поперечном сечении» дает картину всей чешской духовной жизни. Последняя предстает отнюдь не в качестве «фона», а анализируется как сложная система, составной частью которой является и литература. Роль и место литературы в этой системе и характер ее взаимодействия с иными явлениями духовной жизни, как и объем самого понятия литературы, рассматриваются в движении и изменении.

Развитие литературы, рождение новых и затухание или трансформация прежних ее форм и тенденций объясняются как следствие непрерывно возникающих новых общественно-культурных и худо-

жественных задач и потребностей («*úko lů*»). Этим же объясняется постепенная утрата прогрессивности некогда передовыми течениями литературы и превращение их в консервативные и реакционные. Авторский коллектив стремился найти объективные истоки каждого литературного явления и факта, раскрыть их исторический генезис и функцию в общественной и литературной жизни того или иного периода. Вместе с тем изложенный подход к литературному процессу имеет и свои изъяны — его возможности ограничены известными пределами. Так, при анализе непрерывной исторической смены жизненных потребностей и литературных форм порой тонет или остается открытым вопрос о том, в силу каких причин те или иные произведения литературы обретали значение непреходящих художественных ценностей; почему, например, произведения К. Гавличка-Боровского и особенно Махи до наших дней сохраняют способность волновать сердца. В книге недостаточно акцентировано также, какие эстетические завоевания, какие способы художественного освоения жизни, художественного познания общества и человеческой личности, открытые в прошлом, перерастали свое время и оказывали более сильное и длительное воздействие на развитие литературы. Иными словами, в книге меньше разработаны вопросы, связанные с теми закономерностями развития литературы и художественного прогресса которые сказываются на протяжении более длительных периодов, порой сопутствуют всему литературному процессу последних полутора столетий.

Стремление точно определить на каждом этапе всю иерархию исторических потребностей и литературных форм кое-где приводит к известной схематизации живого литературного развития и таит в себе опасность некоторой недооценки субъективных факторов, творческой индивидуальности крупных художников. Не случайно художественные формы в большей степени рассматриваются в книге как результат превращений, эволюции и синтеза предшествующих форм под влиянием меняющихся потребностей и идеологических устремлений. В меньшей мере акцентируется индивидуальная творческая активность писателя, делая-

¹ Рецензию на первый том см. «Литература славянских народов», вып. 8, М., 1963.

² Главный редактор издания Я. Мукаржовский, редактор тома Ф. Водичка, авторский коллектив: К. Дворжак, Р. Гавел, М. Ржепкова, В. Штепанек, Ф. Водичка.

шего «художественные открытия», меньше фиксируется своеобразие литературных форм как отражение непосредственно наблюдаемой и познаваемой писателем жизни. Однако в целом методика литературного анализа, принятая авторами, оказалась плодотворной.

Следует отметить, что созданию тома предшествовало появление многочисленных работ, в которых исследовались различные проблемы литературного процесса и идеологической жизни эпохи национального возрождения. Можно назвать книги Ф. Водички «Задачи и цели литературы национального возрождения» (1958), К. Косика «Чешская радикальная демократия» (1958), работы Ф. Черного, М. Отрубы и М. Качера по театру и драматургии, статьи К. Дворжака и Ф. Водички об освоении фольклора чешской литературой, Г. Грзаловой о литературе в период революционных событий 1848 г. и в 50-е годы, М. Ржепковой о сатире К. Гавличка-Боровского, серию работ по истории литературного языка и т. д. Результаты этих исследований в той или иной степени учтены в рецензируемой книге.

Том состоит из пяти основных разделов, соответствующих этапам формирования национальной литературы. Первый раздел посвящен начальной фазе национального возрождения (70-е годы XVIII в.— 1805), когда предпринимались еще лишь робкие попытки доказать правомерность развития литературы на чешском языке.

Становление чешской литературы рассматривается в тесной связи с просветительским движением и идеологией просвещенного абсолютизма (реформы Иосифа II), а также в связи с усилившимися национально-патриотическими настроениями. В разделе представлены не только явления собственно художественной литературы, еще очень слабой на этом этапе и не вполне выделившейся из синкретической «письменности», но и смежных областей: исторические исследования, языковедение и даже естественные науки (в их патриотической и, в отдельных случаях, стихийно-материалистической направленности). В разделе охарактеризованы основные жанры словесной культуры, выполнявшие в то время функции, которые перешли затем к художественной литературе (последняя постепенно как бы впитывала определенные элементы смежных явлений культуры, вырастала из них). В первую очередь это относится к фольклорным и полужанровым жанрам (крамарские песни, поэзия пшьямаков, духовные стихи), к жанрам приключенческой и рыцарской повести, составившим обиход мещанского чтения, и т. д. Центральное место в разделе, естественно, занимают поэтические сборники В. Тама, поэзия пухмайеровской школы, драматургия этого времени. Авторы убе-

дительно показывают, что при всей неразвитости и подражательности литературы тех лет она тяготела к классицистическим формам («стиль классицизма»). В самостоятельный параграф выделена характеристика Й. Добровского, оказавшего наибольшее влияние на чешскую духовную жизнь и на литературу своего времени.

Характерной особенностью второго этапа развития литературы национального возрождения (1805—1830) авторы считают формирование собственно национальной идеологии, т. е. идеологии национального движения. Если раньше значительная часть сочинений еще выходила на немецком или латинском языках, то теперь выдвигается патриотическое требование — создавать литературу на родном языке. Резко возрастает интерес к отечественной истории. Получают очень широкое распространение идеи «общеславянского патриотизма», идея «славянской взаимности». В качестве образца и источника национально-самобытного искусства воспринимались песенные, и прежде всего эпические, жанры фольклора. Отсюда и опыты возрождения этих жанров. В книге, пожалуй, впервые по достоинству оценены и рассмотрены в качестве художественных произведений Краледворская и Зеленогорская рукописи. Раньше они освещались с преимущественным вниманием к самому факту подложности этих памятников, выданных авторами, как известно, за древнечешские сочинения; отыскивались элементы художественной непоследовательности, которая свойственна поэтике подражательных произведений. Это заслоняло поэтические достоинства «рукописей», их органическую связь с развитием чешской литературы начала XIX в., их значение в литературном процессе.

Интересно прослежены в книге жанрово-стилевые изменения в литературе первой трети XIX в.: укрупнение поэтических жанров, усиление субъективно-лирического начала в прозе и формирование сентиментальной повести, эволюция рыцарской драмы в историческую, национально-патриотическую, актуализация такого драматического жанра, как фарс.

В качестве доминанты литературного развития на этом этапе рассматриваются тенденции преромантизма (сомнение вызывает при этом встречающееся в отдельных формулировках отождествление преромантизма и сентиментализма). Самостоятельные параграфы посвящены творчеству Йозефа Юнгманна, Яна Коллара и Ф. Л. Челаковского. Можно высказать сожаление, что аналогичным образом не выделена характеристика Краледворской и Зеленогорской рукописей и Клицперы.

Третий раздел («Сближение литературы с жизнью») охватывает тридцатые — со-

роковые годы (до революции 1848 г.). В нем раскрывается реакция литературы на активизацию национального движения, приобретающего все более осязаемую политическую окраску. С этим было связано усиление патриотически-воспитательного пафоса литературы, дальнейшая эволюция национально-просветительского и сентиментально-патриотического течения (И. К. Тыл), возникновение романтизма (К. Г. Маха и его последователи).

Некоторые замечания по этому разделу возникают в связи с характеристикой К. Г. Маха. Правда, все сказанное о Махе, как в общей главе, так и в монографическом параграфе, не вызывает возражений. Однако, думается, что больше внимания следовало бы уделить по крайней мере двум моментам. Во-первых, заслуживал более обстоятельного анализа исторический смысл вопроса «кто виноват?», лежащего в основе всего творчества Маха, историческая необходимость этого вопроса как определенного звена в развитии общественного сознания и литературы. Во-вторых, в книге не получила развития мысль о том, что Маха открыл неповторимую эмоциональную индивидуальность человеческой личности. Между тем это художественное открытие не только сыграло большую роль в литературе своего времени, но в известном смысле имело и «абсолютное» значение для развития национального художественного мышления. Маха открыл для чешской литературы то субъективное начало, которого ей так недоставало на предшествующих, а порой и на последующих стадиях. Он приблизил чешскую литературу к представлению о художественном образе как единстве субъективного и объективного, общего и индивидуально-неповторимого.

В последнем разделе книги («Литература в период революции 1848 г. и в борьбе против реакции пятидесятых годов») впервые проведен анализ литературной жизни во время революционных событий 1848—1849 гг., раскрыта роль литературы в революционной борьбе. Интересна характеристика возникающих в литературе этих лет тенденций реализма. В то же время не вполне понятно, почему специальный обобщающий параграф по этому вопросу ограничен лишь материалом прозы («Возрастание реалистических тенденций в прозе»). Ведь в иной связи авторы сами отмечают становление реалистических форм художественного отражения действительности и в поэзии и в драме. По-видимому, было бы пло-

дотворно дать более широкую постановку вопроса, общую для всех родов и жанров литературы, что позволило бы одновременно проследить и специфику проявления реалистических тенденций в них. Читатель найдет в разделе краткие, но емкие «портреты» К. Гавличка-Боровского, Б. Немцовой, К. Эрбена.

В рамках рецензии невозможно даже выборочно отметить обобщения и наблюдения авторов, вносящие новое в понимание как общих, так и частных вопросов литературного процесса и творчества отдельных писателей. На каждом этапе, например, показана борьба концепций в критике и т. д. Тонко и последовательно прослежена ассимиляция литературой жанрово-стилевых форм фольклора, объяснена причина популярности разных фольклорных жанров на разных этапах. Книга не только подводит итоги всему, что сделано в области изучения чешской литературы эпохи национального возрождения, но и сама носит исследовательский характер. Она представляет интерес не только для литературоведов, но и для историков общественной мысли, искусствоведов и т. д. Благодарный материал найдут в ней исследователи, занимающиеся сравнительно-типологическим изучением национальных литератур: обращаясь к национально-специфическому материалу, авторы постоянно имеют в виду основные явления международного литературного процесса, категории классицизма, романтизма, реализма, и непосредственно зарубежные связи чешской литературы. Книга, в частности, содержит анализ избирательного и органического освоения и переосмысления чешской литературой материала русского фольклора и русской литературы. К достоинствам книги надо отнести анализ взаимоотношений чешской и словацкой литературы, развивавшихся в непрерывном и непосредственном взаимодействии. Этому вопросу в каждом разделе посвящен самостоятельный параграф.

Советскому читателю при обращении к книге следует иметь в виду некоторое расхождение содержания понятий с принятым у нас. Так, в главе «Стиль классицизма» под стилем скорее понимается то, что мы назвали бы методом. И, наоборот, представление о творческом методе в ряде формулировок уже и конкретнее нашего и скорее связано с понятием манеры письма, доминирующих художественных тенденций, определяющих непосредственную художественную структуру произведения.

С. В. Никольский

Dějiny české literatury, d. III. ČSAV, Praha, 1961, 631 s.
История чешской литературы, т. III¹

III том «Истории чешской литературы» посвящен развитию литературы второй половины XIX в. (50-е годы XIX в.—1900 г.).

Эта книга — важный вклад в марксистское исследование процессов развития чешской литературы. Она будет содействовать выяснению закономерностей также и мирового общелитературного процесса.

«Показать развитие литературы во всей яркости красок, во всей его сложности, в борьбе, прояснить связи литературы с жизнью общества, с помощью конкретного анализа осветить неумиряющее значение творчества ведущих авторов эпохи» — так определены во введении (стр. 8) главные задачи книги.

По композиции и характеру изложения III том «Истории чешской литературы» аналогичен предыдущему. Общая картина идеологических и литературных процессов различных этапов, картина развития литературных жанров сочетается с портретной характеристикой писателей.

Остановимся подробнее на первых двух разделах книги (стр. 7—357). (Авторы этих разделов: М. Погорский, К. Крейчи, З. Пешат, М. Янкович.) В разделе I «Развитие демократической литературы» (пятидесятые — начало семидесятых годов) включены монографические главы о В. Галеке, К. Светлой и Я. Неруде; в разделе II «Дифференциация литературы в период наступления рабочего класса» (конец семидесятых — восьмидесятые годы) — главы, посвященные творчеству С. Чеха, Я. Врхлицкого, Й. Сладека, Я. Арбеса. Выбор персоналий для монографических глав представляется удачным. Богатство фактического материала и новое научное осмысление закономерностей литературных процессов, которые рисуются в книге во всей их сложности, без ненужного и вредного упрощения и «выпрямления», ёмкие портретные характеристики писателей, дающие яркое представление о своеобразии их художественного таланта и роли в развитии отечественной литературы — все это несомненно привлечет читателя. Хорошо раскрыт патриотизм, гуманизм демократической чешской литературы, которая всегда боролась против национального и социального угнетения народа. В первых разделах дан богатый мате-

риал о связях с другими литературами, особенно со словацкой. Читатель почерпнет интересные факты о связях с русской литературой. Интересна постановка ряда проблем, например проблемы использования фольклора писателями различных направлений.

«Краеугольным камнем» концепции первых разделов книги является положение о том, что усилия, направленные на демократические преобразования общества во второй половине XIX в., в свою очередь определяют и пафос литературного развития этого времени.

Под этим углом зрения исследователи рассматривают литературные процессы, литературные направления и группировки, их борьбу, проблематику творчества писателей, характер журналов, развитие эстетической мысли и т. д. Это определяет периодизацию и принцип выделения обобщающих глав, в которых характеризуются особенности литературного развития данного периода.

Во введении и первой обобщающей главе книги четко определены новые по сравнению с эпохой национального возрождения общественные условия, в которых развивалась литература второй половины XIX в. При этом последовательно и убедительно проводится мысль о том, что и демократическое движение последующих после революции 1848 г. десятилетий и прогрессивная литература и искусство опирались на радикально-демократическую идеологию, выступая преемником идей радикально-демократического лагеря революции 1848 г.

В этой связи справедливо подчеркивается значение программы демократической литературы, выдвинутой К. Сабиной и развитой в дальнейшем представителями чешской прогрессивной литературы. Наиболее полно и глубоко эта программа была воспринята «маевцами», творчество которых выражало «идеалы свободы нации и человека так, как они провозглашались в революции 1848 года» (стр. 34). При этом маевцы ставили задачи борьбы за национальную свободу и человеческие права в контекст европейского демократического движения.

В работах, касающихся проблематики чешской литературы второй половины XIX в., неизбежно встает вопрос о маевцах и младочехах, причем такие буржуазные литературоведы, как А. Новак, решали его однозначно, считая, что в своих общественных мировоззренческих позициях маевцы стояли на платформе младочехов.

Отказавшись от упрощенного решения этого вопроса, авторы III тома нашли, как нам кажется, правильный путь. Они

¹ Главный редактор Ян Мукаржовский, редактор тома Милош Погорский, авторский коллектив: Иржи Брабец, Ярослава Яначкова, Милан Янкович, Карел Крейчи, Зденек Пешат, Милош Погорский.

подчеркивают, что программа маевцев лишь отчасти сближалась с младочешским либерализмом. Однако «маевцы в своей идейной основе далеко выходили за рамки либерализма» (стр. 36); они, и прежде всего Я. Неруда, как их глава, вкладывали в свое представление об идеале свободы конкретное демократическое содержание, исходя из действительных социальных отношений эпохи и интересов демократических слоев народа.

Во втором разделе книги убедительно доказано, что процессы, обусловленные ростом социальной дифференциации чешского общества, назреванием антагонистических противоречий внутри нации, которая еще недавно представляла собой единую, являлись определяющими и для развития литературы. В эти годы она все непосредственнее откликается на запросы жизни, все более правдиво отражает противоречия современного общества. Интересно осмысливаются в связи со спецификой чешской национальной жизни и задачами национально-освободительной борьбы причины более интенсивного, по сравнению с другими европейскими литературами, развития в 70—80-е годы в Чехии поэзии.

В раскрытии глубинных связей литературы с общественным движением эпохи — большая удача авторов рассматриваемых разделов книги. Здесь можно было бы только пожелать ярче представить связи литературы с чешской общественной мыслью, философские основы мировоззрения крупнейших представителей литературы этого периода (Неруды, Чеха, Врхлицкого).

В целом авторам удалось избежать фактографической «энциклопедичности» старых «Историй литературы», выдвинув на первый план важнейшие литературные явления. Однако порой эта «энциклопедичность» проявляется в обильных сведениях о литературных объединениях, группах, поколениях. Такого рода микродетализация подчас мешает читателю создать четкое представление о творческой линии участников группы, об эстетических принципах их творчества («люмировцы», «руховцы» и др.).

Если во II томе развитие чешской литературы соотносится с закономерностями европейского литературного процесса (исследуются явления классицизма, преромантизма, романтизма), то в III томе эта линия, к сожалению, менее прослеживается. Первые разделы книги, как нам кажется, не дают ясных и определенных ответов на такие кардинальные вопросы развития чешской литературы второй половины XIX в., как судьбы романтизма и реализма. Так, нам хотелось бы, чтобы более последовательно и целостно была рассмотрена такая важная эстетическая проблема, как утверждение и развитие реализма, чтобы были более четко и ярко выявлены основные этапы и на-

циональная специфика этих процессов по сравнению с другими славянскими и западноевропейскими литературами. Хочется поспорить с авторами книги, которые относят возникновение реалистического направления, «наступление программного художественного реализма» (стр. 414), лишь к концу 80—90-х годов, связывая его с драматургией Ирасека, прозой Штаека, Райса и др. и с теоретическими трудами В. Мршттика и О. Гостинского.

Рассматривая творчество маевцев, авторы книги ни в обобщающих, ни в монографических главах практически не затрагивают вопроса о возникающем в их произведениях новом типе художественного освоения и отражения мира, художественного обобщения. Авторы, правда, признают, что творчество маевцев «внесло в развитие чешской литературы глубокие изменения. Идейность, тематика, пристрастие к определенным литературным жанрам и художественная форма — все было иным, чем в произведениях писателей предыдущей эпохи» (стр. 41). Однако художественное новаторство маевцев и их творческие достижения нигде прямо не связываются с реализмом; об этом не говорится даже при анализе такого классического образца чешского реализма, как «Малостранские повести» Яна Неруды.

Высоко оценивая значение литературно-критической деятельности Неруды, подчеркивая его ведущую роль в литературной жизни и борьбе того времени, авторы тем не менее полагают, что его эстетические требования нельзя еще воспринимать как последовательную систему, эстетическую концепцию, родоначальниками которой они считают Мршттика и Гостинского.

Между тем богатое творческое наследие Неруды позволяет делать и иные выводы. Его требования реализма представляют собой не отдельные удачные высказывания писателя, за ними отчетливо проступает определенная эстетическая система, продуманная программа, которая последовательно разрабатывалась Нерудой в его многочисленных статьях, заметках, рецензиях и которая по существу получила свое дальнейшее развитие и углубление в трудах Мршттика и Гостинского.

Если безоговорочно принять концепцию формирования реализма, предложенную авторами книги, то окажется, что понятие реалистического направления в чешской литературе соотнесено лишь с периодом его окончательного оформления, а это едва ли дает полную картину истории развития этого явления. По нашему мнению, чешский литературный процесс дает основание говорить о возникновении реалистического направления уже в 60—70-е годы, что выражало ведущие тенденции и основные перспек-

тивы литературного развития во второй половине XIX в. Правда, движение к реализму не стало всеобъемлющим в чешской литературе 60—80-х годов, когда были еще сильны романтические и сентиментально-просветительские тенденции. Однако это говорит лишь о сложности происходящих в 60—80-е годы в чешской литературе процессов, что, кстати сказать, достаточно ярко и убедительно раскрыто в двух первых обобщающих главах книги.

Авторы уделяют много внимания характеристике отдельных наиболее показательных для чешской литературы данного периода жанров. Интересны наблюдения над развитием жанров очерка, фельетона, особенностей гражданской, политической лирики, субъективной лирической поэзии. Однако этот анализ стал бы более полным и впечатляющим, если была бы четче охарактеризована национальная специфика этих процессов. Хотелось бы получить, например, ответ

на вопрос, с чем связано замедленное по сравнению с литературами других стран формирование чешского романа? Чем объясняется устойчивая популярность баллады? С чем связано относительно малое распространение эпической поэзии, жанра поэмы?

В заключение — некоторые замечания, касающиеся характера библиографических данных. Если в библиографии указывается какая-либо статья, помещенная в журнале или газете, то приводится лишь ее название и год издания. Однако читателю, не имеющему под рукой годового комплекта журнала или газеты, было бы гораздо легче найти нужный материал, если бы был указан и номер газеты или журнала, где данная статья опубликована, и точное ее название.

В кратких библиографических данных кажутся несколько излишними качественные оценки, которые, кстати, даются выборочно.

А. П. Соловьева

Сложные и трудные задачи стояли перед авторами последнего (третьего) раздела III тома «Истории чешской литературы» (стр. 359—545), охватывающего период от середины 80-х годов XIX в. до рубежа веков. В написании этой части книги приняли участие Зденек Пешат, Ярослав Яначкова, Милош Погорский, Иржи Брабец и Ян Червенка. В разделе дается общий обзор литературной жизни в Чехии, в данном случае конца XIX в., суммарная характеристика жанров (поэзия, проза, драма) и ряд медальонов (Ирасек, Райс, Сташек, Махар, Сова).

Чешская литература последних десятилетий минувшего века сравнительно мало изучена. Стремясь осветить литературные явления, от которых тянутся живые нити к литературе 20—30-х годов, а также в какой-то мере и к современной литературной жизни Чехии, исследователи неизбежно должны были затронуть весьма широкий круг проблем, представляющий не один лишь историко-литературный интерес. Им предстояло тщательно разбираться в необычайно сложной литературной обстановке в Чехии конца XIX в., в ее многочисленных разнородных противоречиях, за которыми стояли противоречия и конфликты социальные, политические и национальные.

Бесспорным достоинством общей главы раздела, а также и других глав является отчетливо выраженное в них намерение авторов отказаться от абстрактного схематизма в освещении литературы, увидеть литературу во всем многообразии ее конкретных проявлений и связей. Особое внимание при этом уделено тому новому, что принесли с собой в чешскую литературу последние десятилетия XIX в. (борьба за качественно по-

вые литературные ценности в 90-е годы, интенсивное развитие и автономизация критики, возникновение характерных для нового периода программных журналов и ряда серийных книжных изданий и т. д.). На наш взгляд, удачно раскрыты в книге смысл и значение споров о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, в ходе которых стремления к установлению истины сочетались с протестом против ложного патриотизма и авторитарности официальной буржуазной науки, печати и литературной критики. Успешной и методически новаторской представляется попытка освещения чешской литературы рассматриваемого периода в связи с мировым литературным развитием. Здесь наших читателей привлекут замечания о положительном влиянии русского романа на развитие реализма в Чехии. Особенно популярными у чехов были произведения Толстого и Достоевского, а из старшего поколения русских прозаиков — Гоголя, Тургенева и Гончарова. Правда, о взаимоотношениях чешской литературы с другими литературами мира в ряде случаев можно было бы сказать более полно. Вкладом в освещение чешской литературы конца века явились специальные параграфы, посвященные анализу многочисленных произведений, появившихся в рабочей печати, а также литературы для детей и молодежи. Эти вопросы в прошлом выпадали из поля зрения литературоведов. Важным и ценным представляется рассмотрение чешско-славянского литературного сближения в 80—90-е годы.

Последний раздел III тома (так же как и его общая обзорная глава) озаглавлен «Литература как отражение кризиса буржуазного общества». Чешская литература

конца XIX в., конечно, отражала кризис буржуазного общества. Но можно ли только в этом видеть ее общественно-эстетическую функцию? Достаточно вспомнить очерк Неруды «1 Мая 1890 года», стихотворение «Герой будущего» Чеха, а также «Первое мая» Махара, чтобы убедиться в том, что чешская литература того времени отражала не только кризисные явления буржуазного общества, но и позитивные стороны жизни трудовой части чешского народа. Ее лучшие представители раскрывали прогрессивные устремления масс, их борьбу за лучшее завтра. В этом смысле название раздела представляется не совсем точным.

Много внимания в общей главе раздела уделено деятельности так называемого «поколения 90-х годов», иными словами всему тому, что было тогда в литературе новым. Это можно понять, так как еще сравнительно недавно значение творчества молодых писателей того времени, в частности поэзии Махара и Совы, часто недооценивалось. Однако, как нам кажется, при этом все же не удалось избежать односторонности в освещении литературного процесса. Увлечение противопоставлением литературных поколений в какой-то мере помешало дифференцированному рассмотрению идейно-эстетических позиций писателей внутри поколений, привело к известной недооценке роли старшего поколения писателей-демократов в литературной жизни 90-х годов. Заметим, что тезис об «иллюзиях» и «вере», которые были присущи «предшественникам» «молодых писателей» (стр. 368), следовало бы раскрыть, дать развернутое социальное и философское определение взглядов писателей старшего поколения, как впрочем и младшего. Без этого читатель лишен возможности принять этот важный тезис, равно как и оспорить его.

Существенным представляется вопрос о периодизации. Если начало периода (середина 80-х годов) убедительно мотивировано в общей главе (стр. 359), то конечная граница третьего раздела, которым, кстати сказать, завершается и весь том, не вполне ясна. Вряд ли можно считать критерием для периодизации литературы наступление нового века. А если это не так, возникает вопрос — каковы критерии периодизации в данном случае? Почему такие поэты, как Безруч, Дык, рабочий поэт Мацек, тесно связанные с литературой 90-х годов, оказались оторванными от нее? Являются ли 900-е годы началом принципиально нового периода в развитии чешской литературы? Все это, на наш взгляд, было бы полезно объяснить.

Общие сведения о жанрах чешской литературы конца XIX в. содержатся в главах «Поэзия», «Проза», «Драма». Главы расположены в соответствии с тем значением, которое фактически имели

жанры (роды) в литературной жизни. В них подробно, насколько это позволил не очень большой объем, рассматриваются идейно-тематические линии, получившие развитие в том или ином из родов литературы. Несколько меньшее представление дают эти главы о своеобразии и специфике бытования в чешской литературе литературных видов. Одной из причин этого могло явиться композиционное построение посвященных поэзии, прозе и драме глав, не являющееся последовательно жанровым. Так, например, в главе «Поэзия» мы встречаемся с подглавками: «Поэтическое выражение национальной гордости и силы», «Конфликт поэта и буржуазного общества»; в главе «Проза» — «Проза как выражение разочарования в национальной жизни», в главе «Драма» — «Наступление реалистических тенденций» и т. д. Думается, что рассмотрение тематики и художественных качеств литературных произведений в пределах не только литературных родов, но и видов позволило бы дать более полное представление об удельном весе и месте тех или иных жанров в чешской литературе на грани XIX и XX веков. Однако, возможно, что при этом труднее было бы показать тематическое многообразие литературы.

В главах, посвященных поэзии и прозе, сказано, что расхождения между литературными поколениями в области прозы были не столь резкими и четкими, как в поэзии. Такое утверждение (стр. 414) подкрепляется фактами и соответствует действительности. В связи с этим возникает мысль, можно ли безоговорочно соглашаться с Шальдой, который писал: «Старое было давно дожито, умирало, уже умерло, но не опадало с ветвей жизни и мешало расцвету нового, которое не могло родиться» (стр. 364). Так ли все это было, как казалось Шальде, который в данном случае выступает не только как литературный историк, но и как бывший активный участник острой литературной борьбы? Да и возможно ли в развитии литературы, чтобы в течение нескольких лет все литературные богатства предшествующего периода решительно обесценились, а живая мысль живых, продолжавших здравствовать и творить, причем не одно десятилетие, больших поэтов, таких как Врхлицкий, Чех, Сладек, окончательно умерла? Напомним, что в 80—90-х годах Чех и Сладек создают свои лучшие, вершинные произведения. Не упрощают ли в какой-то мере литературный процесс те, кто склонен полностью согласиться с Шальдой? Но и соглашаясь с ним, по-видимому, надо объяснить, почему так непохожи были ситуации в поэзии и прозе. Ведь между поэзией и прозой нет непреодолимой глухой стены. Литература представляет собой нечто целое. По-видимому,

было бы несколько неосмотрительно делать заключение о ее характере, исходя из положения, сложившегося в одном, пусть ведущем и главном жанре (в данном случае поэзии). Поэтому для общей оценки литературы, очевидно, необходим тщательный сравнительный анализ состояния всех ее основных жанров, рассмотрение их не только в горизонтальных разрезах, но и по вертикалям развития. В противном случае возможны большие или меньшие смещения в трактовке исторических перспектив литературного развития. Нам кажется, что вопросы литературной преемственности, проблемы традиции и новаторства применительно к 90-м годам, в будущем еще не раз привлекут к себе внимание исследователей.

Монографические главы об отдельных писателях подкупают богатством материалов, новыми данными, помогающими более полно и правильно понять творческий облик того или иного из них. Особенно обстоятельно рассмотрены в этих главах творческие биографии писателей, дан анализ содержания и показано общественное значение их основных произведений. Жаль, что сравнительно мало места в монографических главах уделено художественному анализу, хотя элементы его и содержатся, в частности, в главах о Райсе и Сташке. Монографические главы, как нам кажется, выиграли бы, если бы их авторы более широко использовали возможности типологических сопоставлений. При этом ярче обо-

значилось бы своеобразие каждого из чешских писателей, о которых идет речь. Кроме того, при типологических сопоставлениях, видимо, можно было бы более полно и наглядно осветить вопросы преемственности и новаторства в творчестве отдельных писателей, например Махара и Сова. О первом, как преемнике Неруды и отчасти Чеха (см. замечания на стр. 505 и 508), и о втором, как продолжателе некоторых традиций Врхлицкого и Сладека (см. стр. 528) в соответствующих главах хотелось бы прочесть больше.

В целом знакомство с разделом третьего тома «Истории чешской литературы», посвященным последним десятилетиям XIX в., убеждает, что наши чешские коллеги, проведя значительную исследовательскую работу, сделали существенный шаг вперед в изучении этого сложного периода. Как всякое продвижение в науке, это не исключает возможности уточнений и пересмотров отдельных положений в будущем, возникновения иных аспектов рассмотрения литературных явлений и их развития, а может быть и рождения совсем новых проблем в изучении и освещении истории чешской литературы. Однако все, кто в дальнейшем будет заниматься изучением закономерностей ее развития в XIX в., так или иначе неизбежно обратятся к своим предшественникам, используют накопленный ими опыт. И в этом значение коллективного труда чешских товарищей, смысл проделанной ими большой и нелегкой работы.

Л. С. Кишкин

ИССЛЕДОВАНИЕ О БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ

В общественной и культурной жизни Болгарии тридцатые годы нынешнего столетия — это годы подъема революционного движения в стране, период бурного развития пролетарской и антифашистской литературы. Особую роль в это время играет боевой орган пролетарских писателей — газета «Работнически литературен фронт» («РЛФ»). Ни один литературовед, обращающийся к периоду 30-х годов, не может обойти молчаньем эту газету. И все же одно упоминание об «РЛФ» в ряду других революционных изданий тех лет или краткая его оценка с преимущественным вниманием к отрицательным сторонам, как это делалось еще недавно, не позволяют выявить подлинной роли этого органа печати в литературной и культурной жизни Болгарии первой половины тридцатых годов.

Болгарский литературовед В. Колевский поставил перед собой задачу дать исчерпывающий анализ всего пути этой газеты от ее первых номеров, выпшедших в декабре 1929 г., и до последних дней существования еженедельника — мая 1934 г., когда под нажимом реакции

газета была закрыта. В своей книге «„РЛФ“ — борец за партийную литературу»¹ В. Колевский подробно характеризует исторические условия, в которых создавалась и выходила газета (гл. «Литературный фронт рабочего класса»), раскрывает ее политическую и эстетическую программу (гл. «Литература — часть общепролетарского дела»), анализирует оригинальные художественные произведения на страницах газеты и материалы о советской культуре и литературе (главы «Творцы и пропагандисты нового искусства», «Советская литература в „РЛФ“»). Несомненное достоинство книги в том, что автор использовал сведения из личных бесед с сотрудниками газеты, ввел неизвестные архивные документы, которые позволяют полнее представить самоотверженную борьбу редакции и авторского коллектива газеты с фашистской цензурой, а также международные связи «РЛФ», особенно с Международной организацией револю-

¹ В. Колевски. «РЛФ» — борец за партийна литература. София, Изд-во на БАН, 1964.

ционных писателей в Москве. В приложении к книге автор дал значительное количество документов Центрального партийного архива, Государственной библиотеки «В. Колларов» и Библиотеки ЦК БКП (стр. 169—218).

Тщательный анализ всех разделов газеты с позиций сегодняшнего дня позволит В. Колевскому внести ряд поправок в общую оценку деятельности «РЛФ» и показать многие положительные стороны боевого органа печати. «РЛФ» на протяжении всего своего существования вела самоотверженную борьбу против реакции и фашизма; газета силачивала пролетарских поэтов, ц озаиков и художников, она сумела организовать широкую сеть рабочих корреспондентов, приняла самое активное участие в создании Союза борющихся писателей (Съезд на трудово-борческите писатели, 1932 г.). На страницах «РЛФ» пропагандировались произведения В. И. Ленина о культуре и литературе, публиковались такие материалы, как «Ленин — критик» (редакционная статья), «Учение Ленина о культуре» (А. Луначарский), «Ленин о культурной революции» (В. Карпинский) и др. В новой творческой обстановке, создаваемой и поддерживаемой газетой, рождались значительные произведения болгарской литературы, написанные с позиций социалистического реализма — роман К. Велкова «Село Борово», рассказы и повести Г. Караславова «На посту», «На два фронта», «Селькор», сборники стихотворений Х. Радевского «К партии», Н. Ланкова «Подъем», М. Исаева «Пожары», стихотворения К. Пенва, А. Тодорова и др. На страницах «РЛФ» систематически выступали такие крупные болгарские художники, как А. Жендов, С. Венев, И. Фунев; здесь же болгарские критики высоко оценили музыкальное дарование Л. Пипкова. Советским людям особенно дорого то, что в годы фашистской реакции, до установления дипломатических отношений Болгарии с Советским Союзом, газета была страстным поборником укрепления болгаро-советской дружбы и систематически знакомила своих читателей с произведениями М. Горького, В. Маяковского, А. Серафимовича, Д. Бедного, А. Фадеева, А. Безыменского, А. Жарова и многих других советских поэтов и прозаиков.

Отмечая положительные стороны в деятельности газеты, болгарский литературовед не замалчивает и тех серьезных недостатков, которые были ей присущи, и прежде всего левосектантских ошибок с упрощенной трактовкой проблемы партийности литературы, недооценкой революционного наследия 20-х годов, пренебрежительным отношением к современной демократической литературе.

Сложность и драматичность существования «РЛФ» заключалась в том, что газета стремилась проводить линию руководства

БКП, а оно в то время было сектантским, занималась сплочением рядов лишь пролетарских писателей, а историческая обстановка настоятельно выдвигала уже новые задачи, связанные с организацией широкого фронта антифашистской прогрессивной литературы.

Вся совокупность общественно-литературных и политических условий требует, таким образом, от исследователя исключительной точности в анализе конкретных явлений, тонкого диалектического подхода к ним. В ряде случаев автор приближается к этому, но далеко не всегда. В обобщающих формулировках и в оценках порой проскальзывает излишняя прямолинейность, что приводит автора совсем не к тем результатам, к которым он стремится.

Так, касаясь позиций газеты в целом, В. Колевский пишет: «От первого и до последнего номера „РЛФ“ записывает мысль, что литература есть часть общепролетарского дела. Борьба за коммунистическую партийность проходит под знаменем ленинизации идеологического и, в частности, литературного фронта у нас (стр. 43—44). В другом месте проводится та же мысль: «Именно „РЛФ“ в этот период имеет самую большую заслугу в утверждении в литературе и в сознании трудящихся проблемы партийности литературы, ее места и роли в классовой борьбе» (стр. 75). Наряду с такими положениями мы встречаем в той же главе и определения совсем иного характера. Оценивая программную статью «На более высокую ступень! Перелом в РеЛФ», автор приходит к выводу: «Порой под именем ленинизма проповеваются взгляды, насаждаются мнения, которые не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом и на деле оказывают прямо противоположное воздействие — т. е. мешают переходу на ленинские позиции» (стр. 58). И еще: «В этих и подобных им статьях и рецензиях лозунг „класс против класса“ действительно доведен до абсурда и вместо конкретного подхода к жизненным и литературным явлениям газета платила дань догматизму и сектантству» (стр. 68). Газета заняла ошибочную позицию и по отношению к прогрессивным писателям с демократическими тенденциями. Как справедливо отмечает автор, «„РЛФ“ целиком относил их в лагерь фашизма» (стр. 69).

Где же здесь ленинский подход к литературным явлениям? В каждой из приводимых цитат есть доля истины, но мысль высказана так прямолинейно, что создается впечатление явных противоречий. Этого можно было бы избежать, если бы анализ проблемы партийности давался более конкретно и не только на основании содержания газеты, а в сопоставлении с другими революционными изданиями тех лет, в сопоставлении с тра-

дичиями болгарской революционной печати 20-х годов. Тогда рельефнее бы выступили особенности данной газеты и то новое, что проявилось в ней в позитивном и негативном плане.

Неубедительной нам представляется и попытка автора выявить эволюцию в развитии газеты, которая якобы на первом этапе «допускает значительные ошибки сектантского и вульгарно-социологического характера», а затем «редакция удается преодолеть немало своих ошибок и увлечений» (стр. 220, 67, 72 и др.). О какой же эволюции взглядов в газете можно говорить, если сам автор приходит к таким выводам: «В начале „РЛФ“ указывает на поэзию Смирненского как на образец пролетарского искусства, а позднее в некоторых статьях Смирненской был низведен до уровня некоего конъюнктурно-тесняцкого поэта» (стр. 62); если в 1933 г. в статье о Благоеве «чувствуется левосектантское пренебрежительное отношение» (стр. 62); если газета не смогла должным образом оценить подвига Г. Димитрова во время Лейпцигского процесса (стр. 65); если, как пишет В. Колевский, «в течение всего периода выхода газеты редакция „РЛФ“ не сумела найти верный ленинский подход к творчеству некоторых крупнейших болгарских писателей критического реализма» (стр. 69). Стоило ли при наличии таких фактов ставить вопрос об эволюции?

Но будем осторожны в окончательных выводах. Посмотрим, что говорят о позициях газеты те, кто ее создавал. Вот сказывание Х. Радевского 1950 года: «В этой во многих отношениях сектантской, но боевой и темпераментной газете мы говорили о партийной литературе, о партийной поэзии»². В 1931 г. Т. Павлов пишет статью «И против ультралевизны», в которой осуждает ошибки ряда сотрудников «РЛФ». Публикуя ее в своих избранных произведениях в 1954 г., автор счел нужным сделать несколько дополнительных замечаний. В частности он пишет: «Факт, что товарищи Ив. Мешеков, А. Тодоров, Н. Ланков, Вл. Топенчаров, а также некоторые другие пролетарские

писатели, публицисты и литературные критики времени „РЛФ“, а некоторые из них и позднее, допускали при рассмотрении известных литературных и литературно-критических вопросов несомненные правые или левые заскоки и ошибки. Историк-марксист болгарской пролетарской революционной литературы не может и вообще не должен исказить или приукрашивать нашу литературную историю»³. С этой оценкой стоит полностью согласиться.

В большей степени В. Колевскому удалась главы, посвященные конкретному анализу художественных произведений на страницах «РЛФ» и материалам о советской литературе. Здесь проявилось чутье критика, умеющего подметить новые образы, интонации в развивающейся пролетарской литературе. Отдельные публицистические отступления показывают, насколько многие проблемы тех лет актуальны для сегодняшнего дня болгарской литературной жизни.

Хорошо продуман и систематизирован материал о советских писателях на страницах «РЛФ». В этой главе читатель найдет немало метких замечаний и сопоставлений. Раскрывая отношение к советской литературе пролетарской газеты и органа болгарской реакции газеты «Зора», мы непосредственно ощущаем острую идеологическую борьбу на литературном фронте и становимся как бы ее свидетелями. Использованная автором советская периодика 30-х годов и анализ материалов о советской литературе, опубликованных в «РЛФ», убедительно свидетельствуют о тесных связях, существовавших между болгарской пролетарской печатью и советской, позволяют выяснить как сильные, так и слабые стороны в освещении достижений советской литературы, обусловленные уровнем критической мысли тех лет. Эти два раздела, а также глава «Литературный фронт рабочего класса» в значительной степени и определяют научные достоинства книги В. Колевского, полезной для каждого исследователя болгарской литературы 30-х годов.

В. И. Злыднев

² Български писатели за литературата и литературния труд. Т. 2. София, 1964, стр. 271—272.

³ Т. П а л о в. За марксистическа естетика, литературна наука и критика. София, 1954, стр. 58.

VICE ZANINOVIĆ. *August Cesarec. I (Život i rad)*. Zagreb, Matica Hrvatska, 1964

ВИЦЕ ЗАНИНОВИЧ. *Август Цесарец. I (Жизнь и творчество)*

В Югославии вышла первая книга об Августе Цесарце. Необходимость появления синтетического труда о жизни и творчестве Цесарца назрела давно. Но реализовать ее было трудно, пока не были изданы произведения Августа Цесарца,

пока не были собраны хотя бы основные сведения о его жизни, борьбе, творчестве, не были найдены и изучены рукописи, письма, архивы. По существу 1963 год, год 70-летия писателя, можно считать началом глубокого научного исследования

жизни и творчества одного из лучших художников Югославии.

Виде Занинович, автор книги, о которой идет речь, давно интересуется Цесарцем. Его перу принадлежит ряд статей о разных периодах творчества писателя, предисловия к изданиям его произведений. Видимо, по мере изучения материала, по мере знакомства с обаятельной личностью Цесарца этот интерес перерос в потребность написать книгу о героической жизни этого человека. «Август Цесарец. Жизнь и творчество» — первая часть задуманной автором большой работы. Он сознательно отделил биографию и публицистическую деятельность Цесарца от его художественного творчества, считая, что так глубже можно осветить и моменты биографии и специальные эстетико-литературные вопросы.

Хотя в книге и нет открытой полемики, вся она полемична по отношению к точке зрения о возможности «чистого» анализа, т. е. изолированного анализа только художественного текста. В предисловии Занинович убежденно выражает свою точку зрения: «Наибольший интерес вызывает художественная сфера деятельности, и это будет главным предметом настоящего исследования. Между тем его (Цесарца.— Г. И.) художественное творчество невозможно совсем отделить и рассматривать изолированно от остальных сфер деятельности, особенно публицистики, так как они находятся в существенной связи, взаимопроникая и обогащая друг друга. Всякая же попытка рассматривать и оценивать Цесарца только на основании художественных произведений представляла бы опасность создать односторонний образ этого человека и его роли в нашем обществе» (стр. 5). И все же предложенный автором монографии принцип раздельного рассмотрения биографии и общественной деятельности и художественного творчества, по-моему, в какой-то мере невольная дань той точке зрения, с которой он сам полемизирует. И там, где он осуществляет этот принцип последовательно (главным образом во втором разделе книги), это неизбежно приводит к нарушению целостности образа писателя, к отрыву его революционной деятельности от публицистической.

Но перед нами книга такая, какая она есть, какой задумал ее автор. И она имеет несомненную ценность не только потому, что впервые систематизирует материал биографического и соответствующего историко-общественного характера. Она ценна своим научным, исследовательским пафосом, введением большого количества новых архивных документов, воспоминаний друзей и недругов Цесарца, материала произведений писателя, правда, использованных пока только в одном направлении — для подтверждения фактов био-

графии или общественной борьбы того времени. Необычайно содержателен, серьезен научный аппарат, составляющий почти половину всей книги. Он состоит из обширного комментария, библиографии произведений Цесарца и работ о нем, крупных и мелких, вплоть до полемических статей, написанных в разное время.

Наиболее документирован и глубоко освещен материал первого раздела книги — «Из дней молодости». Этот период, давно привлекавший внимание Заниновича (вспомним его статью «Mlada Hrvatska uobi i svjetskog rata»¹), описан более эмоционально и в то же время научно более аргументированно. Цесарец представлен в кругу своих друзей, и не только в совместной борьбе, но и в спорах с ними. Анализируются факторы, формировавшие мировоззрение будущего коммуниста, способствовавшие рождению писателя.

Следующий раздел — «В период между двумя войнами» суше и информативнее. Особенно остро ощущается недостаток сведений об участии Цесарца в литературных спорах, общественных кампаниях, в частности антифашистской борьбе в самой Югославии. Чаще всего названы те или иные журналы, в которых сотрудничал писатель, его статьи, посвященные самым различным вопросам общественной и культурной жизни, и произведения, написанные им в эти годы. Но остается не раскрытой та роль, какую играли эти журналы, значение и общественное звучание написанных им статей и художественных произведений. Это и создает ощущение одиночества Цесарца в общественной и литературной борьбе.

Из последней, завершающей главы «О личности Цесарца», главы, кстати сказать, очень тепло написанной, читатели узнают о том, что благодаря своей убежденности и бескомпромиссности Цесарец пользовался уважением в самых широких слоях демократической общественности. Даже его политические противники не скрывали подчас своего уважения к нему. Занинович приводит интересные факты, свидетельствующие об этом. По ним можно судить, какой резонанс имели и произведения Цесарца, и его публицистические выступления, и его мужественное поведение на суде, и, наконец, последние дни писателя и его смерть. А ведь введение подобного материала не только в заключительную главу, но и в предыдущие главы необычайно обогатило бы представление читателя о Цесарце-человеке, об общественном звучании его творчества.

Правда, следует оговориться, что многое из выказанного мною скорее пожелание, чем упрек. Ведь период между двумя войнами начал углубленно изучаться

¹ «Historijski zbornik». Zagreb, 1958—1959, XI—XII.

совсем недавно. И пока, кроме интересной, проблемной, но очень краткой и во многом спорной истории хорватской литературы этого времени Шиме Вучетича², синтетических работ больше нет. Очень немного монографических исследований и об отдельных писателях. Непропорциональность в освещении тех или иных периодов деятельности писателя в книге Заниновича объясняется различной степенью изученности литературного процесса тех лет, эстетической мысли, развивающейся в битвах и столкновениях не только между идейными противниками, но и единомышленниками по вопросам классовой борьбы и роли в ней пролетариата, а также слабой изученностью многих моментов из жизни самого Цесарца, скажем его пребывания в Советском Союзе (этот период на советских учениях). Так, периоду учебы в гимназии посвящено 15 страниц, а году издания «Пламена» (1919), первому году существования только что воз-

никшего Королевства сербов, хорватов и словенцев, столь важному в жизни Цесарца и его страны, и самому журналу «Пламен» — 5 страниц, трехлетнему пребыванию в Советском Союзе, в результате которого появилось несколько книг о нашей стране, — 5 страниц.

Сейчас Вице Занинович работает над второй и, пожалуй, более трудной частью монографии — анализом литературной деятельности Августа Цесарца. Творческая судьба Цесарца останется непонятной, если в той или иной мере не попытаться ответить на во многом еще спорные вопросы становления художественного метода в его творчестве, не проанализировать связь эстетической теории с практикой. Вторая часть, конечно, вызовет больше споров, чем первая, ибо сам материал, который будет в ее основе, заключает в себе массу дискуссионных или еще совсем не решенных наукой проблем. Но именно поэтому и ждать ее выхода будут с особым нетерпением.

² «Hrvatska književnost 1914—1941». Zagreb, 1960.

Г. Я. Ильина

ANTONIN MAČEK. *Stati o kultuře, umění a literatuře*, Praha, 1963

Антонин Мацек (1872—1923) — активный участник чешского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Чехословакии, поэт и деятель культуры. В сборник его избранных статей о культуре, искусстве и литературе вошли наиболее актуальные работы, не утратившие своего значения и в наши дни. Большинство из них написано в 10—20-е годы нашего века, когда в своем идейном развитии Мацек пришел к марксизму. В сборник входят статьи, посвященные общим культурно-политическим и эстетическим вопросам, а также конкретному рассмотрению и анализу творчества отдельных писателей и художников — чешских и зарубежных. Сборник содержит разделы: I — Культура и общество, II — Искусство и литература, III — Авторы и произведения. В статьях

Мацека уделено много внимания положению и развитию литературы и искусства в капиталистическом обществе. Автор задумывается над тем, каким будет искусство при социализме, каковы будут его задачи и облик в новой исторической обстановке. В своих статьях, посвященных прошлому и будущему, общему и конкретному, Мацек высказывает много мыслей, имеющих важное значение для современной марксистской эстетики и теории литературы. Знакомство с книгой Мацека обогатит представления читателя о становлении и утверждении принципов социалистической идейности в области культуры и искусства, о начальном этапе развития социалистической эстетики в Чехии.

Л. К.

КНИГА О БОЛГАРСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Книга А. Божкова «Болгарское изобразительное искусство»¹ ставит своей задачей познакомить читателя, в первую очередь зарубежного, с историей живописи, скульптуры и графики болгарского народа от древнейших времен до наших дней. Автор рассказывает о наиболее значительных и интересных памятниках искусства и их создателях, о событиях художественной жизни

и их значении в истории искусства Болгарии. В небольшой по объему книге, естественно, нельзя дать глубокого анализа тех или иных явлений в искусстве, поэтому автор показывает лишь национальную специфику художественной культуры страны на различных этапах ее истории, говорит о вкладе Болгарии в сокровищницу мировой художественной культуры.

Книга состоит из пяти глав-очерков, посвященных нескольким историческим эпохам в истории болгарского народа и его культуры. В первой главе («Зарождение нового искусства на Балканских

¹ Атанас Божков. Болгарское изобразительное искусство. Изд-во лит. на иностр. яз., София, 1964, 130 стр.

землях) автор рассказывает о памятниках, созданных древними фракийскими племенами, определяет их роль в дальнейшем развитии культуры на территории современной Болгарии. В главе говорится также о памятниках, возникших в период греческой колонизации Черноморского побережья (Несебр, Варна, Созополь). Автор уделяет особое внимание таким всемирно известным памятникам, как, например, Казанлыкская гробница с ее росписями, относящимися к произведениям античной греческой классики.

На фоне сложных и бурных исторических событий автор показывает пути формирования художественных традиций, определивших впоследствии особенности болгарского национального искусства. В противоположность некоторым буржуазным ученым, отрицавшим эту преемственность или сводившим ее к одностороннему влиянию, А. Божков подчеркивает, что взаимодействие культур следует рассматривать в процессе их взаимного обогащения.

В этой же главе автор рассказывает о монументальном строительстве Преслава и Плиски, их технических и художественных достоинствах, декоративном убранстве (мозаике, керамике) и высказывает предположение, что эти великолепные сооружения, поражающие многих современников своей роскошью и красотой, могли быть украшены и скульптурой. При этом автор излагает интересную гипотезу современной науки о месте скульптурных изображений в искусстве VIII—IX вв.

Другая важная проблема, затронутая автором в этой главе, — взаимоотношение болгарского и византийского элементов в искусстве. При рассмотрении этой проблемы, занимающей многих византологов, А. Божков солидаризируется с А. Грабарем в вопросе о соприкосновении искусства Первого Болгарского царства с искусством Ближнего Востока и при этом подчеркивает особое значение местного, народного влияния.

Большой интерес представляет и вторая глава книги — «Расцвет болгарского искусства в период Второго Болгарского царства (1186—1396)». В ней показаны значительные изменения, происшедшие в болгарской художественной культуре, различные тенденции ее развития в Юго-Западной, Македонской и других школах. Раскрыта роль местных национальных традиций, которые, по словам автора книги, «фильтровали» декоративный блеск и роскошь придворной живописи. Декоративная и иконографическая системы восточнокрестовых храмов в этот период окончательно становятся канонами. Им противостоят жизненные, грубоватые образы и характеры, почерпнутые в реальной действительности (росписи церковей Беренде, Земена).

А. Божков подробно останавливается на росписях Боянской церкви 1259 г. — прекрасном памятнике Тырновской школы, по праву занимающем почетное место в европейском искусстве.

В третьей главе, названной «Во мраке турецкого ига», А. Божков рассматривает болгарское искусство 1396—1878 г. Автор книги подчеркивает стойкость народных, национальных традиций, стремление народа на всем протяжении почти полувекового турецкого владычества сохранить свою культуру. Об этом свидетельствуют такие памятники XV—XVII вв., как Драгалевский и Кремиковский монастыри, росписи в Тырново (церковь Петра и Павла). Интересным в данной главе представляется стремление автора проследить сложный процесс проникновения различных влияний западного искусства в Болгарию.

Останавливаясь на эпохе Болгарского возрождения, автор книги раскрывает своеобразие болгарской культуры того времени, новый эстетический идеал, воплощенный в первых светских портретах и работах мастеров Тревенской, Самоковской, Банской и Дебрской школ. Он стремится найти ведущие формы выражения, порой скрытые внешним несходством, внутренний стимул, внутреннюю общность творчества художников, объяснить их особенности — и делает это, основываясь главным образом на жанре портрета. К сожалению, автор ничего не говорит о подлинно романтическом порыве, запечатленном во многих лучших портретах эпохи Болгарского возрождения, в которых выражена готовность к подвигу и революционный пафос.

Глава четвертая («В общем ритме художественной жизни Европы») посвящена искусству Болгарии конца XIX — начала XX вв. Уже само название главы раскрывает ее направленность и тенденцию автора — показать связь болгарского искусства, столь долго изолированного от европейской художественной культуры, с современным искусством других стран. Справедливо отмечая заслуги художников — реалистов нового поколения — И. Мырквики, А. Митова, Я. Вешина и И. Ангелова, автор книги говорит о их демократизме. Однако нам представляется, что следовало бы отметить и элементы критического реализма, которые характеризуют творчество этих художников. Огромный интерес к человеку, в первую очередь к болгарскому крестьянину, столь ярко отразившийся во всех видах и жанрах болгарской культуры того времени, явился определенной закономерностью в развитии искусства Болгарии. Творчество художников-гуманистов, последовательных реалистов сыграло важную роль в дальнейшем развитии искусства Болгарии, так же как и творчество

художников нового поколения, выступивших в первые два десятилетия XX в.

Не возражая против основных оценок творчества этих художников, хотелось бы высказать сожаление по поводу того, что в этой главе автор не говорит о причинах сложной, глубинной борьбы, происходившей в тот период во всей болгарской культуре. Противоречия в творчестве художников разных направлений, а порой и внутренние противоречия отдельных художников отражали углубляющийся кризис буржуазной культуры и появление новых сил в искусстве. В живописи, графике, скульптуре зазвучали новые темы, на сцену вышел новый герой — человек труда. Особенно очевидно эта тенденция прогрессивного искусства определялась в 30-е годы XX в. в творчестве И. Фунева, С. Согирова, А. Жендова, С. Венева, Б. Ангелушева, смело противопоставивших салонному и академическому буржуазному искусству метод социалистического реализма, из-за цензурных соображений замаскированный названием «новый художественный реализм». Характеризуя заслуги художников Болгарии предвоенного периода, А. Божков говорит о их «исключительной осведомленности по всем новым вопросам европейского искусства». Нам представляется важным подчеркнуть отмеченное автором книги национальное своеобразие творчества болгарских художников (в живописи, графике, скульптуре), его социально острую направленность. Значение болгарского искусства 30-х годов, как нам кажется, заключалось именно в этой единой страстной пролетарской направленности, выразившейся столь многогранно в творчестве художников Болгарии, воспевших

образ рабочего человека — нового героя искусства.

Последняя глава книги называется «Заглядывая в будущее». Это как бы попытка заглянуть в завтрашний день, наметить пути и перспективы развития болгарского искусства. В то же время это и итоги его развития за последние два десятилетия.

Продолжая лучшие традиции отечественного прогрессивного искусства, болгарские художники создали за это время ряд значительных произведений. О них прежде всего и пишет А. Божков. Он отмечает заслуги И. Петрова, С. Венева, Н. Петкова и целой группы молодых художников, не давая, однако, анализа истории болгарского искусства в этот сложный период. Мало говорит автор и о тех связях, которые характеризуют развитие художественной культуры социалистических стран в послевоенное двадцатилетие. Очевидно, автор и не стремился сделать эту часть своей работы столь же весомой и аргументированной, как первые главы его книги, ограничив себя лишь общей постановкой проблем.

Несомненное достоинство этой небольшой книги — ее историзм, стремление автора показать явления искусства в тесной связи с исторической средой.

Болгарское искусствоведение за последние годы обогатилось рядом новых книг об отечественном искусстве. Это главным образом — монографии, посвященные творчеству отдельных художников. А. Божков делает первую попытку необходимого обобщения этого материала, что поможет созданию в будущем фундаментальной истории болгарского искусства.

Е. П. Львова

НОВАЯ КНИГА О СМЕТАНЕ

В популярной серии Музгиза «Классика мировой музыкальной культуры» в 1963 г. вышла книга И. И. Мартынова «Бедрих Сметана». Автор не в первый раз обращается к популярному жанру; им уже написаны работы о ряде русских и западноевропейских композиторов. В новой книге Мартынов ставит своей задачей познакомить массового читателя с творчеством и жизнью великого чешского композитора, с общественной и культурной жизнью Чехии того периода.

Такой подход к теме — стремление показать творчество Сметаны в контексте общественного и культурного развития той эпохи — бесспорно более труден, но и более перспективен, а для работы популярного жанра — просто необходим. Игнорирование этой связи при анализе творчества мастера культуры, попытка искать объяснение различных моментов творчества лишь в сфере «чисто» профес-

сиональной, бесспорно, может только сузить оценку объективного вклада художника в национальную и мировую культуру, обеднить понимание роли его творчества. (Впрочем, не следует и абсолютизировать эту взаимосвязь.) К сожалению, в работах подобного жанра не всегда этот вопрос решается успешно — очень часто обстановка жизни и творчества фигурирует лишь как некий условный и к тому же эпизодический фон.

В рецензируемой книге автору в целом все же удалось, хотя и не всегда последовательно, избежать этого распространенного недостатка. Книга И. И. Мартынова не разделена, как это обычно бывает, на две части: жизнь и творчество. Такое деление в сущности искусственно, так как при музыковедческом анализе автору приходится возвращаться к материалу историко-биографической части, иначе невозможно говорить о творческих замыслах

композитора, об истории создания произведений. В этом отношении структура книги представляется удачной, музыкально-ведческий материал распределяется равномерно — а это важно для неподготовленного читателя. История жизни и творчества Сметаны — композитора, театрального деятеля и музыкального критика — развертывается перед читателем как единое целое, как органическая часть культурной жизни Чехии того времени.

Однако в своей работе И. И. Мартынов, к сожалению, не всегда последовательно выдерживает этот принцип. На наш взгляд, краткое изложение истории чешской музыки на трех-четырёх страницах введения явно недостаточно даже для самого общего знакомства. Автор мог бы обратиться к наиболее важным фактам из истории чешской музыки также и в основной части своей работы, — это дало бы возможность читателю увидеть, что Сметана был не первым представителем чешской музыкальной культуры, творчество которого вышло за национальные рамки, что на всем протяжении своей истории Чехия давала мировой музыке выдающихся мастеров, имена которых Мартыновым только упоминаются. Например, вклад Сметаны в развитие чешского симфонизма, по достоинству оцененный Мартыновым, можно было бы сопоставить с достижениями Яромержицкой и мангеймской симфонических школ. Говоря об оперном творчестве непосредственных предшественников Сметаны, следовало бы остановиться более подробно на операх не только Шкroupa, но и Кржижковского, Блока и других, сыгравших важную роль в формировании национальной оперной классики. Больше внимания автор уделяет последователям Сметаны, но все-таки неполностью использует богатый фактический материал.

Один из наиболее важных вопросов, к которому возвращается автор на протяжении всей монографии, — вопрос о вкладе Сметаны в мировую музыкальную культуру, о роли и значении славянской музыки. Сопоставляя творчество Сметаны и Шопена, автор отмечает то, что объединяет этих двух славянских композиторов. Ранние симфонические поэмы Сметаны «Ярл Гакон», «Лагерь Валленштейна», «Ричард III» И. И. Мартынов ставит в один ряд с лучшими образцами европейского симфонизма. Он отмечает определенную близость сметановских опер операм русской классики.

Весьма интересен материал, показывающий работу Сметаны в направлении, продолженном затем Япачком (связь чешского языка с музыкой). Автор показывает, в каких условиях создавались первые классические чешские оперы и как реагировали на них современники. Жаль, что остается неизвестным характер изменения постановок, ведь для нас важно не

только количество спектаклей, но и та эволюция, которую не могли не пережить эти оперы в процессе сценического воплощения. Приводится материал о постановке сметановских опер в России.

Автор отразил связь Сметаны с будительским движением. Однако думается, что читателя следовало бы более подробно ознакомить с зарождением этого движения, с борьбой будителей за национальную культуру, в частности за национальный театр, которому они придавали исключительное значение. Несколько странно, что не получила достаточного освещения революция 1848 г.; среди революционных обществ того времени упоминается только «Сворность», но ничего не говорится о «Чешском Рипиле» и «Славянской липе». Рассказывая о художественном клубе «Умелца беседа», автор мог бы привести особенно интересный для советского читателя материал о русско-чешских культурных связях. Известно, что почетными членами «Умелцкой беседы» были Тургенев, Некрасов, Толстой, Чайковский, Верещагин. Мартынов освещает деятельность хора «Глагол Пражский», которым одно время руководил Сметана; однако следовало бы показать и дальнейшую судьбу этого крупного центра музыкальной культуры Чехии, следовало бы более подробно рассказать о музыкально-общественных журналах, которые Мартыновым упоминаются только в связи с их реакцией на творчество Сметаны. Обращение к литературной жизни почти всегда сводится к простому перечислению фактов. Реже всего Мартынов обращается к изобразительному искусству, забывая даже упомянуть многих чешских художников — Пуркине, Навратила и др. Приводя сведения о музыкальных и литературных чешско-русских связях, автор не придает, к сожалению, необходимого значения этому интересному для нашего читателя материалу, помещая большую его часть в примечаниях. Непонятно, почему подробно описан неприятный и в общем не до конца ясный эпизод пребывания Балакирева в Праге, но упущена из виду его обширная корреспонденция с Каленским и Коларжем.

И. И. Мартынов, к сожалению, полностью использовал материал биографии Сметаны, а он представляет не только фактический интерес, но и дает возможность охарактеризовать культуру и быт Чехии того времени. Например, в главе о детских и юношеских годах композитора автор мог дать набросок музыкальной жизни Чехии первых десятилетий XIX в. Не упоминая о канторе Ф. Икавце, первом учителе Сметаны, Мартынов тем самым проходит мимо такой своеобразной и важной формы чешской музыкальной культуры, как деятельность канторов, хоровых регентов и дирижеров, в шпалличках которых хранились

старинные чешские песни, боевые гуситские гимны. Уделив больше внимания Прокшу, с которым Сметана занимался в Праге, Мартынов на примере его творческой и педагогической деятельности мог бы дать картину музыкальной пражской жизни. Интерес представляет гетеборгский период жизни Сметаны, которому автор уделил всего несколько страниц. Жаль, что он не воспользовался материалами известной книги «Сметана в Гетеборге» А. Крауса. Мартынов не избежал недостатка, общего для многих популярных работ, — не сумел живо представить облик Сметаны: некоторая канонизация и условность обедняют образ композитора. Видимо, этого не было бы, если бы Мартынов пользовался не только компилятивным и к тому же устаревшим источником «Сметана в письмах и воспоминаниях», на который он ссылается в общей сложности около 50 раз. Из поля его зрения выпала первая большая публикация писем композитора «Список писем

Сметаны» и другие работы, перечень которых можно найти в специальном издании Карлова университета. По поводу библиографии можно сказать, что она дает неверное представление о чешско-русских культурных связях. Можно подумать, что после недоброжелательного отзыва Кюи на «Проданную невесту» вплоть до статьи Соллертинского в 1937 г. русские музыковеды не обращались к творчеству Сметаны, что не соответствует действительности: достаточно вспомнить отклики на смерть композитора, на петербургскую постановку «Далибора» и другие статьи. Русская литература о Сметане гораздо более обширна, чем это может показаться читателю.

Значение работы И. Мартынова очевидно, хотя оно и могло бы быть большим, если бы автор шире использовал материалы из истории чешской культуры.

Л. А. Козырева

ДВЕ КНИГИ О БОЛГАРСКОЙ МИНИАТЮРЕ XIV ВЕКА

Недавно славяноведческая наука обогатилась двумя изданиями, посвященными болгарской миниатюре XIV в.¹ В этот период достигли высокого развития литература и искусство Болгарии (тырновская школа и др.). Расцвет болгарской культуры был прерван в 1393 г. смерчем турецкого завоевания. В последующие века турецкие завоеватели и греки-фанариоты варварски и нередко сознательно и планомерно уничтожали памятники болгарской культуры. Вот почему представляют большую ценность сохранившиеся памятники болгарской письменности и искусства этой эпохи, а издание их — всегда большое событие в науке.

Проф. И. Дуйчевым изданы и исследованы миниатюры Манасиевой хроники (летописи) по списку 1345 г. болгарского перевода всемирной хроники византийского хрониста XII в. Константина Манасии, хранящиеся ныне в Ватикане. По-видимому, болгарские художники, оформлявшие рукопись (а их И. Дуйчев насчитывает пять), ориентировались на какой-то лицевой византийский список. Однако переводчик и вслед за ним художники значительно восполнили греческий оригинал. Особое внимание ими было уделено событиям болгарской истории. В последующий период не только искусствоведы,

но и историки не раз обращались к замечательным миниатюрам Хроники, видя в них ценный исторический источник. Среди миниатюр рукописи встречаются изображения византийских императоров и болгарских царей (в том числе Ивана-Александра, в правление которого создана рукопись), сцены болгаро-византийских войн и похода Святослава в Болгарию, крещения болгар и руссов и т. д. Тем не менее, до сих пор миниатюры ватиканского списка полностью не издавались. В настоящем издании воспроизведены в цвете все 69 миниатюр Хроники. За подробным описанием миниатюр в книге следует их историко-художественный анализ, который автор проводит в связи с рассмотрением важнейших явлений болгарской культуры XIV в.

Другое издание — «Болгарская миниатюра XIV века» М. В. Щепкиной — представляет собой публикацию и исследование высокохудожественных миниатюр Псалтыри Томича. Как установлено М. В. Щепкиной, по водяным знакам бумаги рукопись была создана между 1356 и 1366 годами. Написанная, согласно лингвистическим данным, в Восточной Болгарии Псалтырь находилась затем в Румынии, на Афоне и, наконец, в Македонии, где она и была найдена в 1901 г. сербским славистом проф. С. Н. Томичем. В 1902 г. Томич продал рукопись Историческому музею в Москве.

М. В. Щепкиной произведен тщательный лингвистический и палеографический анализ рукописи и самым детальным и обстоятельным образом описаны и изучены ее орнамент и миниатюры. Для сопостав-

¹ Иван Дуйчев. Миниатюры на Манасиевата летопис. София, «Български художник», 1963; М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века. Исследование Псалтыри Томича. М., «Искусство», 1963.

ления автором привлечены многие греческие, сербские, грузинские, румынские и русские рукописи. Большой интерес представляют выводы автора о самостоятельном характере многих сторон оформления рукописи по сравнению с византийской художественной школой (особенности орнамента, инициалов, изображения одежд). Автор исследования приходит к выводу, что где-то в конце XVI — начале XVII в. в Молдавии миниатюры рукописи подверглись реставрации: были наведены контуры голов, подрисованы глаза и т. д. В связи с этим обстоятельством М. В. Щепкиной рассмотрен очень интересный во-

прос о распространении болгарских рукописей в Валахии и Молдавии и их влияния на искусство рукописи в этих странах.

Книга М. В. Щепкиной превосходно издана. Помимо фотографий издание содержит 68 таблиц (из них 8 в цвете), воспроизводящих миниатюры и орнамент драгоценной рукописи.

Книги И. Дуйчева и М. В. Щепкиной с большим интересом встречены историками, литературоведами и искусствоведами, всеми, кто интересуется культурой славянских народов.

А. И. Рогов

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК В ЧЕСТЬ ПРОФ. Т. ЛЕРА-СПЛАВИНСКОГО

В 1963 г. в Польше вышел в свет большой сборник научных работ¹, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности одного из крупнейших славистов нашего времени проф. Т. Лера-Сплавинского. В нем опубликована 71 статья ученых (в том числе коллег и учеников юбиляра) 14 стран — Польши, Болгарии, ГДР, Венгрии, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии, Франции и др.

В этом большом коллективном труде нашли отражение славистические проблемы, разработкой которых успешно занимался до последних дней жизни Т. Лера-Сплавинский. Сборник имеет следующие разделы: общее и индоевропейское языкознание, общеславянские и праславянские проблемы, древнецерковнославянский язык, южнославянские языки, восточнославянские и западнославянские языки. Большое место занимают исследования, посвященные польскому языку.

¹ *Studia linguistica in honorem Thad-daei Lehr-Splawinski*. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963, 512 s.

Они составляют приблизительно четвертую часть всей книги.

В тематическом отношении сборник очень разнообразен. Он включает статьи по фонетике и фонологии, акцентологии, морфологии, синтаксису, семантике, лексике, этимологии славянских языков. Ряд работ посвящен диалектологии, топонимике и антропонимике, языку памятников письменности, а также древнейшим связям славянских и неславянских языков. Наряду со статьями общего, теоретического характера, имеется много статей, посвященных частным, конкретным вопросам отдельных славянских языков.

Благодаря разнообразию тематики и интересному решению поставленных в статьях проблем, сборник представляет большой интерес для широкого круга лингвистов, занимающихся различными вопросами славянского языкознания.

В начале книги помещена полная библиография трудов Т. Лера-Сплавинского, опубликованных в 1951—1962 гг.

Л. И. Забавнова

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА Т. Г. ШЕВЧЕНКО

К 150-летию со дня рождения великого украинского поэта и революционера-демократа Т. Г. Шевченко Академия наук УССР издала «Словарь языка Шевченко»¹. Словарь составлен коллективом сотрудников Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР; в редактировании принимали участие В. С. Ващенко — ответственный редактор, К. П. Дорошенко, В. Г. Мариниченко, Т. К. Черторизская. В словарь включены все украинские слова основных текстов произ-

ведений Шевченко, различных вариантов и редакций этих произведений, а также его писем, написанных на украинском языке². Словарь отражает все богатство лексики поэта и семантико-стилистические особенности ее употребления. В нем можно также найти собственные имена и фамилии, географические названия, встречающиеся у Шевченко. В специальное «Дополнение» выделена украинская лексика произведений и писем поэта.

¹ «Словник мови Шевченка». Т. I. А — Н, XX + 484 стр.; т. II. О — Я, 556 стр., Київ, вид-во «Наукова думка», 1964.

² Составители использовали издание: Т. Шевченко. Повне зібрання творів. Друге, доп. і випр. видання. Т. 1—10, Київ, вид-во Академії наук УРСР, 1949—1963.

написанных по-русски. Эти слова даются в современной украинской орфографии. Основная часть «Словаря» содержит 9342 слова, «Дополнение» — 774 слова.

Слова располагаются в алфавитном порядке; все аффиксальные образования рассматриваются как самостоятельные лексические единицы. В словарной статье после заглавного слова указывается частота его употребления. Далее приводятся все значения и частота употребления слова в каждом из указанных значений, которые определены осторожно, без навязывания словам их современного толкования. Они иллюстрируются примерами из разных произведений. Иногда, если слово употребляется в общеизвестном значении и не имеет никакого своеобразия

в употреблении Шевченко, оно только иллюстрируется примерами без дефиниции самого значения. Вслед за этим указываются фразеологизмы и словосочетания. В конце статьи дается перечень всех грамматических форм данного слова, встречающихся у Шевченко. Ударение ставится только в омографах.

«Словарь языка Шевченко» дает ценный и систематизированный материал для изучения лексики украинского литературного языка середины XIX в. и для оценки роли Шевченко в формировании литературного языка. Появление этого «Словаря» — важное событие в культурной и научной жизни нашей страны.

В. В. Усачева

«Развитие мировой социалистической системы хозяйства и экономическое сотрудничество европейских социалистических стран — участник СЭВ»¹, 1964, 168 стр.

Названный выше библиографический указатель подготовлен Сектором европейских социалистических стран Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В. П. Волгина Академии наук СССР. В указателе приведено около 2 тысяч названий книг, брошюр, журнальных и газетных статей, справочных информации и т. п., опубликованных в 1957—1962 гг. в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, СССР и Чехословакии.

Детально продуманная структура указателя дает исследователям экономики и современного положения европейских социалистических государств (в том чис-

ле, разумеется, и славяноведам) самую широкую и разнообразную информацию.

Характер библиографического пособия, актуальность темы исследования заставляют желать, чтобы подобные издания появлялись и в дальнейшем. Указатель литературы по этой теме за последние годы отразил бы, в частности, содержание выпускаемого ФБОН АН СССР с недавнего времени бюллетеня новой литературы по общим проблемам европейских социалистических стран.

Составителями сознательно ограничены рамки отбора литературы; однако, на наш взгляд, было бы правомерно в этом издании указать литературу об экономических связях европейских социалистических стран с другими государствами. Перечень просмотренных периодических изданий СССР и других стран следовало бы отразить в специальном указателе.

В целом издание является ценным пособием для научных работников.

Е. В. Михайлов

¹ В подготовке издания принимали участие А. А. Амлеева, Т. В. Владиславлева, В. М. Жигунов, Г. К. Ифтинка, Е. М. Кан (главный редактор), К. И. Козырина, И. А. Межова, В. В. Носкова, Г. И. Павленко, и Л. А. Рожнова.

ВОПРОСЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

28 и 29 декабря 1964 г. состоялось общее собрание Отделения истории АН СССР, посвященное итогам научно-исследовательской работы институтов ОИ за 1964 г.

После вступительного слова академика-секретаря Е. М. Жукова, давшего краткую характеристику результатов работы советских историков в истекшем году, участники собрания заслушали доклады о работах по истории советского общества (М. П. Ким), по новейшей истории стран Востока (Б. Г. Гафуров), по истории раннего и развитого феодализма (З. В. Удальцова), по проблемам народно-демократических и социалистических революций и социалистического строительства в европейских странах народной демократии (И. А. Хренов).

В докладе председателя секции «Генезис и развитие феодализма» Научного совета по проблеме «Закономерности исторического развития общества и смены социально-экономических формаций» З. В. Удальцовой было, в частности, отмечено большое научное значение монографий В. Д. Королюка «Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв.» и Ю. В. Бромлея «Становление феодализма в Хорватии», которые вносят много нового в изучение социальных и политических отношений в славянских странах в раннефеодальную эпоху.

В монографии В. Д. Королюка наглядно показана беспочвенность утверждений реакционных буржуазных историков о существовании в феодальной Европе двух замкнутых сфер (германо-романской и греко-славянской). Большой теоретический интерес представляет поставленная Ю. В. Бромлеем проблема дефиниции отношений, существовавших в раннефеодальном хорватском обществе.

В докладе директора Института славяноведения АН СССР И. А. Хренова были подробно охарактеризованы исследования советских ученых в области изучения революционных преобразований и строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. И. А. Хре-

нов отметил, что работы по данной проблематике, подготовленные в предшествующие годы, носили в значительной мере научно-популярный, описательный характер. Переход к более глубокому исследованию проблематики европейских социалистических стран требует определенного времени ввиду необходимости решения источниковедческой базы, совершенствования методологии и некоторых организационных форм исследовательской работы.

Важное значение имеют обобщающие труды по истории отдельных европейских социалистических стран. Вышли в свет «История Румынии нового и новейшего времени», «Очерки истории Румынской Народной Республики», подготовлена «Краткая история Албании». Периоду социализма посвящены подготовленные Институтом славяноведения «Очерки истории Народной Польши».

Одновременно с этим велась столь необходимая для новых обобщений работа по углубленной разработке важнейших узловых проблем истории европейских социалистических стран. В частности, следует сказать о нескольких работах по проблеме национально-освободительной борьбы народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны, что тесно связано с раскрытием предпосылок народно-демократических революций, выяснением становления классовых сил во время революционной ситуации и т. д. В данной связи речь идет прежде всего о большой монографии сотрудника Института славяноведения Л. Б. Валева «Болгарский народ в борьбе против фашизма» (1964 г.), в которой подробно рассмотрены сдвиги в расстановке общественных и политических сил накануне и в первый период второй мировой войны и складывание внешнеполитических и внутренних предпосылок народно-демократической революции в Болгарии. По этой проблематике были также опубликованы статьи В. Д. Вознесенского (о заключительном этапе политического кризиса в Болгарии 1944 г.) и А. И. Не-

дорезова (об антифашистском освободительном движении в Чехословакии и Словацком восстании 1944 г.).

Недостаточно еще изучен вопрос о характере пародно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Как известно, в литературе по этому вопросу существуют две точки зрения. Большая часть советских исследователей считает, что пародно-демократическая революция представляет особый тип общедемократической революции, которая предшествует социалистической революции и перерастает в нее в ходе дальнейшего развития, тогда как, согласно другой точке зрения, народно-демократические революции с самого начала носили социалистический характер.

Первостепенное научное, теоретическое и политическое значение имеет изучение международных отношений нового типа, складывающихся между странами социалистического содружества. За истекший год по этой тематике, в частности, был подготовлен украинскими историками коллективный труд «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны».

Докладчик отметил также настоятельную необходимость разработки вопросов культурного строительства в европейских социалистических странах. Социалистическая культурная революция как составная часть социалистической перестройки общества почти не освещена в советской литературе. Правда, по проблемам социалистического реализма в литературах европейских стран народной демократии

в 1964 г. вышли в свет сборник статей «Развитие зарубежных славянских литератур в XX в.» и книга Д. Ф. Маркова «О социалистическом реализме (история и современность)», в которых исследуются актуальные, во многом еще не решенные вопросы соотношения социалистического реализма с другими художественными направлениями, проблема развития революционно-пролетарских литератур, а также проблемы коммунистической партийности, многообразия стилей и форм социалистического реализма в литературах славянских стран на современном этапе их развития.

И. А. Хренов остановился также на предварительных результатах проведенной в 1964 г. работы по проблемам народно-демократических и социалистических революций и строительства основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, разрабатываемым Институтом славяноведения совместно с другими научными учреждениями.

В заключение И. А. Хренов указал на необходимость сосредоточения усилий ученых на дальнейшем изучении проблем развития народно-демократических и социалистических революций, социалистического переустройства сельского хозяйства, развития государства и социалистической демократии, антифашистской борьбы в годы второй мировой войны и опыта коммунистических и рабочих партий по руководству социалистическим строительством.

Е. П. Наумов

В СЕКТОРЕ ИСТОРИИ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

Сектор истории стран народной демократии в 1964 г., как и в предшествующие годы, занимался изучением основных исторических закономерностей перехода к социализму и коммунизму, проблем революционного и национально-освободительного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Сотрудники сектора Л. Н. Нежинский, А. И. Пушкаш, Н. Д. Смирнова и А. А. Язькова ведут исследовательскую работу по проблеме «Народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

Сектор готовит к изданию двухтомный труд «Новейшая история международного рабочего движения (1917—1965 гг.)». Соответствующие разделы по истории рабочего движения в Югославии, Венгрии и Албании написаны сотрудниками сектора Ю. А. Писаревым, Н. Д. Смирновой и А. И. Пушкашем. Завершена работа над книгой по истории Румынии

в новое и новейшее время (вышла в свет в декабре 1964 г.). Готовится к изданию «Краткая история Албании». Сдана в печать книга И. Г. Сенкевич «Албания в период Восточного кризиса (1875—1881)». Сектором ведется подготовка коллективных двухтомных работ «История Венгрии» и «История Румынии», посвященных главным образом новейшей истории этих стран.

Вопросам истории народно-демократических революций и социалистического строительства в Венгрии посвящены монографии Л. Н. Нежинского «Очерк истории Венгерской Народной Республики (1949—1962 гг.)» и А. И. Пушкаша «Венгрия в годы второй мировой войны».

Революционное и национально-освободительное движение в Румынии, Австро-Венгрии, Албании и Греции будет освещено в монографиях Ю. А. Писарева «Освободительное движение югославянских народов в 1914—1918 гг.», В. Н. Вино-

градова «Румыния в годы первой мировой войны (1914—1918 гг.)», Г. Л. Арша «Греция в борьбе за независимость (последняя четверть XVIII — первая треть XIX вв.)».

В составе сектора работает группа по изучению современной буржуазной историографии. В 1964 г. в издательстве «Наука» вышла в свет монография сотрудника сектора В. П. Шушарина «Современная буржуазная историография древней Руси».

Сектор истории стран народной демократии принимал участие в общесоюзных и международных научных сессиях и конференциях. В августе 1964 г. проведе-

на научная конференция, посвященная 20-летию освобождения Румынии от фашистского гга. Весной 1964 г. на конференции в Будапеште, посвященной проблемам истории Австро-Венгерской монархии, выступали Ю. А. Писарев и К. Б. Виноградов («Международное положение Австро-Венгерской монархии в 1900—1918 гг.») и Т. М. Исламов («Из истории австро-венгерских отношений в начале XX в.»). Сотрудники сектора принимали также участие в работе научной конференции по проблемам западногерманского остфршунга, состоявшейся в июне 1964 г. в Москве.

Г. Н. Сапожникова

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН МГУ

Кафедра истории западных и южных славян исторического факультета МГУ занимается подготовкой специалистов по истории зарубежных славянских народов. Учебная программа кафедры предусматривает чтение общих и специальных курсов для студентов очного, вечернего и заочного отделений, специализирующихся в этой области. В последнее время введены новые предметы — «Славянская палеография» и «Архивоведение». Кафедра стала шире привлекать для чтения спецкурсов научных сотрудников Института славяноведения АН СССР, преподавателей кафедры славянских литератур МГУ, видных ученых зарубежных стран. В 1963 г. проф. С. Кеневич (Польша) прочитал спецкурс на тему: «Национально-освободительное движение в Польше в XIX в.». В 1964 г. проф. Г. Радойич (Югославия) прочитал на сербско-хорватском языке спецкурс «О югославянскорусских культурных связях с древнейших времен до начала XVIII в.».

Кафедра уделяет много внимания повышению уровня подготовки специалистов. Это находит свое отражение и в организации руководства дипломными работами студентов. В 1963—1964 гг. по специальности кафедры окончили обучение 54 чел. Из них по новейшей истории специализировалось 38 чел. Лучшими были дипломные работы: «Профсоюзное движение в Чехословакии в годы мирового экономического кризиса» (В. Пичулина), «Революционные преобразования в Югославии 1945—1948 гг.» (М. Коган), «Политическая платформа ПОРП в 1956—1959 гг.» (Н. Карасева) и «Участие профсоюзов в социально-экономических и политических преобразованиях в Болгарии 1944—1947 гг.» (В. Брайнс). По новой истории славянских стран специализировалось 12 чел. Отлично защитили дипломные работы Е. Андришин («Социализм и классовая борьба в трудах Благоева 1885—1900 гг.»), Е. Лившиц («Русский историк-славист П. А. Ровинский»),

Г. Фирсов («Сербия в период первой сербо-турецкой войны 1876 гг.»).

Вопросами славянского средневековья занималось 4 выпускника. Интересными оказались дипломные работы «Положение крестьян и политика польских господствующих классов в украинских землях (Волинском, Киевском и Брацлавском воеводствах) во второй половине XVI в.» (Ю. Косинский), «Восстание ходов 1693 г. в Чехии» (Л. Казанская). Некоторые из выпускников, проявившие интерес к научной работе и написавшие отличные дипломные работы, были рекомендованы в аспирантуру.

В течение нескольких лет при кафедре работает Научное студенческое общество (руководители доценты И. М. Белявская и И. Д. Очак). В нем участвует значительная часть студентов всех курсов, специализирующихся по истории зарубежных славян. Итоги работы НСО подводятся на научных конференциях. В марте-апреле 1963 г. была проведена конференция, посвященная связям народов СССР с зарубежными славянскими народами, на которой было заслушано и обсуждено 6 докладов.

Весной 1964 г. состоялась вторая конференция. Она была посвящена столицам славянских стран. Эта тема заинтересовала многих студентов. Наиболее интересными были доклады: «История Белграда» (А. Макаров), «Архитектура Софий» (Т. Саныкова), «Старая Варшава» (Э. Жук), «Культурные памятники и архитектура Праги» (Н. Ефимова и О. Гульцова) и другие.

Одной из важных задач кафедры является подготовка научных работников в области славяноведения. В настоящее время на кафедре обучается 6 аспирантов. Их диссертации посвящены различным вопросам: рабочему движению в Польше и Болгарии в годы мирового экономического кризиса 1929—1934 гг. (В. И. Карпов и Н. К. Боголюбова), внешней политике Польши накануне второй мировой войны

(В. М. Жигунов), развитию сельского хозяйства в Польше на современном этапе (Ю. А. Поляков), проблемам славянского средневековья — «Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве» (Л. В. Горина) и «Экономические связи между Чехией и Литовско-Русским государством в XIV — XV вв.» (Н. А. Соболева).

Большое внимание уделяет кафедра подготовке учебных пособий и программ, монографических исследований. Преподавателями кафедры написаны главы по историографии Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии для учебника «Историография нового времени стран Европы и Латинской Америки», подготовленного кафедрой новой и новейшей истории МГУ. Продолжается работа над новым учебником по истории западных и южных славян для вузов страны. В этой работе участвуют сотрудники Института славяноведения АН СССР и преподаватели других вузов. Кафедра подготовила новую программу по истории западных и южных славян и методические указания по этому курсу. В 1963—1964 гг. была закончена работа над сборником статей «Славянская историография».

Ведутся монографические исследования по проблематике феодализма, культурных и революционных связей народов СССР с зарубежными славянскими народами, рабочего и национально-освободительного движения.

Сотрудники кафедры принимали участие в научных конференциях. На втором совещании историков-славистов высших учебных заведений, состоявшемся в октябре 1963 г. в Киеве, выступили заведующий кафедрой и председатель координационной комиссии по истории зарубежных славян доц. И. А. Воронков и член комиссии доц. И. М. Белявская с сообщением «О выполнении решения Московского совещания историков-славистов и перспективах научной и научно-методической работы по истории южных и западных славян на 1963—1970 гг.». На этом совещании были сделаны научные доклады

доцентами кафедры И. Д. Очаком, Б. М. Руколь, Л. П. Лаптевой и В. Г. Карасевым.

В работе симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, проходившего в сентябре 1963 г. в Вильнюсе, приняла участие Л. П. Лаптева, выступившая с докладом «О крестьянском движении в Чехии в XVI в.». В октябре 1964 г. на второй конференции историков-славистов пединститутов в Великих Луках прочитали доклады И. М. Белявская («Некоторые вопросы новой и новейшей истории Польши в современной советской историографии») и И. Д. Очак («Участие югославян в партизанском движении в СССР в годы второй мировой войны»). На VI Украинской славистической конференции в Черновцах с докладами выступили В. Г. Карасев («I Интернационал и революционное движение в сербских землях») и И. А. Воронков («Восстание 1830—1831 гг. в Белоруссии»).

В 1963—1964 гг. кафедра обсудила ряд монографий, диссертаций и статей, подготовленных в Институте славяноведения и высших учебных заведениях.

За последние годы значительно расширились связи кафедры с историками зарубежных стран. В 1963—1964 гг. были в научных командировках в Польше И. А. Воронков, в Югославии В. Г. Карасев, в Чехословакии Л. П. Лаптева. В то же время на кафедре истории западных и южных славян побывали зарубежные ученые: профессора Ю. Дуткевич, Ж. Корманова, Г. Миссалова, Хр. Христов и другие. Целью их приезда было знакомство с работой кафедры, обмен мнениями по вопросам новейших достижений в области славяноведения, работа в советских архивах, библиотеках и музеях, чтение спецкурсов и научных докладов.

Взаимные консультации, знакомство с состоянием исторической науки способствуют расширению и углублению научной и педагогической работы кафедры.

Н. К. Боголюбова

ШЕСТАЯ УКРАИНСКАЯ СЛАВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

13—18 октября 1964 г. в Черновцах состоялась VI Украинская славистическая конференция. Она была организована Министерством высшего и среднего специального образования УССР, Черновицким государственным университетом и Украинским комитетом славистов при президиуме АН УССР. Славистические конференции на Украине проводятся с 1958 г. при университетах — в Киеве, Львове, Харькове, Одессе, Ужгороде. Черновицкая конференция по

сравнению с другими имела свою специфику.

Конференция была весьма представительной. В ней участвовало 162 человека (в Харькове в 1960 г. — около 70, в Одессе в 1961 г. — около 95) — работники университетов (99), академий наук (43), пединститутов (11) и других учреждений (7). 140 человек представляли Украину (Киев, Черновцы, Львов, Одессу, Харьков, Ужгород, Запорожье, Дрогобыч, Каменец-Подольский, Днепро-

петровск, Нежин, Могилев-Подольский), 31 участник прибыл из других республик.

Конференцию вступительным словом открыл секретарь Черновицкого обкома КП Украины А. С. Григоренко. В докладе секретаря Черновицкого обкома КПУ В. М. Курило была освещена борьба КПСС за единство международного коммунистического движения. В. Г. Карасев (Московский ун-т) прочитал доклад «Интернационал и южные славяне». В. А. Жебокрицкий (Киевский ун-т) охарактеризовал достижения в области изучения истории славян на Украине и перспективы исследования этой проблемы. В докладе А. В. Чичерина (Львовский ун-т) «Проблема соответствий в развитии славянских и неславянских литератур» высказывалась мысль, что создание марксистского истории мировой литературы должны предшествовать многочисленным открытиям типологических соответствий в развитии отдельных славянских и неславянских литератур.

Дальнейшая работа конференции проходила в 4 секциях и 8 подсекциях. Языковедческая секция (руководитель С. П. Самийленко) имела две подсекции: лексика (руководитель Л. Л. Гумецкая) и грамматики (руководитель И. И. Ковалык). Лексикологи основное внимание уделили языковым взаимосвязям. Эта проблема освещалась в докладе А. Т. Борца (Кишиневский ун-т) «К вопросу о двуязычии (на материалах взаимодействия восточнороманских и славянских языков)», А. И. Журавского (Ин-т языкознания АН БССР) «Особенности исторического взаимодействия церковнославянского и белорусского языков» и сотрудников того же института И. И. Кремко, Е. К. Юревич и Е. И. Янович «Проблема двуязычия в белорусском языке».

Об украинско-славянских языковых связях говорилось в докладе Л. Л. Гумецкой (Ин-т общественных наук при Львовском ун-те) «Вопросы украинско-белорусских языковых связей древней эпохи» и в сообщении Д. В. Коваля (Черновицкий ун-т) «Лексические связи украинского языка с другими славянскими». На уровне диалектов рассматривали языковые взаимодействия — в генетическом плане Г. Ф. Шило (Дрогобычский пединститут) в докладе «Украинско-белорусские языковые параллели», а в плане контактологическом — В. И. Столбунова (Черновицкий ун-т) в докладе «О взаимодействии близкородственных говоров. Наблюдения над живым языком буковинцев» и П. Н. Лизанец (Ужгородский ун-т) в докладе «К вопросу о мадьяризмах в лемковском говоре».

Группа участников конференции обратилась к вопросам истории славянских языков. П. П. Плющ (Киевский ун-т) в своем докладе стремился привлечь вни-

мание советских, польских и чешских языковедов к совместному изучению жемчужины древней украинской культуры — Пересопницкого евангелия. М. Ф. Станьковский (Черновицкий ун-т), анализируя отражение староукраинского и среднеболгарского влияния в языке славяно-молдавских грамот, показал, как оценка лингвистических фактов в грамотах должна согласовываться с вопросом о происхождении дипломатических компонентов формуляра. В. Ю. Франчук говорил об отражении второго южнорусского влияния в «Задонщине», И. М. Железняк — о становлении литературного языка в Далмации XVII—XVIII вв., А. О. Багмут — о языке графитты Киевской Руси (все три докладчика из Ин-та языкознания АН УССР), Е. И. Кедайтене (Вильнюсский ун-т) — об особенностях украинского и белорусского языков в «Диарнуше» О. Филиповича, В. М. Лесин (Черновицкий ун-т) рассмотрел отношение языка произведений В. Стефанька к украинскому литературному языку. Положение докладчика о том, что Стефаньк писал литературным языком, вызвало живое обсуждение и в основном было поддержано.

Конкретным вопросам ономастики были посвящены выступления Ю. А. Карпенко (Черновицкий ун-т) «Развитие словообразования гуцульской топонимики Буковины», З. Ф. Пенюк (Черновицкий ун-т) «Топонимы славянского происхождения в румынских селах Закарпатья», С. П. Бевзенко (Одесский ун-т) «Словообразовательные типы украинских фамилий Среднего Приднестровья в XVII в.», Н. В. Бирилло (Ин-т языкознания АН БССР) «Субъективно-оценочные формы белорусских мужских имен в XVI—XVII вв.» и П. П. Чучки (Ужгородский ун-т) «Славянское и неславянское в зоонимии Закарпатья». К. К. Целуйко (Ин-т языкознания АН УССР) в докладе «Топонимика как источник исследования языковых контактов» связал в теоретическом плане ономастическую проблематику с основной проблемой конференции — межнациональными отношениями.

На вопросах терминологии остановились представители Одесского ун-та А. К. Смольская («Общеславянские модели сложных существительных в русской и польской технической терминологии») и Н. А. Москаленко («Современная синтаксическая восточнославянская и болгарская терминология»).

Грамматисты рассматривали словообразование, морфологию и синтаксис славянских языков. С. П. Самийленко (Запорожский пединститут) дал обзор славянских суплетивов, охарактеризовав основные их типы, исторические изменения в их составе, употребление и строе. Тесно связанными по проблематике были доклад И. И. Ковалика (Львовский ун-т)

«Особенности именного словообразования сербодунайских языков» и сообщения В. П. Андела (Львовский ун-т) «Словообразование экспрессивных абстрактных существительных в чешском языке», А. Д. Зверева (Черновицкий ун-т) «Словообразование прилагательных в восточнославянских языках» и А. Е. Супруна (Киргизский ун-т) «Словообразование славянских числительных».

О морфологической омонимии в украинском и других славянских языках говорил П. Д. Тимошенко (Киевский ун-т). Ю. О. Скиба рассматривал проблему анализа в русском языке в связи с тремя этапами в развитии русских предлогов. В сообщении Н. В. Коссека (Одесский ун-т) предлоги пространственного значения в современном болгарском языке были описаны в виде системы корреляций.

Синтаксису восточнославянских языков посвятили свои выступления И. И. Слышко (Черновицкий ун-т) «История беспредложно-пространственных оборотов украинского языка сравнительно с другими славянскими», Я. А. Спринчак (Нежинский пединститут) «Сравнительно-историческое изучение придаточных предложений в восточнославянских языках» и Л. М. Лосева (Черновицкий ун-т) «К изучению структуры морфологической речи в восточнославянских языках». «Стойкие сочетания прилагательных с определяемыми существительными в славянских языках» — тема сообщения Л. Ф. Коваленко (Днепропетровский ун-т).

Литературоведческая секция (руководитель А. В. Чичерин) занималась проблемой сравнительно-исторического изучения литератур. На совместном заседании литературоведческой, языковедческой и фольклорно-искусствоведческой секций был заслушан доклад Н. И. Толстого (Ин-т славяноведения АН СССР) «Влияние украинской словесной культуры на южнославянскую в XVII—XVIII веках». Используя огромный фактический материал, Н. И. Толстой показал, что в XVII—XVIII вв. украинская словесная культура, играя роль связующего звена между культурами восточных и южных славян, а также и валахо-молдаван, служила нередко образцом для литературных памятников и норм литературного языка этих народов. Докладчик пришел к выводу, что украинская культура в эту эпоху пользовалась авторитетом не только в ареале «греко-славянского мира», но и в Риме и в кругу далматинских глаголитов.

На конкретном историко-литературном материале межславянские литературные взаимоотношения рассматривались в докладах Б. А. Шайкевича (Одесский ун-т) «Лермонтов и болгарская поэзия XIX в.», Л. Н. Чернеца (Черно-

вицкий ун-т) «Шевченко и белорусская литература», С. И. Козака (Варшавский ун-т) «Анонимная драма „Украинка“ (1860) и вопросы польско-украинских взаимоотношений», Л. С. Кипкина (Ин-т славяноведения АН СССР) «И. Сладек — поборник межславянского литературного сотрудничества», Л. И. Мищенко (Львовский ун-т) «Л. Украинка и польская литература», С. И. Бэлзы (Московский ун-т) «Брюсов и Польша», В. И. Шевчука (Ин-т литературы АН УССР) «Украинская тема в творчестве Гашека», В. А. Захаржевской (Ин-т литературы АН УССР) «Л. Стоянов и украинская литература». В. И. Злыднев (Ин-т славяноведения АН СССР) систематизировал и теоретически осмыслил большой историко-литературный материал в докладе «Роль русско-болгарских связей в развитии социального реализма в болгарской литературе».

Несколько сообщений было посвящено сравнительной стилистике. С. И. Дегтярь (Черновицкий ун-т) говорил о трансформации образного слова в украинских переводных с польского повестях XVII—XVIII вв., Р. А. Карабанов (Одесский ун-т) рассказал о своих поисках объективных стилистических критериев временной атрибуции (на материале восточнославянского бурлеска). Об изучении переводов сообщили И. В. Глинский (Могилев-Подольская средняя школа № 1) «Первый польский перевод „Гайдамаков“ Шевченко», О. С. Юрченко (Харьковский ун-т) «Украинские переводы баллады Мицкевича „Возвращение отца“», М. Д. Родько (Ин-т общественных наук при Львовском ун-те) «Переводы Блока на Западной Украине».

Доклады о славяно-неславянских литературных взаимодействиях были представлены Н. К. Гудзимом (Московский ун-т) «О национальном приурочении древнерусских церковных поучений», Ф. И. Стекловой (Казахский ун-т) «Польский роман Г. Зелинский и его поэма „Казах“», М. Я. Гольдбергом (Дрогобычский пединститут) и Е. М. Манделем (Саратовский пединститут) «Из наблюдений над сюжетом о Бедном Генрихе (к истории славяно-германских литературных взаимоотношений)», Н. А. Томащук (Черновицкий ун-т) и Э. Н. Панчуком (Черновицкий музей им. О. Кобылянской) «Значение немецкой литературы в становлении Кобылянской как писательницы», О. П. Гулёй (Черновицкий ун-т) «Кобылянская и Келлер». Вопросы связей восточнославянских и восточнороманских литератур привлекли внимание Ю. А. Кожевникова (Ин-т мировой литературы АН СССР) «Румынские очерки „Короленко“», И. К. Вартычана и П. Х. Савки (Ин-т языка и литературы АН МССР) «Образ Котовского в украинской и молдавской поэзии», Ш. П. Са-

довника (Черновицкий ун-т) «Любовь Яровая» и образ женщины в румынской историко-революционной драме».

Третья группа докладов была посвящена типологии славянских и неславянских литератур. А. Р. Волков (Черновицкий ун-т) говорил об интернациональных и зональных типологических закономерностях в развитии и новаторстве социалистического реализма. Рассматривалась типологическая параллель драматургии Маяковского, Вишневского, Брехта, Вишни, Незвала и Хикмета. Е. З. Цыбенко (Московский ун-т) показала, что близость «Куклы» Пруса к романам Бальзака, Диккенса, Золя, Гончарова следует объяснять не на основе методологии компаративизма, а путем установления историко-типологических аналогий. Тем же путем пошли Г. А. Нудьга (Ин-т общественных наук при Львовском ун-те) — «Славянские и немецкие параллели к балладе Шевченко „Лилея“», самая молодая участница конференции А. Г. Грекова (Черновицкий ун-т) — «Типологическое сопоставление драматургии Нушича и Караджале», М. Г. Соколянский (Одесский ун-т) — «К. Чапек и Б. Шоу».

Светлой памяти М. Т. Рыльского были посвящены доклады К. Н. Григоряна (Ин-т русской литературы АН СССР) и П. Ю. Данилко (Одесский ун-т). К. Н. Григорян, рассматривая переводы Рыльского из Исаакяна, анализировал замечательное мастерство переводчика и говорил о его ценнейшем вкладе в теорию перевода. П. Ю. Данилко рассматривал тему славянского единения в поэзии Рыльского как великую Шевченковскую традицию. К сожалению, не состоялся доклад Ф. М. Неборячка (Львовский ун-т) «Рыльский и польская литература».

Фольклорно-искусствоведческая секция (руководитель А. И. Дей) имела подсекцию фольклора и подсекцию этнографии и искусствоведения. Подсекция фольклора (руководитель В. К. Соколова) в основном занималась типологическим и контактологическим сопоставлением творчества славянских народов и фольклорно-литературным взаимоотношением. В. К. Соколова (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Антифеодальные предания и песни славянских народов» проследила типологическое развитие в фольклоре разных славянских народов образов «идеального» государя и «благородного» разбойника.

Несколько докладчиков остановилось на балладно-песенном фольклоре Карпатского региона. П. В. Линтур (Ужгородский ун-т) пришел к выводу, что жанр славянской баллады возник во времена славянской общности на территории между Карпатами, Вислой и Днестром. М. М. Гайдай (Ин-т искусствоведения,

фольклора и этнографии АН УССР) сопоставлял западнославянские и украинские песни о турецком полоне. Ю. Д. Туряниця (Ужгородский ун-т) остановился на идейно-тематической общности украинских, словацких и венгерских песен о солдатчине. На материале украинской, словацкой и чешской песенности XX столетия освещал проблему новаторства в фольклоре В. М. Скрипка (ИИФЭ АН УССР).

Сопоставительному изучению сказок посвятили выступления Н. В. Новиков (Ин-т русской литературы АН СССР) «Художественные образы восточнославянской волшебной сказки» и А. М. Нордвинцев (ИИФЭ АН УССР) «О сравнительном изучении антирелигиозных славянских сказок». О различных формах бытования украинских песен в русских селах Воронежской области шла речь в сообщении Я. И. Гудопишкова (Воронежский ун-т). М. С. Шумада (ИИФЭ АН УССР) сделала сообщение «Малые песенные жанры славянского фольклора».

Заседание, посвященное межнациональным фольклорно-литературным взаимосвязям, открылось докладом акад. М. П. Алексеева (прочитанным В. К. Зайцевым) «Чешский фольклорный мотив в английской повести XVI в.». Г. С. Сухобрус (ИИФЭ АН УССР) сделала сообщение на тему «Эрбен и славянская сказка». А. И. Дей (ИИФЭ АН УССР) связал обзор украинских и белорусских фольклорных вариантов песен про Беду с изучением литературных обработок этих вариантов и проблемой фольклорных жанров.

Фольклорные истоки литературных произведений рассматривались и группой учеников покойного профессора ЧГУ Р. М. Волкова. Я. И. Пащук (Черновицкий ун-т) говорил об идейно-художественном своеобразии сказок Перро «Заколдованная красавица» и Жуковского «Спящая царевна». А. И. Карпенко (Киевский ун-т) показал, что тематически идейно и стилистически исторические повести Гоголя опираются, наряду с народной песней, на историческое предание. К. Ф. Попович (Ин-т языка и литературы АН МССР) установил русские и украинские истоки сказки Иона Крянге «Иван Торбшка». О фольклорно-литературных взаимосвязях говорили также Р. Ф. Кирчив (Ин-т общественных наук при Львовском ун-те) «Малоизвестный польский переводчик украинской песни Т. К. Шивец (1824—1849)» и И. Д. Газер (Львовский ун-т) «Украинская фольклорная основа рассказа И. Бунина „На край света“».

На подсекции этнографии и искусствоведения (руководитель А. Р. Мазуркевич) большая часть докладов была посвящена театру — народному и профессиональному. О восточнославянской

народной драме шла речь в выступлениях Н. Н. Велецкой (Ин-т этнографии АН СССР) «Принципы русской народной драмы» и П. Т. Маркушевского (Одесский ун-т) «Исследование Р. М. Волкова „Народная драма „Царь Максимилиан“ и новые записи „Трона“».

О. П. Гуля и З. А. Ивашкевич (Черновицкий ун-т) рассказали о выступлениях в XIX—XX вв. на буковинской сцене выдающихся немецких, австрийских, албанских, румынских, польских и русских артистов. Украинская постановка драмы хорватского писателя Войновича «Эквиноццио» — тема сообщения Р. Я. Быльпчука (ИИФЭ АН УССР). Б. Я. Барская (Одесский ун-т) рассмотрела сценическую историю драматургии К. Чапека на советской сцене.

В докладе Т. П. Булат (ИИФЭ АН УССР), сопровождавшемся интересными музыкальными иллюстрациями, говорилось о многообразной разработке славянской темы в творчестве украинских советских композиторов. И. П. Середюк (Черновицкий ун-т) привел малоизвестные факты деятельности на Буковине чешского зодчего И. Главки, создателя ценного архитектурного ансамбля — бывшей резиденции буковинских митрополитов, ныне помещения ЧГУ. С. В. Дубенко (ИИФЭ АН УССР) рассказал об успехе советской «киношечки» на зарубежных экранах.

Несколько докладчиков коснулись вопросов этногенеза и этнографии. И. С. Винокур (Каменец-Подольский пединститут) говорил о памятниках эпохи «Великого переселения народов» на территории юго-запада Правобережья Украины и некоторых вопросах этногенеза восточных славян. А. Я. Порицкий (ИИФЭ АН УССР) охарактеризовал состояние и задачи исследования народной культуры Украинских Карпат в связи с изучением карпатской историко-этнографической общности. В. П. Петров (Ин-т археологии АН УССР) объяснял названия славянских божеств путем сравнения с лексикой балтийских народов.

Историческая секция (руководитель В. А. Жебокрицкий) имела две подсекции — истории славян дооктябрьского периода (руководитель Ф. П. Шевченко) и истории славян послеоктябрьского периода (руководитель В. И. Клоков).

По истории славян дооктябрьского периода были заслушаны доклады и сообщения: А. И. Озолина (Саратовский ун-т) «К вопросу о происхождении четырех Пражских статей», Н. С. Ращбы (Харьковский библиотечный ин-т) «Польско-турецкие отношения и турецкая агрессия против Венгрии в XVI ст.», П. В. Михайлины (Черновицкий ун-т) «Борьба населения западноукраинских городов против шляхетской Польши на начальном этапе освободительной войны

украинского народа (1648 г.)», В. Г. Карасева (Московский ун-т) «Живой Жуевич как идеолог освободительной борьбы зарубежных славянских народов в 60-х гг. XIX ст.», В. П. Чорния (Львовский ун-т) «Русско-украинско-болгарские революционные связи третьей четверти XIX в.», И. М. Теодоровича (Черновицкий ун-т) «Попытка центральных государств спровоцировать восстание в Королевстве Польском в начале первой мировой войны».

Большой интерес вызвал доклад Ф. П. Шевченко (Ин-т истории АН УССР) «Страницы украинско-черногорских связей в XVIII ст.». Используя большое количество источников, докладчик раскрыл картину экономических, политических и культурных связей между Украиной и Черногорией в XVIII ст. И. А. Воронков (Московский ун-т) подробно остановился на истории восстания 1831 г. в восточной и центральной части Белоруссии. И. И. Билякевич (Львовский ун-т), используя новые архивные материалы и воспоминания современников, привел интересные факты об участии польских революционных и прогрессивных деятелей в организации переезда Ленина из Западной Галиции в Швейцарию в 1914 г.

По истории славян послеоктябрьского периода были прочитаны следующие доклады и сообщения: П. М. Калиниченко (Ин-т истории АН УССР) «Революционная борьба польского крестьянства под влиянием Октября», Г. С. Кручевича (Львовский ун-т) «Участие польских интернационалистов в борьбе за установление и укрепление Советской власти на Украине в 1917—1920 гг.», В. И. Чупенко (Львовский ун-т) «Становление и развитие местного „самоуправления“ в буржуазной Болгарии», А. О. Кошлова (Каменец-Подольский пединститут) «Восстание 9-го сентября 1944 года в Болгарии», Г. М. Попова (Харьковский ун-т) «БКП — вдохновитель и организатор революционных преобразований в области культуры в первые годы народной власти», В. А. Белановского (Ленинградский ун-т) «Борьба партии и правительства Народной Республики Болгарии за укрепление национальной независимости, мир и международное сотрудничество», Н. И. Леднева (Харьковский политехнический ин-т) «Деятельность БКП по преодолению последствий культа личности в идеологической работе», А. П. Богомолова (Черновицкий ун-т) «О формах развития, национально-демократической революции в Чехословакии», Н. И. Владимировой (Одесский ун-т) «Проблемы сельскохозяйственного кооперирования в Польше в 1945—1963 гг.».

В докладе В. И. Клокова (Ин-т истории АН УССР) «Участие украинцев

в европейском движении «Сопrotивления» было показано широкое участие представителей украинского народа в антифашистском подполье и партизанских отрядах, действовавших на территории Польши, Чехословакии, Югославии, Франции в годы второй мировой войны.

Внимание исторической секции привлекли и вопросы культурных связей. В докладе В. К. Зайцева (Ин-т литературы АН БССР) вопрос о месте богомильства в идеологической жизни итальянского Средневековья и эпохи Дученто рассматривался как часть более широкой проблемы культурно-философского воздействия славянства на Западную Европу. Л. Г. Ляшенко (Ин-т истории АН УССР) охарактеризовала культурно-просветительские связи Украины с южнославянскими странами в XIX ст.

В. С. Горский (Ин-т философии АН УССР) в представляющем большой теоретический интерес докладе «Методологические вопросы исследования межнациональных культурных взаимоотношений» развивал положение, что литературные, научные и иные международные связи следует понимать как систему.

На всех секциях были прочитаны доклады по истории славяноведения: Г. А. Пляшко (Одесский ун-т) «Советская историография польского восстания 1863 г.», И. Е. Осадченко (Кишиневский ун-т) «Молдавский историк и филолог Б. Петричейку-Хаджеу в оценке русской прессы XIX ст.», И. С. Олійника (Запорожский пединститут) «Востоков — исследователь славянских языков», А. А. Каупуж (Вильнюсский пединститут) «А. Скальковский о пребывании в Одессе в 1843 г. И. Крашевского», В. А. Моторного и А. Н. Мороза (Львовский ун-т) «Переписка Павлыка с Главачеком».

К. И. Ровда (Ин-т русской литературы) опроверг утверждения ряда исследователей, будто работы А. Н. Пыпина имеют для нас значение лишь в фактической части. Докладчик показал, что труды

Пыпина способствовали укреплению связей прогрессивных культурных деятелей России и Украины, а методологические основы этих трудов во многом совпадают с методологическими принципами Чернышевского.

Больше всего докладов по истории науки сделали фольклористы. М. В. Гуць (ИИФЭ АН УССР) показал многообразное значение В. Караджича для развития фольклористики. П. И. Стедько (Черновицкий ун-т) сообщил о фольклорно-этнографических связях Е. Яропинской с русскими и чехами. А. С. Романец (Черновицкий ун-т) — об истории изучения украинско-молдавских фольклорных связей. В интересном докладе А. Р. Мазуркевича (Украинский научно-исследовательский институт педагогики) на неопубликованных материалах архивов Москвы и Софии была раскрыта роль русского ученого, слависта Прыжова в развитии болгаро-украинских литературных и фольклористических связей.

Памяти Р. М. Волкова были посвящены доклады В. А. Малкина (Воронежский ун-т), рассмотревшего литературоведческое наследие покойного слависта, и П. Д. Павлия, оценившего вклад Р. М. Волкова в восточнославянскую фольклористику. Не только историографическое, но и методологическое звучание имели доклады М. Т. Яценко (ИИФЭ АН УССР) «Принципы сравнительного изучения фольклора славянских народов в прогрессивной украинской фольклористике» и В. А. Юзвенко (ИИФЭ АН УССР) «Вопросы развития современной польской фольклористики».

На заключительном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций и принята резолюция. Участники конференции совершили экскурсии по историческим и литературным местам Буковины.

А. Р. Волков

ВОПРОСЫ СЛАВИСТИКИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ЭТНОГРАФОВ

На проходившем в Москве 3—10 августа 1964 г. VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с происхождением и развитием человеческого общества от глубокой древности до наших дней. Среди многочисленных докладов, характеризовавших культурно-бытовые особенности, различных народов мира¹, зна-

чительное место заняли доклады, посвященные славянским народам; славянский материал привлекался и для решения важных теоретических вопросов. В докладах и выступлениях рассматривались этногенез и дальнейшая этническая история славянских народов, взаимосвязи их между собой и с соседними народами, особенности быта, культуры и искус-

¹ Всего в 27 секциях конгресса было заслушано 812 докладов, из них 307 советских и 505 докладов зарубежных

ученых. На конгрессе присутствовало 1973 делегата (1050 — советских и 923 — зарубежных из 49 государств мира) и свыше 1000 гостей.

ства и их современное развитие в условиях строительства социализма и коммунизма. Большая часть этих докладов (соответственно их тематике) была заслушана на секциях: «Этническая антропология», «Общественный строй», «Европа», «Устная народная поэзия», «Народное изобразительное искусство и архитектура».

Антропологи в своих докладах характеризовали антропологические особенности древних и современных славянских народов. С обобщающим докладом «Антропологический состав современных славянских народов» выступил В. Д. Дьяченко (СССР). Он говорил, что накопленные материалы дают возможность выделить антропологические признаки, характерные для всех славянских народов, и в то же время показывают их значительную вариативность. Учитывая как морфологическую характеристику, так и историю формирования разных славянских народов, докладчик свел эти разнообразные вариации в пять более крупных зон: 1) балтийскую, 2) понтийскую, 3) средневропейскую, 4) карпато-динарскую, 5) приуральскую. При этом он подчеркнул, что эти зоны часто охватывают не только разные славянские, но и соседние неславянские народы, что свидетельствует о древних исторических и этногенетических связях, о взаимных ассимиляциях славянского и неславянского этноса.

Антропологические особенности отдельных групп древнего и современного населения Чехословакии охарактеризовали чехословацкие антропологи: Х. Троничек «Географические различия расовых признаков в Чехословакии»; К. Гайниш «Региональные различия основных телесных признаков у популяций Чехии и Моравии»; Е. Малая «Антропологическая характеристика древнеславянского населения Южной Словакии».

Т. И. Алексеева (СССР) в докладе «Некоторые вопросы этногенеза восточных славян в свете данных антропологии», построенном на основе изучения около 1500 черепов VII—XIII вв., представляющих почти все восточнославянские племена, показала значение и возможность использования антропологических материалов для этногенетических исследований.

Для изучения этногенеза славян представляли интерес и некоторые доклады археологов, в частности доклады об изучении трипольской культуры: Т. С. Пассек (СССР) «Новое из истории трипольских племен Днепро-Днестровского междуречья», С. Н. Бибицов (СССР) «О некоторых вопросах синхронизации и расселения трипольских племен», Е. К. Черныш (СССР) «Некоторые локальные особенности племен трипольской культуры», В. Думитреску (Ру-

мышия) «Общность культуры Юго-Восточной Европы в эпоху неолита и этнические признаки этой общности». Ценный материал для выяснения вопросов этногенеза и этнической истории славян сохранился в докладе Г. Ф. Федорова и М. Я. Салманович (СССР) «Этническая и культурная история населения Юго-Запада СССР от начала железного века до XIX столетия». С докладом «К вопросу о балто-славянском этническом родстве» выступил П. А. Петров (Болгария). Докладчик отметил, что для определения времени балто-славянской общности и ее географического ареала необходимо использовать не только лингвистический (как это обычно делается), но и богатейший этнографический материал, и в качестве примера детально рассмотрел одно поверье («Кукушка вешает беду»), широко бытовавшее у всех славянских и балтийских народов. На материале славянской мифологии был построен доклад Р. О. Якобсона «Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии», проследивший с живым интересом участниками конгресса.

Формированию и развитию украинского и белорусского народов были посвящены доклады советских ученых К. Г. Гуслистого «К вопросу об этногенезе и начальном этапе этнического развития украинской народности» и М. Я. Гриблата «Основные этапы происхождения и этнической истории белорусской народности». А. Кутшеба-Пойнарова (Польша) в докладе «Формирование и слияние польских этнографических групп» охарактеризовала условия образования, особенности этнографических групп польского народа и процесс их объединения. Региональные различия в болгарской народной одежде и их развитие были показаны в докладе М. Веловой (Болгария) «Синтез этнических элементов народной одежды болгар». Доклад убедительно показал, каким ценным источником при изучении этнической истории народа может служить одежда. Доклад Н. Н. Грацианской, Н. М. Листой и О. А. Гандцой (СССР) «Вопросы типологии традиционного жилища в Центральной и Юго-Восточной Европе» в значительной мере был основан на материалах жилища славянских народов.

Для изучения историко-культурных взаимосвязей славян с соседними неславянскими народами большой интерес представляли доклады об изучении населения Карпат: Б. Гунда (Венгрия) «Карпатские культурные ареалы»; А. Я. Порицкий (СССР) «Некоторые вопросы карпатской историко-этнографической общности в украинской этнографии XIX — первой половины XX столетия (на материалах жилища и одежды)»; И. Стика (Чехословакия) «Западная граница карпатской пастушеской культуры». На фольклорном материале проблема карпатской

общности была поставлена в докладе М. Попа (Румыния) «Общие и национальные элементы в эпической поэзии народов района Карпат». Докладчик показал большую близость гайдукских песен разных карпатских народов, а также специфику песен каждого народа.

Проблемы, встающие в связи с этнографическим изучением населения Карпат, обсуждались и на специальном симпозиуме «Карпатская историко-этнографическая общность», на котором было принято решение о проведении исследований в этом районе по общей программе.

Значительное внимание было уделено общественному и семейному строю славянских народов. М. Барьяктарович (Югославия) в содержательном, основанном на большом фактическом материале докладе «О балканских племенах» охарактеризовал особенности балканской племенной организации и условия сохранения ее пережитков (а в некоторых случаях даже возрождения их) в условиях турецкого господства. Я. Подолак (Чехословакия) выступил с докладом «Формы пастушеской организации в Словакии». Н. Павкович (Югославия) в докладе «Преимущественное (обычное) право при продаже и наследовании имущества у югославов» рассмотрел происхождение и развитие обычая продажи унаследованного имущества ближайшим родственникам и лишь в случае отказа их — более дальним или соседям. Обычай этот, по мнению докладчика, возник в родовой общине с ее коллективной собственностью на землю и сохранялся в силу социально-экономических условий очень долго (в Черногории — до первой мировой войны).

Р. Пешева-Попова (Болгария) в докладе «Структура семьи и рода в Болгарии в конце XIX и в начале XX вв.» поставила своей задачей показать основные закономерности развития семьи и рода при переходе от феодализма к капитализму. Во второй половине XIX в. под влиянием капиталистического развития изменяется состав задруг (теперь они включают только семьи, связанные по прямой отцовской линии), уменьшается численность их членов, усиливается их имущественное неравенство (законодательством признается собственность главы семьи на землю и другое имущество). В дальнейшем задруга все более распадается на малые семьи, и если в XX в. встречаются большие семьи (отец и 2—3 женатых сына), то причиной их объединения является, как правило, недостаток средств. Рухаются и устои рода, суживается круг родства. Последней ступенью в развитии рода в Болгарии можно считать патронимию, которая отражает переход задружных хозяйств к отдельным семьям. Аналогичный процесс распада больших словацких семей в условиях

развития капиталистических отношений отметила Б. Филова (Чехословакия), рассказавшая об этнографических изучениях семьи, проводимых в Словакии. Интересный материал, собранный в деревне Велико Село на протяжении ряда лет, был сообщен в докладе А. Баллики (Канада) «Родство и брак в деревне югославской Македонии». Но докладчик внутрисемейные отношения рассматривал без учета экономических и правовых отношений, что было отмечено выступавшими в прениях как серьезный методологический недостаток.

П. Влахович (Югославия) в докладе «Антропологическое, этническое и этнопсихологическое развитие народов Югославии» охарактеризовал антропологические типы, наблюдаемые на территории Югославии, и показал, как в сложных исторических условиях выработывался психический склад народов Югославии, формировались и развивались их обычаи, многие из которых в основе древнеславянские, другие же возникали в новых условиях. В период борьбы против турецкого ига народ стойко сохранял свои обычаи, позднее они стали быстро исчезать. В заключение докладчик подчеркнул, что в настоящее время, после победы социалистической революции, складываются новые нормы общественных отношений, а следовательно, вырабатываются и новые особенности культуры и быта.

Современному общественному и семейному быту украинских колхозников и методике его изучения был посвящен доклад Е. М. Кравец и А. Ф. Кувенева (СССР) «Основные проблемы изучения общественного и семейного быта колхозного крестьянства Украины». Б. Кухар (Югославия) говорил о влиянии технического прогресса на жизнь сельского населения в Словении. Об особенностях новых болгарских праздников рассказал Г. П. Вайсилов (Болгария).

Бурный рост городов и все более возрастающее влияние городской культуры на сельскую заставили этнографов обратиться к изучению быта и культуры городского населения. Естественно, что актуальные, но очень сложные и еще недостаточно разработанные вопросы проблематики и методики этнографического изучения города встали и на конгрессе. Изучением города занимаются и этнографы славянских стран. Особенно широкий размах эти исследования получили в Чехословакии. Поэтому большой интерес вызвал доклад К. Фойтика (Чехословакия) «Некоторые проблемы и итоги этнографического изучения Готтвальдовской области», в котором были поставлены и основные вопросы методологии этнографического изучения рабочих. О большой работе, проведенной югославскими этнографами по изучению жизни горняков и социалистических преобразований их быта и культуры рассказала

В. Николич (Югославия) в докладе «Роль этнографических факторов в социалистическом преобразовании Колубарского горнорудного бассейна в Сербии». Этнографии города и промышленного поселка на конгрессе был посвящен специальный симпозиум, где поделились опытом работы и высказали важные методические соображения Х. Н. Гандев (Болгария), О. Скальникова, К. Фойтик (Чехословакия), Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева (СССР) и др. В докладе Х. Н. Гандева «Успехи изучения современного быта в социалистических странах Европы», прочитанном на пленарном заседании, были обобщены результаты работ этнографов социалистических европейских (в том числе и славянских) стран и намечены дальнейшие задачи изучения преобразований культуры и быта.

На секции «Устное народное творчество» был достаточно широко представлен фольклор славянских народов; славянский материал привлекался и для решения таких важных теоретических проблем, как отношение фольклора к исторической действительности, национальные и интернациональные элементы в фольклоре, традиция и новаторство и др.

Особенно важное значение имеют доклады по современному фольклору. Здесь прежде всего должен быть отмечен доклад В. Е. Гусева (СССР) «Типизация действительности в партизанском фольклоре», обобщивший материал партизанской поэзии всех славянских народов. Докладчик рассмотрел особенности изображения действительности в партизанских песнях и рассказах и отметил общий процесс их развития — от произведений «хроникальных», изображающих отдельные факты жизни, к созданию художественных произведений, в которых правдивое изображение действительности сочетается с типизацией явлений, к созданию обобщенных героических образов. Эта закономерность, по мнению В. Е. Гусева, имеет большое значение для понимания творческих процессов в современном фольклоре вообще. Характер, условия создания и бытования современного югославского фольклора были охарактеризованы в докладе Д. Недельковича (Югославия) «Возрождение у народов Югославии устной поэзии в период освободительной борьбы и социалистической революции».

В сравнительно-историческом плане был построен доклад Б. Н. Путилова (СССР) «Исторические корни и генезис славянских баллад об ишчесте». Докладчик показал, как этот древний мотив, возникший в связи с крупными изменениями в жизни общества, был использован и переосмыслен в исторических балладах о борьбе с татарами и турка-

ми, встречающихся у всех славянских народов. Он отметил также, что при большом сходстве эти баллады у каждого славянского народа имеют свои особенности, обусловленные конкретной исторической действительностью, и возникли они самостоятельно в сходных условиях, на основе общей славянской фольклорной традиции. Об исторической обусловленности возрождения сюжетов преданий говорила и Дж. Юр (Англия), рассматривая в своем докладе «Условия возрождения исторических легенд на Балканах» легенды о царе Константине у балканских, в том числе и славянских народов.

Главным образом на материале фольклора славянских народов были построены важные теоретические положения доклада П. Г. Богатырева (СССР) «Традиция и импровизация в народном творчестве» (о соотношении традиции и новаторства в разных фольклорных жанрах, о типах импровизации и др.). В докладе были использованы и наблюдения над творчеством народных художников (болгарские «писанки», польские и словацкие картинки на стекле). Традиции и новаторству в песенном фольклоре болгар был посвящен доклад С. Стойковой (Болгария), которая показала историческую обусловленность смены песенных фольклорных жанров.

Об обусловленности фольклорных художественных образов мировоззрением народа говорила А. М. Астахова (СССР) в докладе «Художественный образ и мировоззренческий элемент в русских заговорах». Доклад этот не только методологически, но и по обобщенному в нем фактическому материалу имеет большое значение для изучения фольклора всех славянских народов, так как многие представления, отраженные в русских заговорах, и их образы уходят своими корнями в славянскую общность. Славянский материал был использован и Б. Крадер (США), поставившей в докладе «Отражение обычая гостеприимства в преданиях балканских народов» вопрос о возможности и методике использования фольклора для изучения народных обычаев.

Вуку Караджичу, 100-летие со дня смерти которого недавно отмечалось народами мира, был посвящен доклад Ж. Младеновича (Югославия) «Устная поэзия как историко-этнографический источник для Вука Стеф. Караджича».

В секциях, посвященных разным отраслям народного искусства (музыка, театр и хореография, образительное искусство), основными были проблемы: национальное своеобразие народного искусства, историко-культурные взаимосвязи, традиция и новаторство и возможности использования народных традиций в современном искусстве.

С интересными докладами выступили ученые Югославии, показавшие своеобразие отдельных видов народного искусства: П. Томич «Народная керамика в Югославии», Д. Павлович «Старинные сербские церкви, построенные из дерева», Б. Максимович «Функциональные основы эстетических ценностей народного зодчества Югославии». Об особенностях архитектуры русского народного сибирского жилища рассказал Е. А. Ащепков (СССР).

Историческое развитие мотивов и образов народного искусства прослеживалось в докладах П. Н. Жолтовского (СССР) «Древние мотивы в гуцульской орнаментике» и И. Я. Богуславской (СССР) «О трансформации орнаментальных мотивов, связанных с древней мифологией, в русской народной вышивке» и др. Рассмотренные в таком плане материалы народного искусства имеют большое значение также для изучения этногенеза и историко-культурных связей народов. О важности использования в этнических исследованиях народного орнамента говорилось и при обсуждении доклада И. Коева (Болгария) «Состояние и проблемы изучения народного искусства Болгарии». О соотношении народного и ремесленного художественного производства в Чехословакии в XVIII—XIX вв. говорила Е. Юхнова (Чехословакия).

Советские этнографы и искусствоведы на материале искусства советских народов показали, как используются у нас традиции народного искусства: Б. С. Бутник-Сиверский «Традиции и новаторство в украинском советском народном искусстве», Е. И. Матейко и С. И. Сидорович «Украинские народные мотивы в современной одежде», В. П. Самойлович «Народное творчество в архитектуре украинского жилища», Т. М. Разина и Е. Г. Яковлева «Традиции и национальное своеобразие в искусстве современных художественных промыслов РСФСР». Этой же проблеме был посвящен доклад И. Орела (Чехословакия) «Творчество народных художников Чехословацкой Социалистической Республики, его традиции и значение в наши дни».

Дискуссия о правомерности и характере допустимой обработки народных танцев в современной хореографии развернулась на секции «Народный театр и хореография». Украинским народным танцам был посвящен доклад Р. О. Гарасимчука (СССР) «Особенности украинских народных танцев Карпатского района»; русским хороводам Подмосковья — Н. М. Владыкиной-Бачинской. О народном драматическом творчестве народов Югославии говорил Т. Чубелич (Югославия), особенностям русского народного театра были посвящены доклады Н. Н. Велецкой (СССР) «Принципы драматургии русского народного театра» и Н. И. Савушкиной «Драматизированный образ в некоторых жанрах русского фольклора». Теснейшим образом со славянскими драматическими представлениями связан войницкий и гайдукский театр в Молдавии, Северной Буковине и Северо-Восточной Румынии, о котором сообщил В. М. Гацак.

Из докладов, заслушанных на секции «Народная музыка», следует отметить доклад Е. В. Стоина (Болгария) «Связь между мелодией и словами в болгарской песне», Ц. Рихтмана (Югославия) «Полифония в традиционной югославской музыке», Н. М. Гордейчука (СССР) «Современная украинская народная песня», Л. С. Мухаринской (СССР) «Партизанские песни Белоруссии и их слагатели».

В кратком обзоре невозможно сколь-нибудь детально охарактеризовать или даже перечислить все доклады и выступления, имевшие прямое или косвенное отношение к славяноведению. Однако и из приведенного материала видно, что антропология, этногенез, история культуры и быта и искусство славянских народов были представлены на конгрессе достаточно широко и разносторонне. Можно надеяться, что обмен мнениями и личные контакты между учеными славянских стран, установленные во время работы конгресса, будут способствовать дальнейшей плодотворной разработке актуальных проблем славяноведения.

В. К. Соколова

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИНДООЕРОПЕЙСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

17—21 ноября 1964 г. в Московском университете состоялась научная межвузовская конференция по проблемам сравнительной грамматики индоевропейских языков; впервые созданная Филологическим факультетом университета¹.

Целью конференции было обсуждение научных проблем современного индоевропейского языкознания и задач, стоящих в этой области перед университетами.

¹ Тезисы докладов этой конференции см. в брошюре: «Проблемы сравнитель-

ной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов». М., Изд-во МГУ, 1964, 86 стр.

В конференции приняли участие профессор и преподаватели Московского, Ленинградского, Вильнюсского, Киевского, Ужгородского, Ереванского, Ростовского и других университетов и ряда педагогических институтов, а также научные сотрудники Института языкознания АН СССР, Института славяноведения АН СССР, Института русского языка АН СССР, языковедческих институтов академий наук УССР, БССР, ГрузССР. В работе конференции приняли участие также преподаватели Софийского университета (Болгария), Ягеллонского университета (Польша) и Загребского университета (Югославия).

На конференции отчетливо проявилась тенденция к построению сравнительно-исторического языкознания как аксиоматической системы с правилами верификации (доклады Э. А. Макаева, сделавшего обзор основных проблем этого раздела лингвистики, Т. В. Гамкрелидзе, О. С. Широкова и др.).

Большое внимание уделялось методам сравнительного языкознания: внешнему сопоставлению языков (доклады А. Б. Долгопольского и В. М. Иллича-Свитыча, получившего интересный результат интерпретации индоевропейских гуттуральных), а также методу внутренней реконструкции (специально этой проблеме был посвящен доклад А. А. Зализняка, результаты внутренней реконструкции ларингальных в хеттском языке были приведены Т. В. Гамкрелидзе). Выступивший в прениях С. Б. Бернштейн подчеркнул важность метода внутренней реконструкции, отметив необходимость дополнения его другими методами в связи с его ограниченностью. В. В. Иванов подчеркнул необходимость введения направления времени в исследование по историческому языкознанию.

Непосредственно вопросы славистики рассматривались в следующих докладах.

П. С. Кузнецов в докладе «К вопросу о диахроническом соотношении форм словообразования и словоизменения в индоевропейских языках» определил различие форм словообразования и словоизменения, подчеркнул характерную особенность индоевропейских языков, состоящую, во-первых, в том, что одно и то же структурное средство может выполнять в синхронном состоянии как функцию первого, так и второго. Во-вторых, преобразование структурных средств в диахроническом плане всегда идет от средств словообразования к средствам словоизменения (местный и родительный падеж, видовые значения глаголов и др.).

В. П. Мажюлис в докладе «К образованию индоевропейской флексии» предложил закон «функционального флекссионного уравнения», устанавливающий зависимость количественного аблаута от типа флексий.

С. Б. Бернштейн в докладе «К истории праславянского аблаута (ступень редукции)» обратил особое внимание на необходимость разработки морфологии. Славянские языки, содержащие много ценных данных об индоевропейском аблауте, — отметил он, — существенно переработали исходную систему аблаута, так что необходимо рассматривать не только соотношение индоевропейского и праславянского, но и историю индоевропейского аблаута в отдельных славянских языках. Так, нулевая ступень в праславянском существует только для этимолога, ступень редукции часто соответствует в других индоевропейских языках нормальной ступени. В южных славянских диалектах при обобщении огласовки ступень редукции играет большую роль. Если качественные чередования быстро утратили свою продуктивность, то количественные чередования были широко использованы в последующем развитии языков.

В. В. Мартынов в докладе «Славянская и индоевропейская аккомодация» предложил гипотезу аккомодации (максимального уподобления согласного последующему гласному, парадигматически — оппозиции группофонем) для праславянского и индоевропейского языков, считая степень аккомодации основным типологическим определителем фонологической системы.

С точки зрения гипотезы о группофонах В. К. Журавлев в докладе «Праиндоевропейские и праславянские слоговые плавные» рассмотрел индоевропейские и праславянские слоговые плавные, двойственность их рефлексов в славянских языках и дефонологизацию долготы.

Конференция вызвала большой интерес среди языковедов Москвы и других городов страны, о чем свидетельствует большое число участников конференции и оживленная дискуссия по многим докладам.

Конференция приняла решение о необходимости специализации студентов по сравнительному индоевропейскому языкознанию и об организации кафедр индоевропейского языкознания в ряде университетов Советского Союза. На конференции был также рассмотрен проект учебного плана отделений сравнительного индоевропейского языкознания в университете.

М. И. Леконцева

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

СЕКТОР ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА

В минувшем году основные усилия коллектива сектора были сосредоточены на разработке тем, касающихся ряда актуальных вопросов народно-демократических и социалистических революций, а также строительства социализма в европейских странах. Велась подготовка монографических исследований, посвященных проблемам борьбы трудящихся за создание материально-технической базы социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, социалистических преобразований в сельском хозяйстве, роста материального благосостояния трудящихся европейских социалистических стран, развития социалистической культурной революции.

В 1964 г. основное внимание на заседаниях сектора уделялось обсуждению отдельных разделов этих работ, причем в дискуссиях наряду с сотрудниками Института славяноведения принимали участие специалисты Института истории, Института государства и права, Института экономики мировой социалистической системы и других научных учреждений.

В марте 1964 г. на совместном заседании с сектором стран народной демократии Института истории был заслушан доклад И. Т. Виноградова о социально-политических результатах и характере революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Выступавшие в прениях основное внимание уделили вопросу о своеобразии развития народно-демократических революций в европейских странах и указали на некоторые общие их черты. Сотрудники сектора приняли участие в обсуждении ряда глав из 10 тома «Всемирной истории», посвященных истории славянских стран в годы второй мировой войны.

Специалисты сектора написали ряд разделов для «Очерков истории Народной Польши». В 1964 г. этот коллективный труд был сдан в издательство.

В истекшем году была опубликована также работа Л. Б. Валева «Болгарский народ в борьбе против фашизма».

В 1964 г. два сотрудника сектора успешно защитили кандидатские диссертации:

Г. П. Мурашко «Положение рабочего класса в годы послевоенного экономического кризиса и формирование революционного направления в профсоюзном движении Чехословакии (1921—1923 годы)» и Я. Б. Шмераль «Образование буржуазной Чехословацкой республики». Диссертация Я. Б. Шмерала подготовлена к печати и сдана в издательство.

Аспирант сектора А. Д. Марченко закончил работу над диссертацией, посвященной боевому содружеству советского и чехословацкого народов в годы второй мировой войны.

В минувшем году коллектив сектора принимал участие в обсуждении диссертаций, подготовленных в других научных учреждениях. В июле 1964 г. была обсуждена и рекомендована к защите кандидатская диссертация В. М. Рожко «Участие румынских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР». Одно из заседаний было посвящено обсуждению монографии А. Я. Манусевича «Польские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции».

В течение 1964 г. сотрудники сектора выезжали в командировки и принимали участие в научных конференциях. Были заслушаны отчеты Г. М. Славина и А. И. Недорезова о научных командировках в Югославию, Чехословакию и ГДР. В своих сообщениях выступавшие поделились путевыми впечатлениями и рассказали о состоянии исторической науки в этих странах.

В настоящее время сектор работает над коллективными трудами. В ноябре 1964 г. был принят пятилетний план научных исследований на 1966—1970 гг. Этот план предусматривает написание коллективных трудов по истории социалистической Болгарии, Югославии и Чехословакии. Планируется также подготовка ряда историографических статей. Существенное место в работе сотрудников сектора займут монографические исследования.

М. И. Копашева

СЕКТОР СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

В 1964 г. творческие усилия коллектива литературоведов Института славяноведения были сосредоточены, как и в предшествующие годы, на следующих основных проблемах: генезис и развитие социалистического реализма в литературе

зарубежных славянских стран; современный этап социалистического реализма в литературе зарубежных славянских стран; развитие критического реализма в славянских странах и его соотношение с другими творческими методами на

разных исторических этапах; межславянские литературные связи. Все эти исследования включены в сводный план Научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения.

В секторе продолжалась работа по созданию коллективных трудов, посвященных истории польской литературы, словацкой литературы и литературы народов Югославии. Эти обобщающие исследования по своему характеру продолжают серию очерков истории славянских литератур, вышедших ранее («Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.», М., 1959 и «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.», М., 1962). Основную часть работы выполняют сотрудники сектора славянских литератур, однако ряд монографических глав о творчестве отдельных писателей пишут специалисты из других научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева. В создании этих трудов большую помощь оказывают соответствующие академические институты в Польше, Чехословакии и Югославии. Консультации ученых этих стран, ознакомление с ценными материалами, которые удается получить благодаря их дружескому содействию, в значительной мере способствуют выяснению сложных явлений и специфических особенностей литературного процесса в зарубежных славянских странах.

Сектор славянских литератур принимает участие в создании разделов по литературам славянских народов для многотомной «Истории всемирной литературы», подготовкой которой руководит Институт мировой литературы АН СССР.

В минувшем году вышел из печати сборник статей, посвященный проблемам развития славянских литератур в XX веке («Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке»). Подготовлен и сдан в издательство сборник статей «Критический реализм в литературах южных и западных славян» (редакционная коллегия: Ю. Д. Беляева, И. К. Горский, С. В. Никольский). В 1965 г. сектор предполагает подготовить к печати сборник, посвященный развитию зарубежных славянских литератур на современном этапе. Совместно с Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР литературоведы Института славяноведения работают над сборником статей, посвященных анализу воздействия Великой Октябрьской социалистической революции на развитие зарубежных славянских литератур.

Существенное место в работе сотрудников сектора по-прежнему занимали исследования по вопросам межславянских литературных и культурных связей. В 1964 г. вышла в свет монография В. И. Злыднева «Русско-болгарские литературные связи XX в.». Сотрудники сектора В. И. Злыднев и Л. С. Кишкин выступили с сообщениями о межславянских связях на VI Украинской республиканской славистической конференции (г. Черновцы, октябрь 1964 г.).

Ряд сотрудников продолжал работу над монографиями: «Чешская поэзия 20—30-х гг. XX в.» (С. А. Шерлаимова), «К. Чапек и проблемы критического реализма XX века» (С. В. Никольский), «Витезслав Незвал» (Л. Н. Будагова).

А. С.

ГРУППА ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Группа истории культуры — один из самых молодых коллективов Института славяноведения. Она существует немногим более трех лет. Создание группы подобного профиля было вызвано необходимостью изучения истории культуры зарубежных славянских стран. Группа занимается исследованием процессов культурного развития в тесной взаимосвязи с общественным движением.

Сотрудники группы активно включились в работу над коллективными трудами Института славяноведения. Это помогло установить контакты со смежными секторами Института и создало предпосылки для правильного понимания и решения проблемы комплексного изучения процессов развития культуры в славянских странах. Группа приняла участие в подготовке разделов по куль-

туре для обобщающих трудов «История Югославии» и «Очерки по истории Народной Польши». В настоящее время часть сотрудников группы занимается изучением социалистической культурной революции в зарубежных славянских странах.

И. Ф. Балза завершает работу над вторым томом «Истории чешской музыкальной культуры», в котором широко освещается музыкальная жизнь и творческий путь крупнейших представителей чешской музыки. Н. И. Кравцов в монографии «Сербский эпос» намеревается на базе обширного материала обобщить свои многолетние исследования по этой проблеме и показать вклад славянских народов Балканского полуострова в создание южнославянского эпоса. В работе М. Н. Кузьмина «Культурное строи-

тельства в Чехословакии (1945—1965)» делается попытка осветить основные проблемы развития культуры социалистической Чехословакии, охарактеризовать этапы культурной революции и политику Коммунистической партии Чехословакии в области культуры.

Сотрудники группы приняли участие в подготовке ряда тематических сборников. В настоящее время сдан в печать сборник статей и материалов «История и культура славянских народов». К 700-летию со дня рождения Данте готовится к печати сборник «Данте и культура славянских народов». В подготовке этого сборника принимают участие и зарубежные ученые.

В ноябре 1964 г. аспирантка группы истории культуры Л. Н. Титова защитила

кандидатскую диссертацию на тему: «И. К. Тыл и демократические традиции чешской культуры». В диссертации рассматривается ряд проблем развития чешской культуры в эпоху будительского движения, прогрессивные демократические традиции которого не утратили своего значения для развития социалистической культуры современной Чехословакии.

Аспирантка И. И. Свирида завершила работу над диссертацией «Становление и развитие современного польского изобразительного искусства 1944—1955 гг.». Подготавливается диссертация по теме «Чешский театр 1860—1870 гг.» (аспирант Ю. И. Ритчик).

Н. Прокофьева

ВСТРЕЧА С ЛЕКТОРСКОЙ ГРУППОЙ ЦК КПЧ

9 декабря 1964 г. Институт славяноведения посетила группа лекторов ЦК Коммунистической партии Чехословакии, находившаяся в СССР в связи с месячником советско-чехословацкой дружбы. В составе группы были кандидат в члены ЦК КПЧ, секретарь Среднечешского обкома КПЧ т. Гомола, секретарь Северо-Моравского обкома КПЧ т. Козел, заведующий сектором идеологического отдела ЦК КПЧ т. Герлах и заведующий сектором сельскохозяйственного отдела ЦК КП Словакии т. Воячек.

С докладом на тему «О некоторых вопросах развития общественного строя

в Чехословацкой социалистической республике» выступил т. Козел. Другие члены группы в своих выступлениях затронули ряд важных проблем современной экономической, общественной и культурной жизни страны, в частности, вопрос о перестройке управления промышленностью, о развитии социалистического сельского хозяйства, о развитии социалистической демократии, о современном положении на идеологическом фронте и ряд других.

Доклад и сообщения были встречены с большим интересом.

М. К.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт истории БАН — сравнительно молодое научное учреждение, созданное после победы социалистической революции в Болгарии. До 9 сентября 1944 г. в Болгарской академии наук не было научно-исследовательских институтов. Научная работа проходила в соответствующих отделениях БАН, в которых работали лишь академики и члены-корреспонденты. Проблемы истории разрабатывались тогда в так называемом «историко-филологическом отделении», издававшем свои труды в сборниках БАН и в виде отдельных монографий, публикаций, документов и др. В 1943 г. была создана Комиссия по разысканию и публикации источников по истории Болгарии. Эта комиссия в 1947 г. была

преобразована в Институт болгарской истории, однако Институт сохранял характер комиссии; задачи его ограничивались источниковедческой работой, отсутствовал широкий план научно-исследовательской работы и профилированные секции, в штате насчитывалось лишь несколько сотрудников — специалистов по древним языкам.

Социалистическое строительство в Болгарии и связанная с этим перестройка науки на марксистско-ленинской основе определили новый профиль Института. Он должен был заниматься прежде всего разработкой главных проблем болгарской истории на базе марксистской методологии. В 1950 г. была проведена принципиальная реорганизация Институ-

та: он был разделен на секции в соответствии с марксистской периодизацией истории и пополнен новыми научными сотрудниками. Возглавили его историки-марксисты, работавшие до того времени в Софийском университете. Деятельность Института была поставлена на плановые основы. При Институте была организована аспирантура. С этого времени в штат Института научными сотрудниками зачислялись только лица, имеющие научные степени. Таким образом Институт болгарской истории был создан как научно-исследовательское учреждение и центр болгарской исторической науки.

В 1960 г. в него вошел Институт Хр. Ботева и В. Левского. Одновременно с увеличением числа научных сотрудников расширялся круг разрабатываемых Институту проблем, вследствие чего тематика его вышла за рамки истории Болгарии; в 1960 г. он был преобразован в Институт истории. В начале 1964 г. одна из его секций (секция истории балканских народов) была выделена в новый Институт балканистики.

В настоящее время в Институте истории имеются следующие секции: секция древней и средневековой истории Болгарии, истории Возрождения, новой истории Болгарии, новейшей истории Болгарии, всеобщей истории, а также библиографическая группа. В них работают 4 академика, 1 член-корреспондент, 3 профессора, 13 старших научных сотрудников, 9 научных сотрудников, 4 специалиста-историка, 4 аспиранта и 4 аспиранта-заочника. В числе научных сотрудников института 13 кандидатов исторических наук.

Коллектив Института изучает и разрабатывает основные проблемы болгарской истории и некоторые вопросы всеобщей (европейской) истории, в частности проблемы связей и отношений Болгарии с другими странами в прошлом. Большое внимание уделяется также разысканию и публикации источников по истории Болгарии. Все эти вопросы включены в план научно-исследовательской работы Института.

Так, изучаются общественно-экономические отношения Болгарии и Византии и взаимоотношения болгарского и других народов и государств в средние века. Отдельные сотрудники разрабатывают следующие темы: аграрные отношения и города в болгарских землях в XIV в., кадастр и налогообложение в средневековой Болгарии, категории населения в болгарских землях в XV—XVIII вв., взаимоотношения Первого Болгарского царства с западноевропейскими государствами, взаимоотношения Византии со славянами в средние века, торговые связи итальянских городов с болгарскими землями в XIII—XIV вв. и др.

По проблеме зарождения и развития

капитализма в болгарских землях во время турецкого владычества и борьбы болгар за национальное и социальное освобождение (так называемая эпоха Возрождения) разрабатываются следующие важные темы: положение болгарского народа в период от Адрианопольского мира (1829 г.) до Освобождения (1878 г.) по наблюдениям иностранных путешественников; аграрные отношения в болгарских землях в XIX в.; отношение западноевропейских держав к болгарскому национально-освободительному движению; жизненный путь и деятельность вождей болгарской национальной буржуазно-демократической революции (Г. Раковский, Л. Каравелов, В. Левский, Хр. Ботев); русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии и др.

Сравнительно хуже изучена история болгарского народа в период от освобождения до первой мировой империалистической войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому в настоящее время большое внимание уделяется исследованию важных проблем и тем этого периода, а именно: борьбе болгарских крестьян против феодализма и капитализма в XIX и первой половине XX в.; отношению великих держав к воссоединению Болгарии и сербо-болгарской войне (1885 г.); характеру и деятельности политических партий в Болгарии; рабочему и профсоюзному движению в 1894—1917 гг.; проникновению и роли германского капитала в Болгарии в 1878—1912 гг.; экономическому и политическому развитию Болгарии в первом десятилетии XX в.; болгарскому национально-освободительному движению во Фракии и Македонии (1878—1912); внешней политике Болгарии накануне и во время первой мировой войны и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало общему кризису капитализма, который охватил и Болгарию. Трудящиеся массы Болгарии во главе с Коммунистической партией и Болгарским земледельческим народным союзом (БЗНС) поднялись на борьбу за власть в стране. По проблематике этого периода болгарской истории разрабатываются следующие темы: политика правительства БЗНС (1919—1923); левое крыло «единого фронта» в БЗНС (1923—1925); правление «Народного блока» (1931—1934); табачный капитал и его роль в общественно-политической жизни Болгарии (1919—1929); отношения и связи Болгарии с Советским Союзом в 1934—1944 гг. и др.

В последние годы Институт уделяет все большее внимание проблемам истории социалистической революции и победы социализма в Болгарии. В этой области изучаются следующие вопросы:

численность и состав рабочего класса в Болгарии в 1944—1947 гг.; экономическая политика народно-демократического государства (1944—1947); начало социалистического преобразования болгарской деревни (1944—1948); сущность, характер и роль Отечественного фронта; внешняя политика Народной Республики Болгария и др.

С историками из других социалистических стран, прежде всего с советскими учеными, болгарские историки связывают отношения равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Успешно выполняются соглашения Института истории с родственными институтами в СССР, ЧССР, Румынии и Югославии о совместном издании документов и научно-исследовательских работ. В настоящее время Институт истории БАН совместно с Институтом славяноведения АН СССР готовит к изданию том III сборника документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (первые два тома вышли в 1961 и 1964 гг.); болгарские и югославские историки разрабатывают проблему «Рабочее движение на Балканах до 1913 г.». Уже находится в печати сборник статей «Болгары и румыны в прошлом». В 1963 г. совместно с чехословацкими историками был издан сборник статей «Болгария и Чехословакия в веках».

Институт истории считает своей первоочередной задачей укреплять и расширять сотрудничество и совместную работу с историками других социалистических стран и прежде всего с Институтом славяноведения АН СССР. Это необходимо для ведения еще более успешной борьбы с буржуазной идеологией и фальсификацией болгарской истории, для укрепления единства социалистического лагеря.

Болгарские историки, которые активно участвовали в работе Софийского конгресса славистов в 1963 г., в настоящее время готовятся к XII Международному конгрессу историков в Вене, намеченному на август 1965 г. Болгарский национальный комитет историков, ядро которого состоит из сотрудников Института истории, подготавливает посвященный этому конгрессу сборник статей (с текстом на западноевропейских языках) «Etudes historiques». Первый сборник такого рода был выпущен в 1960 г. в связи со Стокгольмским конгрессом историков.

Работы сотрудников Института публикуются в издаваемом Институтом журнале «Исторически преглед», существующем уже 20 лет (до 1952 г. этот журнал был органом Болгарского исторического общества), и в «Известиях Института истории» (вышло уже 15 томов). Последние два тома «Известий» посвящены 80-летию юбилею акад. Ив. Снегарова. Следующие два тома будут посвящены 60-летию акад. Д. Косева.

Самым крупным достижением Института является создание общего курса

истории Болгарии, который был издан в двух томах в 1954—1955 гг. и в трех томах (второе издание) в 1961—1964 гг. Кроме того, в 1958 г. была выпущена «Краткая история Болгарии» (переведена на чешский язык), а в 1963 г. краткий очерк истории Болгарии на русском, английском, французском, немецком и испанском языках.

В соответствии с планом научно-исследовательской работы Института был подготовлен и издан целый ряд монографий и сборников статей¹. В настоящее время

¹ Д. К о с е в. Септемврийското въстание, 1954, 354 стр.; К. Л а м б р е в. Положението на работническата класа от Освобождението до началото на XX в., 1954, 207 стр.; Х. Х р и с т о в. Революционната криза в България през 1918—1919 г., 1957, 608 стр.; В. Б о ж и н о в. Политическата криза в България през 1943—1944 г., 1957, 168 стр.; С. Л и ш е в. За стокото производство във феодална България, 1957, 159 стр.; Д. К о с е в. Към историята на революционното движение в България през 1867—1871 г., 1958, 116 стр.; И. С н е г а р о в. Турското владичество — пречка за културното развитие на българския народ и другите балкански народи, 1958, 239 стр.; Д. А н г е л о в. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в., 1958, 256 стр.; С. Л и ш е в. За проникването и ролята на парите във феодална България, 1958, 189 стр.; Б. Ц в е т к о в а. Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт, 1958, 226 стр.; Г. Д. Т о д о р о в. Временното руско управление в България през 1877—1879 г., 1958, 459 стр.; сб. ст. «Освобождението на България от турско иго», 1958, 688 стр.; сб. ст. «Изминалото на българите-мохамеданите в Родопите», 1958, 170 стр.; сб. «Изследвания в чест на Марин С. Дринов», 1960, 646 стр.; К. Л а м б р е в. Наченки на работническото и профсъюзно движение в България 1878—1891 г., 1960, 223 стр.; Ц. Т о д о р о в а. Обявяване на независимостта на България през 1908 г. и политиката на империалистическите сили, 1960, 198 стр.; И. У н д ж и е в. Карлово — история на града до Освобождението, 1962, 265 стр.; В. М у т а ф ч и е в а. Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI в., 1962, 263 стр.; Х. Г а н д е в. Зараждане на капиталистически отношения в чифлишкото стопанство в Северозападна България през XVIII в., 1962, 184 стр.; В. Б о ж и н о в. Защитата на националната независимост на България 1944—1947 г., 1962, 294 стр.; сб. ст. «Паисий Хилендарски и неговата епоха», 1962, 647 стр.; сб. ст. «Г. С. Раковски», т. 1, 1963, 437 стр. С. Л и ш е в. За генезиса на феодализма

находится в печати еще несколько работ². Был издан также первый том серии медиевистических исследований (с текстом на западноевропейских языках)³. Институт истории добился также значительных успехов в издании серии источников по болгарской истории⁴. Помимо этого были выпущены в свет многочисленные сборники документов и материалов⁵.

В 1963 г. Институтом был издан «Атлас по българска история» (с древнейших вре-

мен до наших дней, 69 карт). Кроме перечисленных выше, сотрудники Института опубликовали еще ряд трудов, подготовленных вне плана научно-исследовательской работы БАН.

Научной деятельностью Института руководит его Ученый совет, состоящий из академиков, членов-корреспондентов, профессоров и старших научных сотрудников. В заседаниях Ученого совета постоянно участвуют (с правом совещательного голоса) научные сотрудники, аспиранты и специалисты-историки.

Важным событием в жизни Института явилось Второе национальное совещание болгарских историков (13—14 января 1964 г.). В докладе акад. Д. Косева и в прениях были намечены мероприятия по подъему болгарской исторической науки на более высокий уровень, по достижению еще более тесной связи ее с жизнью. Одновременно было основано Общество болгарских историков, которое объединит и направит их научно-исследовательскую, популяризаторскую и преподавательскую деятельность.

Институт истории БАН и болгарские историки вносят свой скромный вклад в дело построения социализма и коммунизма в Болгарии. Они стремятся все полнее удовлетворить растущие потребности трудящихся в знаниях и воспитать их в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, в духе марксизма-ленинизма. Это — важное условие создания материальной базы социализма и коммунизма, воспитания нового человека сообразно нормам коммунистического общества.

Горан Тодоров

в България. 1963, 221 стр.; Г. Цанкова - Петкова. За аграрните отношения в средновековна България през XI—XIII в., 1964, 209 стр.; Д. Косев. Международното значение на Септемврийското въстание 1923 г., 1964, 187 стр.

² Монография Х. Христова «Аграрните отношения в Македония от втората половина на XVIII в. до Балканските войни»; сб. ст. «Социалистическата революция в България»; сб. ст. по истории Родопского края и др.

³ «Byzantinobulgarica», 1962, 365 стр. В серии «Извори за българската история» вышли т. I («Гръцки извори», т. I, 1954, 238 стр.); II («Латински извори», т. I, 1958, 452 стр.), III («Гръцки извори», т. II, 1958, 378 стр.), IV («Турски извори», т. I, 1959, 155 стр.), V («Турски извори», т. II, 1960, 866 стр.), VI («Гръцки извори», т. III, 1960, 320 стр.), VII («Латински извори», т. II, 1960, 410 стр.), VIII («Гръцки извори», т. IV, 1961, 355 стр.) и IX («Гръцки извори», т. V, 1964, 355 стр.). Находятся в печати т. X серии («Турски извори», т. III), XI («Гръцки извори», т. VI), XII («Латински извори», т. III) и др.

⁵ «Положението на българския народ под турско иго», 1953, 463 стр.; «Работническото движение в България 1878—1904 г. Материали», т. I, 1953, 439 стр.; т. II, 1954, 584 стр.; т. III, 1955, 654 стр.; «Д. Благоев, сборник от документи», 1956, 431 стр.; «Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917—1919 г. Документи и материали», 1957, 866 стр.; «Архив на Г. С. Раковски». Писма, т. II, 1957, 907 стр.; «Еврейски извори за обществено-икономическото

развитие на балканските земи през XVI в.», т. I, 1958, 575 стр.; т. II, 1960, 510 стр.; «Документи за българската история из германските архиви 1829—1877 г.», 1963, 427 стр.; «Из архива на К. Иречек», т. III, 1963, 342 стр.; «Кодекс (Кондика) на църквата Св. Георги в Струга». Увод и документи, 1964, 125 стр.; «Братя Миладинови. Преписка», 1964, 272 стр. Находятся в печати т. III публикации «Архив на Г. С. Раковски» и др.

СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ В ПНР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Празднование двадцатилетия Народной Польши послужило поводом для подведения итогов ее достижений за истекший период, а также определения основных путей дальнейшего развития. Польские научно-исторические круги ознаменовали эту дату сессией, организованной Комитетом исторических наук

Польской академии наук (ПАН) в июне 1964 г.

Сессия напомнила о трудностях первых лет в области подготовки научных кадров, об условиях работы, о способах преодоления этих трудностей и отметила высокий уровень развития современной польской науки, превосходящий со всех точек

зрения достижения прежних лет. Наиболее существенные изменения к лучшему произошли в сфере изучения новейшей истории; о них свидетельствует рост числа занимающихся данной проблематикой исследователей, обогативших польскую историографию весьма ценными монографиями.

Работа в области истории польско-советских отношений осложнялась еще и тем, что приходилось преодолевать последствия антисоветской политики сатины и взглядов, которые тогда насаждались среди польской общественности. Однако последняя испытывала потребность в объективной оценке этих отношений. Поэтому данная тема разрабатывалась быстрее, чем другие вопросы новейшей истории. В первое время здесь преобладали работы публицистического характера. Но из-за краткости и упрощенности рассмотрения проблем, из-за отсутствия научного аппарата эти работы не могли заменить собой глубоких исследований.

Среди первых изданий, посвященных польско-советским отношениям, был ряд сборников документов. При их подготовке обращалось внимание на необходимость устранения ошибочных версий. Издание документов продолжает оставаться и сегодня отличительной чертой исследований в области истории польско-советских отношений, проводимых в ПНР. В начальный период частой и весьма существенной помощью польской науке была публикация переводов работ советских историков, относящихся к этой же проблематике.

Работы, посвященные исключительно польско-советским отношениям, появились сравнительно поздно. Однако в трудах по международному положению, а также по основным проблемам межвоенной Польши, вопросы польско-советских отношений занимают значительное место. Это диктуется исторической ситуацией и тем, что именно в этой области было особенно много недосказанного и извращенного. Большое внимание уделяется польско-советским отношениям в основных трудах, посвященных новейшей истории Польши (например, у Г. Яблонского: «Политика ППС в период первой мировой войны», в IV томе «Истории Польши», подготовленном Институтом истории ПАН). Большое внимание уделяется также проблематике первой мировой войны, послевоенных лет, когда в борьбе пролетариата с буржуазией определился дальнейший путь развития Польши, и более позднего времени, когда в возрожденном государстве установилась власть пролетариата, что коренным образом повлияло на польско-советские отношения.

В историографических трудах, выпущенных в ПНР, большое внимание уде-

ляется двум переломным периодам: первой мировой войне со всеми ее последствиями (и, в частности, образованием польского независимого государства) и второй мировой войне, после которой Польша стала народно-демократическим государством.

Упомянутая монография Г. Яблонского, а также работа Ю. Серадзского («Беловежа и Микашевичи»), Ю. Левандовского («Федерализм Пилсудского») и другие свидетельствуют об интересе к первому периоду. Что же касается второй мировой войны, то здесь основной проблемой был анализ сил, которые привели к поражению гитлеровской Германии, и анализ источников возрождения польского народа и государства. Исследования вскрыли банкротство эмигрантского правительства и его программы удержания белорусских и украинских территорий. В них рассматривалась организация при огромной помощи Советского Союза народного Войска Польского.

Все это нашло отражение прежде всего в диссертациях, главным образом военных историков из Военно-политической академии им. Ф. Держинского. Относительно небольшое количество работ посвящено межвоенным годам, т. е. с момента установления в Польше власти буржуазии до сентябрьской катастрофы.

За последние три года появился ряд интересных работ, в которых дана новая трактовка некоторых проблем истории польско-советских отношений. Среди них можно отметить работы К. Лаптера («Пакт: Пилсудский — Гитлер»), Е. Козенского («Чехословакия в польской политике 1932—1938 гг.») и др.

Для познания истории польско-советских отношений существенное значение имеют исследования, посвященные опыту польского рабочего революционного движения, ибо именно польский пролетариат был инициатором сближения с Советским Союзом и решительно отвергал концепции восточной экспансии. Работы, посвященные истории пролетарского движения, раскрывают солидарность и сотрудничество трудящихся масс Польши и СССР. Особенно ценными оказались новые труды по истории Коммунистической партии Польши, опирающиеся на весьма тщательные архивные разыскания. В них подчеркивалась огромная историческая заслуга КПП в разоблачении опасности, грозившей польскому народу в результате антинародной и одновременно антисоветской политики сатины. Таких работ становится все больше, и в научных исторических кругах они расцениваются как важные события научной жизни.

Наиболее существенным вкладом в изучение истории польско-советских отношений служит совместное польско-совет-

ское 10-томное издание «Документы и материалы». В настоящее время издан уже третий том этой публикации. Каждый из уже вышедших томов обсуждался в научных журналах, где указывались различные возможности дальнейшего улучшения всего издания. Для подготовки к публикации отдельных томов «Документов и материалов» польской стороной в рамках ПАН создан специальный сектор истории польско-советских отношений. Штат сектора состоит из 1 профессора, 2 доцентов и 12 вспомогательных научных сотрудников. Кроме того, в число его консультантов входят члены Польской академии наук — наиболее выдающиеся специалисты по новейшей истории и архивисты. Сотрудники сектора защитили по истории польско-советских отношений пять диссертаций.

В связи с накоплением ценных материалов сектор приступил к изданию сборников исследований, посвященных проблематике польско-советских отношений, и в текущем году сдает в набор

первый том. В сборниках будут разрабатываться важнейшие проблемы полувекковой истории польско-советских отношений. Они станут центром притяжения не только для исследователей, работающих в исторических институтах и научных учреждениях, но и для сотрудников университетских кафедр.

В настоящее время при участии Главного правления Общества польско-советской дружбы уже прошли предварительные совещания представителей кафедр истории СССР всех университетов, ставившие своей целью установление принципов взаимной информации, а также координации проводимых работ. Основным направлением дальнейшего развертывания научной деятельности является публикация монографий, посвященных отдельным периодам истории польско-советских отношений, и создание таким образом возможности для полной синтетической разработки этой проблематики, чего с нетерпением ждет польская общественность.

Тадеуш Цесляк

ПАМЯТИ ВАЦЛАВА ГУСЫ

В прошлом году на прилавках газетных книжных магазинов, на полках библиотек появилась книга по истории братских чешского и словацкого народов, доставившая большую радость читателям. Речь идет о прекрасно изданной чехословацким издательством «Артия» книге покойного Вацлава Гусы «История Чехословакии» на русском языке. К несчастью, книга оказалась последней работой этого крупнейшего знатока истории своего народа, изучавшего ее самые различные эпохи, сделавшего большой вклад в создание марксистской концепции истории Чехословакии. В течение десятилетий с кафедры Карлова университета проф. Вацлав Гуса раскрывал перед студентами картины родного прошлого. И его последняя большая книга, богато иллюстрированная, представляет собой замечательный образец высокого мастерства историка. В. Гуса необычайно умело и тонко отобрал из прошлого своей страны действительно самое главное, самое важное. Он стремился не к тому, чтобы сделать краткий конспект тысячелетней истории чехов и словаков, а к тому, чтобы раскрыть перед читателем характер народа, революционную, освободительную борьбу его трудящихся масс, его вклад в мировую культуру, в создание общечеловеческих материальных и духовных ценностей, в борьбу за мир и дружбу между народами, за социализм.

Эта книга — не учебник. Педант может назвать сотни фактов и событий, которые можно было бы в нее включить. Но в том-то и дело, что в данной книге этого делать не следовало. Ибо ее главная цель — рассказать друзьям о том важнейшем, что пережито народами Чехословакии за тысячелетие, к чему привела и чем увенчалась их многовековая упорная борьба. Эта цель достигнута. И здесь хочется высказать слова искренней благодарности

не только В. Гусе, но и коллективу издательства «Артия», сумевшему помочь автору доступно, ярко и образно запечатлеть картины чехословацкой истории.

Когда я взялся за перо, чтобы рассказать читателям нашего журнала о книге Вацлава Гусы, — пришло печальное известие о его кончине. Пришло неожиданно. Никто не хотел верить этому известию. Все, кто знал Вацлава Гусу — человека огромной энергии, неутомимого и в делах науки, и в делах общественных, не могли себе представить, что так неожиданно и обидно оборвется его жизнь.

Автор этих строк лично знал Вацлава Гусу и дружил с ним почти семнадцать лет. С первой встречи во Вроцлаве на VII съезде польских историков в сентябре 1948 г. до последней в Праге в мае июне прошлого года — всегда я видел его живым, энергичным, увлеченным своими научными, университетскими, общественными делами. А дел у него было много: профессор, заведующий кафедрой Карлова университета в Праге, член-корреспондент Чехословацкой академии наук, председатель Чехословацкого исторического общества, генеральный секретарь Славянского комитета Чехословакии, активный участник движения за мир.

Вацлав Гуса был большим, искренним другом советского народа, он очень много сделал для укрепления советско-чехословацкой дружбы. Те, кто знал его, навсегда сохраняя о нем добрую и светлую память. Те, кто не знал — прочтут подготовленную им для советского читателя «Историю Чехословакии» — с ее страниц встанут не только образы прошлого чешского и словацкого народов, но и образ автора книги — умного, глубоко эрудированного ученого, принципиального коммуниста, активного борца за дружбу наших народов.

И. И. Удальцов

CONTENTS

- The tasks of the study of the great heritage of V. I. Lenin. *M. A. Birman*. V. I. Lenin and the struggle of the revolutionary social-democrat of Balkan countries against the imperialist war in 1914—1915. *Felix Tych* (Poland). Leninism and the Polish social-democracy. *E. D. Vorobyeva*. The formation and activities of the Czechoslovak Society for economic and cultural rapprochement with the new Russia (1925—1927) 3

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- A. I. Zhuravsky*. On some peculiarities of the relationship between the old Slavonic and the Byelorussian literary languages. *B. Florea*. On a source for «A Treatise on two Sarmatias» by Matvei Mekhowsky. *V. G. Karasev*. An unpublished letter by V. Pelagič. 44

BIBLIOGRAPHY

- A. M. Orekhov*. Books on V. I. Lenin's stay in Poland and Czechoslovakia. *L. B. «The socio-economic development of Bulgaria (1944—1964)»*. *A. I. Nedorezov*. *V. Kotyk*. O zahraniční politice socialistických států. *D. Pestchany*. Веселин Хаджиниколов. Интернационалистическите традиции на Българската Коммунистическа партия. *V. D. Voznesensky*, *V. K. Volkov*. L. B. Valev. The Bulgarian people in the struggle against fascism (before and at the beginning of World War II). *G. M. Slavin*. On the interpretation of the history of the USSR in some Yugoslavian textbooks. *R. P. Grishina*. Д. Мичев. Четническото движение в България. 1924—1925. *N. Ratner*. Jiří Kofalka. Všeneměcky svaz a česká otázka koncem 19 století. *V. A. Dyakov*. Zb. Ćwiek. Przywódcy powstania styczniowego. *I. V. Sozin*. Ryszard Orłowski. Położenie i walka klasowa chłopów w Ordynacji Zamojskiej w drugiej połowie XVIII wieku. *V. D. Koryolyuk*. Vojtech Ondrouch. Nálezy keltských, antic-kých a byzantských minci na Slovensku. *T. A. Vozdvizhenskaya*. «Wissenschaft am Scheidewege». *S. V. Nikolsky*. Dějiny české literatury, t. II. *A. P. Solovyeva*, *L. S. Kishkin*. Dějiny české literatury, t. III. *V. I. Zlydnev*. A study on a Bulgarian literary newspaper. *G. J. Ilyina*. Vice Zaninovič. August Cesarec (Život i rad). *L. K. Antonin Macek*. Stati o kultuře, umění a literatuře. *E. P. Lvova*. A book on the Bulgarian pictorial art. *L. A. Kozyreva*. A new book on Smetana. *A. I. Rogov*. Two books on Bulgarian miniatures of the XIV century. *L. I. Zabavnova*. «In honorem Thaddaei Lehr-Splawiński». *V. V. Usacheva*. The Dictionary of T. G. Shevchenko's language. *E. V. Mikhailov*. «The development of the world socialist economic system and the economic cooperation of the member countries of Comecon». 66

SCIENTIFIC LIFE

- E. P. Naumov*. The Problems of Slavic Studies at the general session of the Department of History of the Academy of Sciences of the USSR. *G. N. Sapozhnikova*. At the sector of the History of the countries of people democracy of the Institute of History of the Academy of sciences of the USSR. *N. K. Bogolyubova*. At the chair of the history of Southern and Western Slavs of the Moscow University. *A. R. Volkov*. The sixth Ukrainian slavists conference. *V. K. Sokolova*. The problems of slavistics at the International Congress of anthropological and ethnological sciences in Moscow. *M. I. Lekomtseva*. The university conference on Indo-European linguistics. 105

At the Institute of Slavic studies of the Academy of sciences of the USSR

- M. I. Kopasheva*. The Sector of the history of Slavic countries in the period of Socialism. *A. S.* The Sector of Slavic literatures. *N. Prokopheva*. The group of the history of culture of Slavic countries. *M. K.* A meeting with a group of lecturers from the CC CP of Czechoslovakia. 119

Scientific life abroad

- Goran Todorov* (Bulgaria). The scientific activities of the Institute of history of the Bulgarian Academy of sciences. *Tadeusz Cieślak*. (Poland) The state and development of the research on the history of Polish-Soviet relations in Poland. *I. I. Udaltsov*. In memoriam of Vaclav Husa. 121

Адрес редакции: Москва, Г-59, Трубниковский пер., 30а, тел. Б 1-37-40

Технический редактор *T. A. Михайлова*

Т-04542	Подписано к печати 22/III 1965 г.	Тираж 1000 экз.	Зак. 1710
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 11,2	Бум. л. 4	Уч.-изд. листов 14,0

2-я типография «Наука». Москва, Шубинский пер. 10

Цена 1 руб.

Индекс
70891